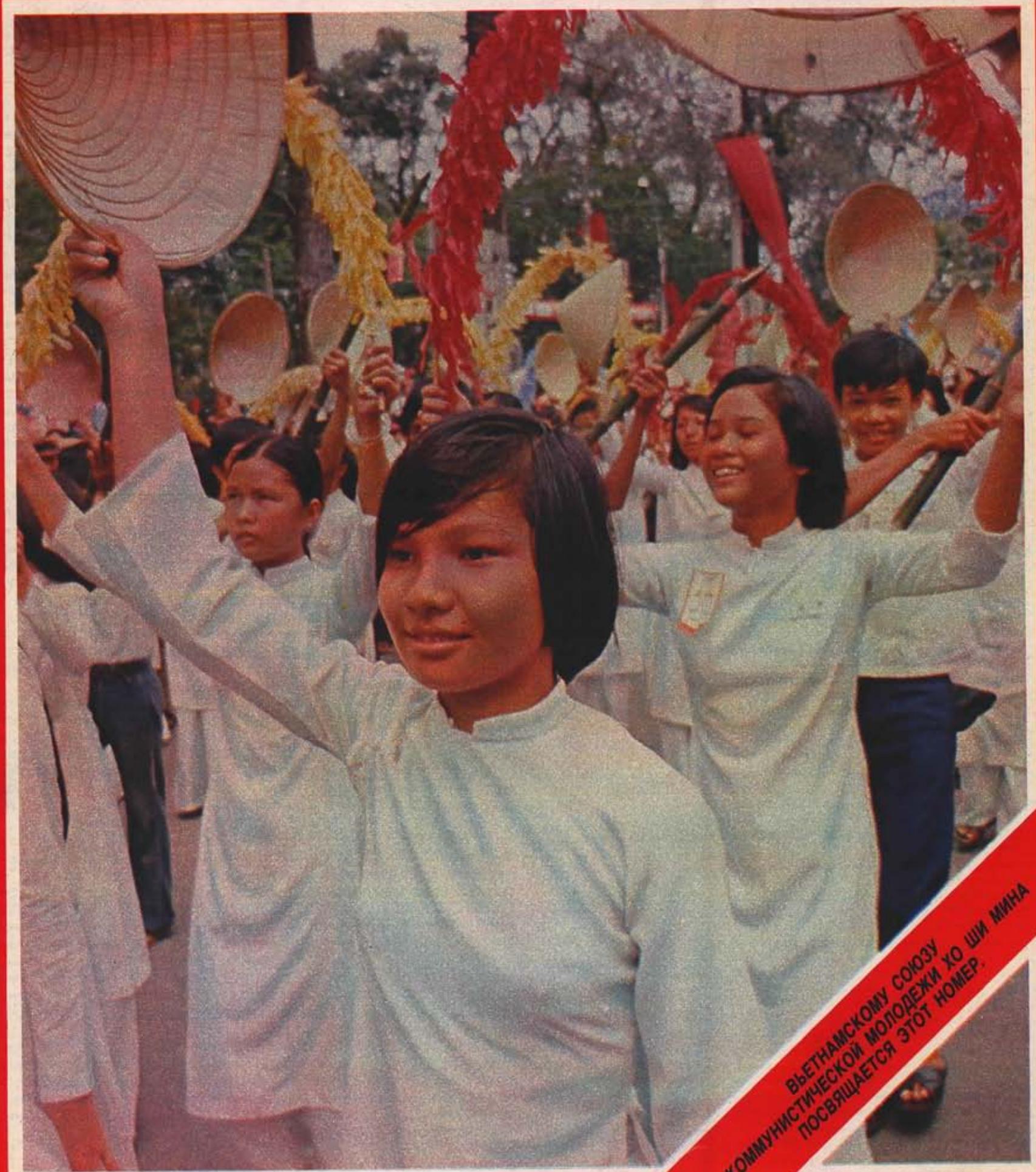

смена

№ 22 Ноябрь 1978

ВЬЕТНАМСКОМУ СОЮЗУ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ХО ШИ МИНА
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТЫЙ НОМЕР.

На торжественном празднике, посвященном славному 60-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, с особой силой прозвучала мысль об интернационализме, боевой солидарности ВЛКСМ с прогрессивной молодежью мира, с братскими союзами молодежи.

Читатели нашего журнала уже имели возможность познакомиться со специальными номерами «Смены» о Димитровском союзе молодежи Болгарии, Союзе молодых коммунистов Кубы, Социалистическом союзе молодежи Чехословакии, Монгольском революционном союзе молодежи.

В этом номере «Смены» — повествование о молодом Вьетнаме, о Союзе коммунистической молодежи Хо Ши Мина. Совсем недавно, в сентябре нынешнего года, вьетнамский народ и с ним все его истинные друзья отметили знаменательную дату — 33-ю годовщину образования первого рабоче-крестьянского государства в Юго-Восточной Азии.

В приветствии, направленном по этому случаю Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым и Председателем Совета Министров СССР товарищем А. Н. Косыгиным руководителям Социалистической Республики Вьетнам, говорилось:

«Под руководством своего боевого авангарда — партии коммунистов вьетнамский народ прошел за истекший период путь суровой борьбы и испытаний. Опираясь на бескорыстную помощь друзей, он нанес поражение колонизаторам, империалистическим агрессорам и их приспешникам, отстоял свободу и единство родины и ныне, преодолевая трудности и преграды, успешно решает важные задачи, которые поставлены IV съездом Коммунистической партии Вьетнама, уверенно строит новое общество».

«Вьетнамский народ глубоко понимает, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПВ товарищ Ле Зуан, — что как раньше, так и теперь каждый его шаг вперед, каждая победа вьетнамской революции неразрывно связана с важнейшими историческими событиями, происходящими в Советском Союзе». Высокие принципы дружбы и сотрудничества были с новой силой выражены в документах, принятых во время ноябрьского официального дружественного визита в нашу страну делегации КПВ и правительства СРВ во главе с товарищами Ле Зуаном и Фам Ван Донгом. Социалистический интернационализм — явление глубокое и многогранное.

Важная его составная часть — дружба и сотрудничество ВЛКСМ и СКМ Хо Ши Мина.

Этот номер «Смены» выходит в дни, когда Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина идет к своему IV съезду. Наш рассказ — о самоотверженной деятельности СКМ, молодежи единого социалистического Вьетнама по строительству нового общества, об их связях с ВЛКСМ, советской молодежью. Наш рассказ — о молодых шахтерах и рисоводах, становчиках и студентах, о добровольцах отрядов ударной молодежи и отважных воинах, защищающих свою родину от посягательств извне, о тех, кто осваивает новые экономические районы, кто работает, учится и борется во имя утверждения социалистического образа жизни, кто не дрогнул перед лицом испытаний и трудностей, полон молодого оптимизма, сил и энергии, кто видит в комсомольцах нашей страны, в молодом поколении СССР братских социалистических стран своих истинных и верных друзей. Наш рассказ — о важном опыте братского Союза молодежи единого социалистического Вьетнама.

О МОЛОДЕЖИ

Ле ЗУАН,
Генеральный секретарь
ЦК Коммунистической партии Вьетнама.

Блестящие перспективы социалистического Вьетнама находятся в руках молодежи, подростков и детей. На протяжении полу века, от Товарищества революционной молодежи до Союза трудящейся молодежи Хо Ши Мина¹, под руководством коммунистов поколения вьетнамской молодежи всегда были ударной силой и в годы подъема революционной борьбы, и в двух великих войнах Сопротивления, и на нынешнем этапе социалистической революции. Формировались и продолжают формироваться новые поколения молодежи, закаляясь в горниле революции. Это люди с революционными идеалами, разбирающиеся в политике, обладающие культурными, научными, техническими знаниями, проявляющие мужество и творчество как в борьбе, так и в производстве. Необходимо развивать замечательные традиции молодежи, воспитывать ее, растиль людей нового, социалистического типа, верных и доблестных продолжателей славного революционного дела партии и нации, которые обеспечат полную победу дела социалистического и коммунистического строительства в нашей стране. «Воспитание революционного поколения для будущего — дело очень важное и необходимое»². Это важная политическая задача всей партии. Это также трудная и славная ответственность Союза молодежи.

Союз молодежи должен строиться и прочно укрепляться в политическом, идеологическом, организационном отношениях, чтобы быть достойным звания организации коммунистической молодежи, школы коммунизма для юношества, действенного помощника и верного резерва партии. Союз должен всесторонне воспитывать, закаливать молодежь, развивать ее ударную роль в трех революциях, в деле восстановления и развития экономики, культуры, в соревнованиях за производственный труд и в защите родины. Союз ответствен за подготовку и рекомендацию достойных членов союза для вступления в партию, за качественное пополнение кадров для партии и государства.

Надо усилить воспитание молодежи в духе марксистско-ленинского мировоззрения, линии политики партии и государства, революционных традиций нации и партии, новой морали и нового образа жизни. Мы должны прививать молодежи чувство коллективного хозяйствования, благородные идеалы, дух героики, принципы «живь, борься, трудиться и учиться по примеру великого Дяди Хо», «молодежь там, где это необходимо родине, молодежь там, где есть трудности».

Следует стремиться к тому, чтобы молодежь овладевала культурой, наукой, техникой и специальностями. Нужно привлекать все большее число молодежи в руководящие и управленические органы с целью воспитания и подготовки большого числа молодых кадровых работников. Необходимо заботиться об интересах молодежи, о ее здоровье, условиях труда, учебе и досуге. Надо воспитывать у молодежи правильное понимание вопросов дружбы, любви, брака и семьи, направлять ее на борьбу за предотвращение и устранение влияния буржуазного образа жизни, буржуазной культуры, прививать стремление к цивилизованной, здоровой, организованной и дисциплинированной жизни.

Союз молодежи должен совершенствовать методы деятельности в соответствии с возрастными особенностями молодежи. Нужно использовать широкие организационные формы для вовлечения несоюзной молодежи в общественную работу, в практические революционные действия и таким образом воспитывать и закалять ее.

¹ Ныне Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина.

² Хо Ши Мин. О Ленине, ленинизме и нерушимой советско-вьетнамской дружбе, стр. 310.

ОДЕЖИ

Chân ái tay bạn đọc tôi chỉ
Xin lỗi và cảm ơn bạn K. V. S.
20-9-1978

На память читателям журнала «Смена» и советской молодежи.

Ле Зуан.

Союз молодежи ответствен за шефство над Пионерской организацией Хо Ши Мина и Детской организацией Хо Ши Мина. Необходимо воспитывать детей и подростков в соответствии с указанными Дядей Хо пятью пунктами¹, вырабатывать сознание коллективного хозяина, не допускать дурного влияния, изживать отсталые педагогические взгляды и методы. У государства должен быть план изготовления и предоставления соответствующим организациям инвентаря, необходимого для работы и занятий пионеров и детей.

(Из «Политического доклада ЦК КПВ на IV съезде Коммунистической партии Вьетнама», декабрь 1976 года.)

¹ Пять наказов Хо Ши Мина пионерам и детям:
Любить родину, любить соотечественников.
Хорошо учиться, хорошо трудиться.
Быть сплоченными, дисциплинированными.
Соблюдать гигиену.
Быть скромными, честными и храбрыми.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1236) НОЯБРЬ 1978

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАША ОБЛОЖКА:
«Мы—строители
новой жизни».

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА.

- 1 ЛЕ ЗУАН, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЬЕТНАМА. «О МОЛОДЕЖИ».
- 2 ДАНГ КУОК БАО, ЧЛЕН ЦК КПВ, ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК СОЮЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ХО ШИ МИНА. «ВСЕГДА ВПЕРЕДИ».
- 6 «РУКОПОЖАТИЕ». Письма о дружбе.
- 8 «ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ, ОДНА ДОРОГА». Страницы жизни, труда и борьбы комсомольцев и молодежи Социалистической Республики Вьетнам.
- 12 «ВЬЕТНАМЦЫ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ». Очерк Валериана СКВОРЦОВА.
- 14 НГУЕН ВАН КИНЬ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА ВЬЕТНАМО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ. «ДНИ И СТОЛЕТИЯ МУЖЕСТВА».
- 15 Герман ТИТОВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКОЙ ДРУЖБЫ. «ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА».
- 18 Георгий ГРАММАТЧИКОВ. «ВАЛЬДЕК-РУССО» СНИМАЕТСЯ С ЯКОРЯ».
- 20 Борис ФАИН. «ТОВАРИЩ ВИНЬ».
- 22 Владислав ЯНЕЛИС. «СТРЕЛЫ ОДНОГО КОЛЧАНА».
- 24 Анатолий МАКСИМОВ. «СОЛНЕЧНЫЙ ДОМ».
- 25 «НАДЕЖД МОИХ ЗВЕЗДА...» Стихи поэтов Вьетнама.
- 26 Анатолий БАРАНОВ. «ЗОЛОТОЙ КОЛОКОЛ».
- 27 ДО ТЮ. «СИНЕВА». Рассказ.
- 30 Владислав ПЕТРОВСКИЙ. «МЕЛОДИЯ». Юрий НАТОВ. «УЧЕНЫЕ ИЗ ДУБНЫ».
- 31 ВЬЕТНАМ: КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1978 г.

«Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина, как и вся вьетнамская молодежь, бесконечно гордится своим родным братом—Ленинским комсомолом, который за 60 лет под руководством славной Коммунистической партии Советского Союза прошел блестящий исторический путь, совершил замечательные подвиги в строительстве и защите первого в мире социалистического государства».

Из выступления Данга Куок Бао на торжественном заседании в Москве, посвященном 60-летию ВЛКСМ.

**Ответы члена ЦК КПВ,
Первого секретаря Центрального Комитета
Союза коммунистической молодежи
Хо Ши Мина
товарища ДАНГ КУОК БАО
на вопросы главного редактора
журнала «Смена».**

политикой реакционных кругов в пекинском руководстве и их союзом с силами империализма, СКМ в своей идеино-политической работе воспитывает у нашей молодежи чувства глубокого сознания прав и обязанностей в деле строительства экономики и культуры страны, защиты родины, заботится о том, чтобы она с честью выполняла свой интернациональный долг, вместе с молодежью всей планеты боролась за мир, национальную независимость, демократию и социализм. Активисты, члены СКМ Хо Ши Мина, все молодые люди Вьетнама, глубоко и четко осознавая новое положение страны в международной жизни, стремятся под руководством нашей славной коммунистической партии

ВСЕГДА

**МАЗОЛЕЙ ХО ШИ МИНА — СВЯЩЕННОЕ
МЕСТО ДЛЯ КАЖДОГО ВЬЕТНАМЦА.**

**КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ — ВАЖНЕЙШИЙ
ПОКАЗАТЕЛЬ КВАЛИФИКАЦИИ И МАСТЕРСТВА
МОЛОДЫХ РАБОЧИХ, КОМСОМОЛЬЦЕВ.**

венинский комсомол, вся советская молодежь с огромным вниманием и интересом следят за жизнью Социалистической Республики Вьетнам, за замечательными творческими делами братского Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина, совершамыми под руководством Коммунистической партии Вьетнама. IV съезд КПВ стал вехой в истории страны. Мы знаем о громадных успехах молодежи, направленных на претворение в жизнь решений партийного съезда. Расскажите, пожалуйста, о главных направлениях работы СКМ Хо Ши Мина сейчас, когда Союз идет к IV съезду.

Решения IV съезда КПВ и резолюции II, III, IV пленумов Центрального Комитета Коммунистической партии Вьетнама наметили направления работы всей партии, всего вьетнамского народа. Претворяя в жизнь эти важные решения, СКМ Хо Ши Мина — активный помощник и мощный, надежный резерв КПВ — с энтузиазмом развивает право молодого поколения страны быть коллективным хозяином общества.

Усиливается работа по строительству и организационному укреплению Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина в связи с новой обстановкой в нашей стране — прежде всего в его низовых

звеньях. Ведется активная деятельность по расширению рядов СКМ и повышению качества работы каждого члена союза, особенно в южных провинциях, чтобы Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина достойно выполнял свою функцию передовой организации молодежного движения Вьетнама на новом этапе революции.

Наряду с работой по строительству и укреплению союза мы уделяем самое серьезное внимание мобилизации всех юношей и девушек страны в отряд строителей социализма, стремясь на основе известных идей нашей партии полностью реализовать возможность молодежи быть коллективным хозяином своей страны, всесторонне и творчески участвовать в созидании нового общества. Более 12 миллионов молодых людей и 13 миллионов пионеров, детей Вьетнама сплотены под руководством КПВ в ударный отряд, ядром которого является СКМ Хо Ши Мина и который составляет огромную силу, способную преодолеть любые трудности и препятствия.

Усиливается работа по политическому и идеологическому воспитанию активистов, членов союза и всех молодых людей в соответствии с задачами, стоящими перед страной, а также международным политическим положением в настоящее время.

Осуществляя решения IV съезда КПВ и в связи с сегодняшней обстановкой, когда наша родина находится перед лицом новых испытаний, вызванных

РАЗВЕДЧИКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ.

постоянно находиться в авангарде борьбы, с честью выполнять свои обязанности, быть ударной силой революции.

После успешного завершения XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов на Кубе, в котором делегация молодежи и студенчества Вьетнама приняла самое активное участие, мы проводим среди нашей молодежи широкую разъяснительную работу о важном значении победы идей фестиваля, стараясь добиться того, чтобы молодые люди во всех уголках нашей страны убедились в силе интернациональной солидарности, которая была выражена на фестивале молодежью и студенчеством мира нашей стране в связи с новой обстановкой во Вьетнаме.

Усиливается движение «Три ударных направления, быть коллективным хозяином». Мы мобилизуем все силы молодежи Вьетнама на строительство и защиту социалистического отечества, на учебу и борьбу за знания, обеспечивая всесторонний рост молодого поколения, закаляем его в стремлении быть ударным отрядом, стать верным и надежным наследником революционного дела нашей партии.

Улучшается работа по строительству пионерской организации Хо Ши Мина и детского Союза имени Хо Ши Мина. История революции за прошедшее время показала роль наших пионеров и детей в общей борьбе. В настоящее время вьетнамские пионеры и дети широко проводят различные полезные кампании, например, «Маленький пионерский план». Работа СКМ направлена на то, чтобы организовать всех подростков и ребят и посредством

коллективных мероприятий пионерской организации и детского союза развивать и воспитывать их в духе идей нового общества, растиль достойными и надежными наследниками дела партии и СКМ.

Сейчас одной из главнейших задач СКМ Хо Ши Мина является подготовка к своему очередному IV съезду, который будет иметь исключительно важное значение в политической жизни вьетнамской молодежи. Лучшие представители молодого поколения Вьетнама собираются в столице нашей страны для участия в этом важном форуме. Мы готовимся также к приему наших зарубежных друзей — гостей этого съезда.

— Второй наш вопрос связан с первым. Расскажите, пожалуйста, подробной о массовом движении вьетнамской молодежи «Три ударных направления в осуществлении принципа коллективного хозяйствования».

— В свете требований новой политической ситуации XXV пленум ЦК СКМ Хо Ши Мина, созванный в начале 1978 года, принял решение о развертывании движения «Три ударных направления».

Это движение направлено на то, чтобы, развивая право молодежи быть коллективным хозяином социалистического общества, мобилизовать и орга-

низовывать ее в ударную силу революции, помочь в выполнении священных обязанностей юности перед родиной: трудиться, готовиться к защите отечества, учиться и закаляться, создавая новую жизнь.

Быть ударной силой на производственном фронте означает, что наша молодежь должна отдать все свои способности и энтузиазм работе во всех отраслях национальной экономики: в сельском хозяйстве, в промышленности, на транспорте и т. д., должна внести существенный вклад в успешное выполнение государственного плана второй пятилетки 1976—1980 годов.

Молодежь должна быть ударным отрядом в деле защиты родины, решительно и мужественно защищать суверенитет, территориальную целостность страны, обеспечить политическую безопасность и общественный порядок в любое время, в любой обстановке, всегда быть готовой вступить в ряды народных вооруженных сил, чтобы вместе со всем народом ликвидировать преступления реакции на юго-западной границе страны, проявлять постоянную бдительность и готовность разгромить с самого начала авантюристические акции международной реакции, выступающей в союзе с империализмом,

если они рискнут развязать агрессию против нашей любимой родины — социалистического Вьетнама.

Быть первыми в учебе, всесторонне закаляться, создавая социалистический строй, — значит становиться людьми нового образа жизни — всестороннего, гармоничного развития, способными построить на нашей земле жизнь высокой культуры и большого человеческого счастья.

Уже более 80 процентов низовых организаций и 78 процентов членов СКМ Хо Ши Мина и молодых людей Вьетнама заявили о добровольном участии в этом движении. Их активность особенно возросла с начала июля нынешнего года, когда наша страна встала перед новой опасностью, вызванной политической реакцией кругов в пекинском руководстве, идущей вразрез с интересами народа и молодежи Вьетнама и Китая. ЦК СКМ Хо Ши Мина вынес решение о создании «отрядов ударной молодежи, строящей новую жизнь и защищающей родину». Лишь в первые недели существования этих отрядов более 2 миллионов юношей и девушек со всех уголков страны, из городов и деревень, от горных районов до далеких островов, добровольно вступили в них. Добровольцев отличает горячий социалистический патриотизм, решимость надежно защищать родину, глубокое осознание своей ответственности за судьбу отечества и интернационального долга перед друзьями на всех пяти континентах.

Можно сказать, что это движение стало самым ярким свидетельством силы и сплоченности молодости Вьетнама после победы над американскими агрессорами. «Отряды ударной молодежи», хорошо и широко организованные, способны действовать в любой момент и уже отлично проявили себя, совершив много славных дел и подвигов.

13 лет тому назад, когда США стали расширять разрушительную войну на севере Вьетнама, более трех миллионов вьетнамских юношей и девушек, отвечая на призыв президента Хо Ши Мина, за короткий срок объединились и влились в движение «Три готовности» (молодежь готова сражаться, и мужественно сражаться, готова вступить в ряды народных вооруженных сил, готова преодолеть трудности на производстве, работать и учиться в любой ситуации). Именно молодежные отряды «Три готовности» составили решающую силу, обеспечившую полный разгром американских агрессоров и их приспешников. И сегодня мы убеждены, что «отряды ударной молодежи» с честью выполнят свою задачу перед историей.

— «Смена» — журнал рабочей молодежи. И потому нам хотелось бы услышать ваш рассказ о том, как живет, как работает и учится молодой рабочий класс Вьетнама.

— Во Вьетнаме число рабочей молодежи непрерывно растет. Если в 1960 году насчитывалось 200 тысяч человек, то сейчас — более одного миллиона.

Вьетнамская рабочая молодежь как часть самого передового класса страны самоотверженно, с кипучим энтузиазмом строит социализм и защищает отечество.

В первой половине 1978 года более 600 тысяч молодых рабочих, занятых только в промышленности, взяли на себя обязательства перевыполнить производственный план, отработать на общественных началах 1 миллион 890 тысяч дней, добровольно стали шефами 11 376 различных объектов...

Рабочая молодежь активно помогает труженикам сельского хозяйства в преобразовании деревни. 420 первичных комсомольских организаций заводов, фабрик и учреждений мобилизовали членов СКМ и несоМЮЗНЮ молодежь на работу, связанную с проектированием и сооружением сельских объектов, планированием сельскохозяйственных зон; молодые рабочие участвуют в производстве продукции и ремонте машин для сельского хозяйства, в восстановлении и создании ирригационных сооружений и электростанций для деревни...

Внося значительный вклад в решение повседнев-

Фото Сергея ПЕТРУХИНА и Май НАМА.

СЧАСТЬЕ... ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.
НА СТРОЙКИ ПЯТИЛЕТКИ ПРИХОДИТ
ВСЕ БОЛЬШЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ.

ГЕРОИ ГРАНИЦЫ.

ных производственных задач, наша рабочая молодежь прилагает все силы к тому, чтобы в упорной учебе овладевать современными научно-техническими знаниями, постоянно повышает свой профессиональный уровень. Стремление творить, участвовать в рационализаторстве, в улучшении процессов технологии характерно для молодых рабочих буквально каждого предприятия страны. Отвечать за свою работу, уметь выполнить самые сложные задания, которые диктуются производственной необходимостью в условиях научно-технической революции, — таков принцип, по которому живет и работает молодой рабочий класс Вьетнама.

Сотни тысяч молодых рабочих самых различных профессий соревнуются в конкурсах мастерства «За звание лучшего специалиста своего дела». Более 20 тысяч молодых рабочих текстильной промышленности проводят сейчас свой IV конкурс.

К общенациональному соревнованию с энтузиазмом готовятся молодые трактористы и механизаторы. Коллективы 458 предприятий страны систематически развивают техническое творчество молодежи. На многих предприятиях открылись выставки творчества и новаторства молодых. Вьетнамская молодежь добилась больших успехов и на международной выставке «Научно-техническое творчество молодежи», которая была организована в Москве летом этого года. 28 молодежных коллективов Социалистической Республики Вьетнам получили грамоты и медали за творческие работы, представленные на этой выставке.

Ко всему сказанному следует добавить, что в связи с новой ситуацией в стране сотни тысяч молодых рабочих добровольно вступили в народные вооруженные силы, почти все молодые рабочие — члены отрядов самообороны на своих предприятиях. У них хорошая политическая и военная подготовка, высокая бдительность и боевитость.

В условиях, когда в жизни страны существуют немалые трудности, рабочая молодежь Вьетнама высоко поднимает дух классовой сплоченности и единства, взаимной помощи, оптимизма. Она строит полноценную, здоровую жизнь. На всех предприятиях у нас развивается художественная самодеятельность, с большой активностью участвуют рабочие в «Фестивале хоров молодых тружеников».

ПЕРЕКРЕСТОК В ХАНОЕ. ПУТЬ СВОБОДЫ.

СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ НА МНОГИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СРВ.

Большинство молодых рабочих умело преодолевает различные бытовые трудности, хорошо организует свою жизнь, восстановив свои дома, разрушенные войной, обрабатывает землю...

— Мы хотели бы услышать и рассказать о буднях армейской молодежи.

Перед лицом новых испытаний армейская молодежь Вьетнама готова сражаться, и отлично сражаться, хорошо учиться и закаляться, строго соблюдать военную дисциплину. Достижение этих трех целей необходимо для того, чтобы всемерно повышать боевую силу нашей армии, соответствовать всем требованиям и задачам защиты родины.

Молодые воины тех частей, которые днем и ночью выполняют свой долг на государственной границе и островах, используют каждую минуту, каждую секунду для повышения боевой готовности, военного мастерства. Они готовы с честью выполнить любое задание родины, ликвидировать любую агрессию. Все их усилия направлены на защиту каждой пяди священной родной земли, охрану воздушного пространства и морских рубежей социалистического Вьетнама.

Сейчас по всей армии проводится политический семинар «Молодежь и дело всей страны». Главная цель этого семинара — дать молодым военнослужащим анализ новой обстановки, раскрыть полную меру их ответственности перед родиной. В частях ВВС, МВС, ПВО, а также в походных частях молодые военнослужащие действуют под девизом «Экономить каждую секунду, отлично готовиться, отлично сражаться». Все это направлено на то, чтобы молодые солдаты быстро освоили военное дело, военную технику. Армейская молодежь с большим энтузиазмом соревнуется за повышение боеспособности вооруженных сил страны во имя полного разгрома врага, полной и окончательной победы.

— Какие задачи стоят сейчас перед будущими специалистами народного хозяйства социалистического Вьетнама, перед сегодняшними студентами и учащимися вашей страны?

— Для успешного претворения в жизнь решений IV съезда Коммунистической партии Вьетнама мы

должны разрешить важную проблему — подготовить качественную и многочисленную армию научно-технических кадров и работников народнохозяйственного управления. По плану второй пятилетки (1976—1980 гг.) нашей стране необходимо иметь более полумиллиона научно-технических работников, в том числе 200 тысяч специалистов с высшим образованием. Кроме этого, к концу 1980 года мы обязаны подготовить более одного миллиона квалифицированных рабочих. Эти цифры не малы, однако если учитывать нашу перспективу в строительстве социализма, подойти с позиций завтрашнего дня, то они окажутся скромными. Вся система подготовки специалистов при активном воздействии общественных организаций призвана формировать у сегодняшних студентов страны стремление к успешной учебе. Они должны стать кадровыми научно-техническими работниками, преданными делу социализма, с энтузиазмом овладевающими вершинами науки и техники во имя процветания страны и счастья народа, обладающими марксистско-ленинским мировоззрением, глубоко понимающими политику партии. Будущие спе-

циалисты обязаны отлично знать свое дело, уметь творчески применять последние достижения мировой науки и техники в условиях своей страны.

Студенческая и учащаяся молодежь сознает свой долг перед страной и народом, доказывает это конкретными делами в повседневной жизни и прежде всего — стремлением лучше учиться, закалять себя и воспитывать в себе борцов, чтобы быть достойными продолжателями традиций вьетнамских учащихся в годы антиамериканской войны. Они руководствуются заветом президента Хо Ши Мина студентам и школьникам страны: «...Наша Родина будет ли славной, наш народ будет ли равным с народами современных развитых стран мира — это во многом зависит от вашего подвига на учебном фронте...»

— Какие черты политической и идеологической работы СКМ Хо Ши Мина на современном этапе представляются вам особенно важными?

— Главное в идеино-политической работе СКМ Хо Ши Мина заключается в том, что он всегда основывался и основывается на требованиях революционного момента и активно проводит политическую линию партии на каждом этапе.

Вьетнам сейчас находится в особых условиях. Задача вьетнамской революции в данный момент — одновременно усиливать социалистическое строительство и решительно защищать родину, постоянно повышать революционную бдительность, боевую готовность.

Эта новая ситуация поставила перед идеино-политической работой СКМ Хо Ши Мина новые, исключительные требования. Следует вооружить молодежь четким пониманием этой ситуации и новых задач на основе полного усвоения линии партии, политики государства, развивать чувства социалистического патриотизма, инициативу, стремление быть коллективным хозяином страны, самостоятельность, творчество, укреплять решимость молодежи всей страны осуществить завет президента Хо Ши Мина: «Сделать нашу страну в десять раз краше и богаче, выполнить любую задачу, преодолеть любую трудность, победить любого врага».

— В чем, на ваш взгляд, заключаются особенности и специфика работы Союза в южных районах страны?

— После освобождения нам пришлось решать весьма много проблем в южных провинциях страны.

Воспитательная работа направлена главным образом на полную ликвидацию последствий неоколониализма, на восстановление нормальной жизни и психологии молодых людей — жертв старого режима, на воспитание у них чувства социалистического патриотизма и развития сознания о праве молодежи быть коллективным хозяином страны.

Прошло три года, и мы уже вернули человеческое достоинство, возвратили к нормальной жизни сотни тысяч молодых людей, бывших наркоманами, хулиганами, проститутками, беспризорниками... Нам удалось сформировать у молодежи в только что освобожденных районах новые чувства, стремление к счастливой и здоровой жизни — к социалистическому образу жизни. Недавно с помощью воспитательного курса «Страна и юность» мы смогли познакомить молодежь южных провинций с новой ситуацией в стране, с долгом и обязанностями на новом этапе вьетнамской революции. На протяжении длительной войны комсомольские организации в южных провинциях понесли серьезный урон. После трех лет, прошедших со дня освобождения, мы смогли восстановить организации Союза коммунистической молодежи почти во всех кварталах,

НА МАРШЕ ПИОНЕРИЯ.

общинах, районах, учреждениях, предприятиях, школах; быстро растет число новых членов СКМ. Комсомольские организации стали костяком и ядром, объединяющим молодежь Вьетнама вокруг Федерации вьетнамской молодежи. Подавляющее большинство молодежи вступило в федерацию. Другие формы по мобилизации и объединению молодежи также широко развивались и обрели успех.

Благодаря постоянным воспитательным и организационным мерам молодежь Южного Вьетнама принимает активное участие в движении «Три ударных направления, быть коллективным хозяином». Сотни тысяч молодых людей вступили в отряды добровольческой молодежи, ведут большую и плодотворную работу по социальному и экономическому преобразованию, участвуют в народных отрядах по обеспечению политической безопасности и общественного порядка, пришли в ряды бойцов народных вооруженных сил. Это революционное движение молодежи внесло огромный вклад в залечивание ран, нанесенных войной, в дело социалистического преобразования и строительства, в борьбу против камбоджийской реакции, в разгром темных замыслов внутренней реакции и тем самым способствовало существенному изменению облика юга страны в самых различных сферах жизни.

— Как бы вы характеризовали сегодняшние духовные запросы революционной молодежи Вьетнама, ее отношение к культурным ценностям?

— Вьетнамская молодежь под руководством КПВ, наследуя прекрасные традиции национальной культуры и идя революционным путем, стремится к высококультурной жизни. Главное для нее — иметь цель и идеал в жизни. Молодежь ясно сознает, что независимость, свобода, социализм — это и есть высокий идеал и цель жизни. Именно идеалы независимости, свободы и социализма вдохновили нашу молодежь на мужественные действия и поступки, сделали ее беспредельно преданной славной коммунистической партии, великому президенту Хо Ши Мину и любимой родине. Мужественно

жить, работать, сражаться, всегда быть готовой принять на себя самые трудные дела революции — такова наша современная молодежь.

Питать глубокую любовь и уважение к трудовому народу, проявлять сплоченность в труде, в сражениях, в учебе, считать борьбу за свободу и счастливую жизнь народа высшей, благородной целью и ненавидеть врагов революции — эти священные чувства объединили вьетнамскую молодежь в великий коллектив, в мощный революционный ударный отряд партии и всего народа.

Для нашей молодежи характерны оптимизм, прончая вера в будущее, в неизбежность победы революционного дела под руководством партии. В самые тяжелые, критические минуты молодежь всегда надежно стоит на передовых рубежах революционной борьбы, с воодушевлением сражается, трудится и учится. Она увлекается литературой, искусством, музыкой... Душа вьетнамской молодежи полна любовью к жизни, к будущему...

Революционная молодежь Вьетнама питает горячие и чистые чувства пролетарского интернационализма к прогрессивной и революционной молодежи мира и именно поэтому гордится тем, что является составной частью ее отряда в борьбе за мир, национальную независимость, демократию и социализм. Именно поэтому вьетнамская молодежь глубоко предана боевой дружбе с молодежью социалистических стран, с молодежью стран, борющихся за национальное освобождение, за демократию и

«МЫ — СТРОИТЕЛИ НОВОЙ ЖИЗНИ».

социальный прогресс. Поэтому вьетнамская молодежь уважает, хранит и защищает традиции дружбы с молодежью Китая и Камбоджи, чтобы никакая реакционная сила не могла очернить прекрасные чувства этой дружбы.

Враги многое разрушили в нашей стране. Но молодое поколение Вьетнама вместе со всем народом уверенно шагает вперед, к созданию счастливой жизни.

Совсем немного времени прошло со дня XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване, в котором самое живое участие приняла делегация Вьетнама. Что вы можете сказать о значении международных связей СКМ Хо Ши Мина?

На XI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване юность всего мира вновь объединилась в решительной поддержке вьетнамского народа и молодежи, которые ведут борьбу за территориальную целостность, суверенитет, национальную независимость своей страны, строящей социализм.

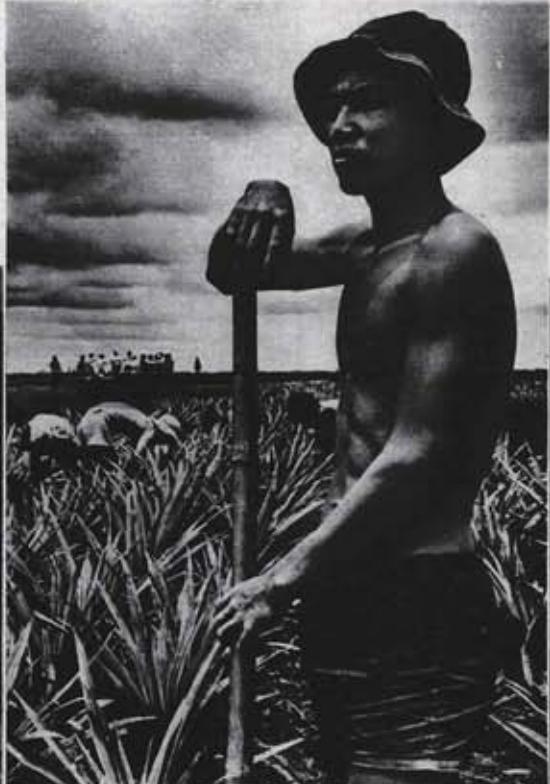
Вьетнамская молодежь искренне признательна за эту дружбу и солидарность. Наша партия постоянно воспитывает молодежь в духе интернационализма. Героической борьбой с империализмом Франции и

США и победой над ними вьетнамская молодежь выполнила не только свой долг перед нацией, но и международный долг. Именно в движении солидарности с Вьетнамом выросли и окрепли многие отряды молодежи мира.

Ныне международный империализм и реакция не хотят, чтобы СРВ стала богатой, сильной страной, не хотят, чтобы вьетнамский народ жил в мире и счастье. Но мы не одиноки в своей борьбе. Прогрессивные, миролюбивые люди всего мира стоят на нашей стороне, с решительностью поддерживают Вьетнам. И Вьетнам будет достоин поддержки и любви своих друзей.

Вьетнамская молодежь проявляет сочувствие и внимание к борьбе народов азиатских, африканских и латиноамериканских стран против империализма, колониализма во всех его формах, расизма, решительно поддерживает национально-освободительное движение, борьбу за демократию и социальный прогресс.

Вьетнамская молодежь, воспитанная Коммуни-

стической партией Вьетнама, президентом Хо Ши Мином и СКМ Хо Ши Мина, руководствуясь марксизмом-ленинизмом и пролетарским интернационализмом. Она хорошо понимает, что самая прочная опора для нас — содружество с социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом. Она глубоко понимает свой долг как перед собственной нацией, так и перед друзьями всего мира.

Недавно в Советском Союзе торжественно отмечался знаменательный праздник — 60-летие ВЛКСМ. Он стал и подлинным выражением интернационализма, боевой солидарности Ленинского комсомола с братскими союзами молодежи, прогрессивным юношеством мира. Народы и молодежь Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам связывают истинная дружба. Юноши и девушки вашей замечательной страны знают о кампании «Советская молодежь — юному поколению Вьетнама». Расскажите, пожалуйста, как вы оцениваете деятельность СКМ Хо Ши Мина по укреплению и развитию дружбы между народами и молодежью обеих стран.

С давнего времени народы и молодежь ССР и СРВ были тесно связаны искренней братской дружбой и боевой солидарностью. Эти чувства укрепляются и углубляются с каждым днем.

Из страны, покрытой черными тучами колониализма, президент Хо Ши Мин нашел путь к марксизму-ленинизму, к Ленину и родине Великой Октябрьской социалистической революции. Именно здесь, на родине Ленина, Хо Ши Мин обрел дорогу к национальному освобождению и указал вьетнамской революции путь к славной победе.

В самые трудные дни сопротивления французским колонизаторам советский народ и советская молодежь оказали большую искреннюю помощь нашему народу и нашей молодежи. И в это время первые вьетнамские делегации посетили Родину великого Ленина, почерпнув новый заряд сил для борьбы. Советский Союз стал для вьетнамских патриотов, сражавшихся против агрессоров, ярким примером, источником мощного вдохновения и веры в победу.

В годы, когда Северный Вьетнам строил социализм, а Южный Вьетнам вел мужественную войну против американских агрессоров и их приспешников, народ, молодежь Советского Союза помогали нам в нашей борьбе, разделяли с нами каждый успех, радость побед и горечь неудач. Терпя поражение за поражением на юге, СССР вели бешенную разрушительную войну с воздуха и с моря против ДРВ. Молодежь и народ Вьетнама никогда не забудут, как в эти критические для нашей родины дни ВЛКСМ широко развернули кампанию «Советская молодежь — юному поколению Вьетнама». Миллионы комсомольцев и пионеров Советского Союза активно участвовали в этой кампании, руководствуясь чувством солидарности с Вьетнамом, по велению своей совести, своего сердца. В настоящее время, развивая и углубляя эти чувства дружбы, СКМ Хо Ши Мина и ВЛКСМ постоянно расширяют самые разносторонние контакты, каждый год проходит интенсивный обмен молодежными делегациями.

Кроме этого, наши союзы молодежи изучили возможность развития дружественных связей между местными организациями СКМ Хо Ши Мина и ВЛКСМ. Например, установились крепкие братские связи между комитетом СКМ Хо Ши Мина в Куангнине и комсомольскими организациями города Донецка, между комсомольскими организациями Хошимина и Ленинграда.

У МОЛОДЕЖИ ВЬЕТНАМА СВОЯ ЦЕЛИНА.

ГРЕБЛЯ — ДРЕВНИЙ ВИД СПОРТА.

Особое место в наших отношениях занимают фестивали дружбы советской и вьетнамской молодежи. До недавнего времени состоялись три таких встречи, и сейчас мы готовимся к проведению четвертой. Отрадно отметить, что это происходит в год замечательного события — 60-летия ВЛКСМ.

Все это яркие примеры бескорыстной братской дружбы между молодежью наших стран, значительный фактор воспитания чувств пролетарского интернационализма.

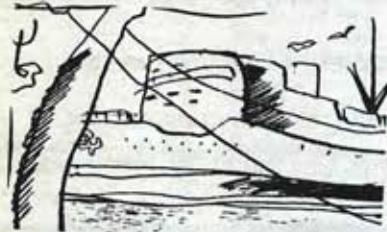
Отмечая 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, СКМ Хо Ши Мина проводил разнообразные мероприятия: организовал тысячи бесед об Октябрьской революции; издательства «Молодежь» и «Ким Донг» выпустили ряд книг, рассказывающих о незабываемых днях Октября; газеты «Тьен Фонг» и «Тхиен Ниен Тьен Фонг» публиковали тематические номера, посвященные Великому Октябрю, и пропагандировали его идеи. СКМ и ВЛКСМ совместно организовали выставку «Молодежь Страны Советов» в городе Хошимине, который еще три года назад находился под варварским гнетом сайгонской администрации. Пионерская газета организовала конкурс пионерии страны, который назывался «Мы рисуем и пишем об Октябрьской революции и стране великого Ленина». Лучшие работы наших пионеров в этом году были представлены в Москве в связи с новой замечательной датой — 60-летием ВЛКСМ.

Пользуясь случаем, хочу от имени вьетнамской молодежи передать народу, молодежи Советского Союза горячие поздравления в связи с 60-летием ВЛКСМ, выразить наши чувства глубокой и искренней благодарности за огромную и эффективную помощь и поддержку в борьбе нашего народа против американских агрессоров в прошлом, а также в деле строительства социализма и защиты нашей родины в настоящем. Со своей стороны, СКМ Хо Ши Мина сделает все от него зависящее для развития и укрепления братской дружбы и боевой солидарности между молодежью и народами наших стран. Хочу передать всем читателям журнала «Смена» наилучшие пожелания успехов, здоровья и счастья.

Советского человека, даже впервые приезжающего в Социалистическую Республику Вьетнам, сразу же встречает много давних и верных друзей.

И в маленькой деревушке и в большом городе советских людей сопровождают приветствия детей. И провожают их взмахи детских рук. Взрослые выражают свои чувства не столь эмоционально, но их братское отношение проявляется буквально во всем. Свидетельство тому — рассказы советских специалистов, работающих в СРВ, и сочинение вьетнамского школьника, получившего первую премию на традиционном республиканском литературном конкурсе, посвященном первой социалистической стране.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ТРАУЛЕРОВ

стреме и качественнее завершить наладку судов, подготовить их к выходу в море. Мы, советские специалисты, получаем большое удовлетворение от своей работы, ибо видим не только ее материальную, но и моральную пользу. Конечно, условия, в которых мы живем и работаем, в частности климатические, нелегки для нас, малопривычны, но мы чувствуем постоянную заботу о себе, например, в быту, и за это благодарны вьетнамским товарищам.

У нас одна цель, одна задача: дать подрудившимся траулерам вторую жизнь, помочь подъему экономики единого социалистического Вьетнама. И мы это сделаем.

Константин МИСЮРА,
инженер-механик

Полгода я живу и работаю во Вьетнаме, делаю хлеб и радость, тревоги и заботы с вьетнамскими товарищами. Мы ремонтируем средние рыболовецкие морозильные траулеры, поставленные Советским Союзом еще в 1965 году. Эти суда хорошо потрудились вблизи тропиков, экипажи наловили немало креветок и рыбы. Потом война прервала эксплуатацию СРТМ, теперь им требуется «лечение».

И я и мои товарищи, советские специалисты, например, мой земляк из города Находка Николай Солин, видим, что вьетнамские рыбаки за столь большой срок эксплуатации постарались как можно дольше сохранять технику, бережно относятся к ней. Радуют их до-точность, аккуратность и на ремонтных работах. Отмечу дизайнера Нгуен Ван Лока, человека настоящей рабочей хватки, рачительного и умного мастера. И он и все наши вьетнамские коллеги стараются полностью использовать опыт и знания советских консультантов, бы-

Несколько месяцев назад меня вызвал начальник «Грузгеологии» и сказал, что наша страна будет строить во Вьетнаме мелькомбинат с годовой производительностью 100 тысяч тонн. Но прежде надо подготовить площадку, убрать в горах очень сложного рельефа больше миллиона кубических метров грунта и скальных пород. Нужен опытный взрывник. На раздумье — три дня. «Зачем три дня», — сказал я, — если подожду, то готов ехать хоть завтра».

Удивительное это место — залив Ха Лонг, мне никогда не приводилось видеть ничего подобного: живописные бухты, вырастающие из моря вертикальные горы, прозрачное море с коралловыми рифами. Неподалеку от залива в горах и должен был встать мелькомбинат, спроектированный советскими инженерами и оснащенный нашим оборудованием. Необходимость в таком комбинате огромная — край богат мощными угольными пластами, разработка которых ведется очень интенсивно, а пуск комбината поможет решить проблему обеспечения шахтеров и их семей продовольственными продуктами.

За дело принялись буквально на второй день после приезда. Вместе с автором проекта Николаем Ульяновым и

вьетнамскими товарищами начали разметку строительной площадки, расчеты для взрывных работ. Спустя несколько дней в окрестностях Ха Лонга прозвучало эхо первого мирного взрыва. А еще через некоторое время я уже преподавал теорию и практику взрывного дела целой группе молодых вьетнамских рабочих.

Не уставал удивляться их заинтересованности, напористости в учебе. Они

РУКОДО

Какая прекрасная заря у реки! Солнце показалось из-за кокосовых пальм, бросая сияние многочисленных лучей в воду. Огромная огненная масса сверкает над мелкими волнами. Как обычно, по реке спокойно курсируют рыболовные суда. Паромы с удивительной легкостью качаются на волнах реки Хан.

Я смотрю в сторону полуострова Сон Ча. Его покрытые утренней росой горы смутно рисуются на фоне неба. Вдруг со стороны полуострова раздались пароходные гудки. В устье реки появился величественный корабль. Над его кормой развелся красный флаг с серпом и молотом. Как курящий старик, корабль дымит сизо-белыми облаками, которые постепенно исчезают в необычном пространстве. Я помчался в порт, как выпущенная из лука стрела. Пока добежал, корабль успел прислониться к причалу. И многоцветные огни советского парохода, кажется, слились с огнями большого вьетнамского города.

Уже темнеет, но наш город, который находится на берегу реки Хан, остается все еще оживленным. Ярко светят уличные фонари. Идут прохожие, негромко

напевая, бегут машины потоком, повсюду слышится веселый смех...

Я молча любуюсь цветными лампочками, которые висят над палубой корабля, высокими подъемными кранами со множеством тросов. Дымовая труба такая огромная, что ее вглядеть, наверно, не обхватить. Оттуда брызгают искры, мигающие, как светлячки.

На небольшой портовой площадке советские матросы играют в футбол. Вот мяч пролетел мимо одного рыжего дяди и покатился ко мне. Я сразу остановил его ногой. Матросы мне аплодировали и одобрительно смеялись. Я покраснел, смущившись. Потом, улыбаясь, скватил мяч и передал рыжему дяде, который стоял рядом. Он похлопал меня по плечу и подал руку. Я несколько секунд стоял растерянный, затем смело положил ладонь в его широкую и крепкую руку. Он легонько ее пожал. Необыкновенно ласковое ощущение, ощущение теплоты, охватило меня.

Так футбольный мяч помог мне познакомиться с матросами из Советского Союза.

Но очень жаль, что мы не можем

СЛЕД ОСТАЕТСЯ НА МЕСТЕ

старались вникнуть в каждую деталь. И эта заинтересованность невольно заражала меня. Мы порой просиживали в комнате для занятий на два-три часа больше положенного. Вот когда мне пригодился опыт, накопленный на стройках в моей стране. Уже здесь я познакомился с Ириной Эдуардовной Пинкесевич, руководителем группы советских специалистов «Грузгипропищепрома», проектирующих во Вьетнаме фабрики по переработке чая. Ирина Эдуардовна впервые приехала сюда в 1962 году. С тех пор бывала неоднократно. При ее участии построено десять крупных предприятий по переработке чая. Сейчас рассматривается проект о строительстве еще пяти. Она, месяцами жившая здесь, бывавшая в разных уголках страны, с огромной любовью говорит о своих вьетнамских коллегах, их удивительном трудолюбии, такте, профессиональной зрудции. Это ощущает каждый из нас, и с тем большим желанием мы отдаляем свой труд и опыт вьетнамскому народу, его будущему.

Заал ЖЕНТИ,
старший инженер
по буровзрывным работам

У проходной Донецкого экскаваторного завода, что находится в Ростовской области, висит большая карта мира, испещренная множеством красных линий: наши машины можно встретить едва ли не на всех континентах.

Одна из таких линий связывает наш завод с мелиораторами и рисоводами

очень много непроизводительного ручного труда. Один наш экскаватор способен освободить от тяжелой работы около двух тысяч землекопов и переносчиков грунта.

Наш завод поставил братской стране 70 машин, а мне доверили подготовить к работе не только технику, но и, что

ГОЛУБЫЕ ВЕНЫ КРАСНОЙ ЗЕМЛИ

Социалистической Республики Вьетнам. Она-то и привела меня в эту братскую страну. На севере страны наши универсальные экскаваторы уже давно работают в различных карьерах, на стройках и на полях. На юге они появились в этом году впервые.

Чтобы вырастить рис, нужно очень много воды. Каждое поле со всех сторон окружено небольшими каналами, все они берут начало с главной артерии — магистрального канала. Это довольно сложное гидротехническое сооружение. Сложное даже для нынешней техники. А ведь местные рисоводы ветками строили эти каналы вручную. И сейчас еще на их сооружение уходит

самое главное, людей, которые смогут этой техникой квалифицированно управлять. В южных провинциях страны созданы курсы экскаваторщиков, где мне приходится читать и теоретический курс и вести практические занятия с механизаторами.

Почти все мои ученики — это бывшие танкисты, водители вездеходов и бронемашин. В двигателях они разбираются хорошо, поэтому у них и у меня остается больше времени на изучение непосредственно экскаватора и на практические занятия. Ученики у меня внимательные, к занятиям готовятся основательно и схватывают все новое, как говорится, на лету. Помню, как

Рисунки Игоря СУСЛОВА

поразил меня Нгок из провинции Лам-Донг. До начала занятий на курсах он никогда не видел экскаватора, всего через неделю владел им уже так, что любовался хотелось. Работал точно, как часы. Дважды одна секунда, и есть полный цикл: ковш экскаватора вонзается в дно будущего канала, заполняется красноватой землей, и стрела относит грунт далеко в сторону. Еще дважды одна секунда — и набор операций повторяется.

С тем же Нгоком и с другими механизаторами я могу говорить без переводчика. И понимаем мы друг друга не с полуслова (вьетнамского языка, я, к сожалению, не знаю), а с полуслова. Разговариваем мы на языке техники. И еще на языке дружбы.

Во время строгих экзаменов по вождению, регулировке и практической работе все мои ученики получили отличные оценки и удостоверения экскаваторщиков.

Прощаться с первыми учениками было трудно. Но меня уже ждали такие же курсанты в другой провинции. Уезжая, я видел из окна машины, как, выстроившись цепочкой, экскаваторы, ковш за ковшом, выносили из будущего канала груды красной земли. Пройдет немного времени — и эти каналы заполнятся голубой живительной влагой.

Владимир ГУРДИСОВ,
машинист-экскаваторщик

ЖАТИ

разговаривать друг с другом, ведь мы говорим на разных языках. Однако я отлично знаю, что эти люди из Страны Советов — близкие друзья нашего народа. Они — с родины первой в мире социалистической революции.

Своими гигантскими руками подъемные краны ловко берут из грузового трюма двадцать мешков цемента разом и аккуратно ставят на грузовики. Шум работающих кранов и автомашин смешивается с гулом разбивающихся о берега волн и со свистом и веселым смехом портовых докеров... Все это обычновенные ритмы жизни в нашем портовом городе после освобождения. И каждый раз, когда слышу эти знакомые звуки, я чувствую, будто земля под моей ногой становится с каждым днем шире и шире.

Я поднимал руку, чтобы прикрыть лицо от солнца. Глазами старательно ищу моего знакомого на палубе парохода. Ну, вот он! Управляет подъемным краном. Руками он поворачивает рычаг, вся его майка уже совсем мокрая от пота. Мой дядя пристальноглядит с висящими на кране мешками цемента. О чём думает он?..

Вечером, после занятий, я пошел в порт. Солнечные лучи красят волны золотистым цветом. Стоящий на якоре пароход четко отражается в прозрачной воде. Дует свежий, прохладный ветерок. С чувством необыкновенной радо-

сти я шагаю быстро-быстро. Мой дядя тоже идет навстречу. Вместе с ним — смуглый матрос с большими бакенбардами. Я поздоровался с ними. Мой дядя сказал что-то другому, затем подошел ко мне вплотную. Он внимательно посмотрел на мой красный галстук, поправил его. Я еще не совсем понял, в чем дело, когда он подвел меня к скамейке и попросил проходившего матроса с фотоаппаратом остановиться. Тогда я сказал себе: «Дядя хочет снять со мной на память!»...

Мы с дядей стоим на палубе парохода и любуемся на воду, которую легкие ветерки рябят и рябят. За удивительно короткое время мы уже стали близкими друзьями. Может быть, я напоминаю моему дяде, советскому матросу, какого-то пионера с его Родины — родины Ленина? Сам не знаю, что во мне привлекает его внимание.

Дядя обернулся и сказал, показывая на себя пальцем: «Иванов». Я повторил: «Иванов!»

Затем я тоже показал на себя и сказал: «Вьет!»

Дядя Иванов повторил: «Вьет!» С русским акцентом его голос был особенно приятным: Ну вот, теперь я понял, что Иванов — это имя моего дяди. И он тоже знает, что меня зовут Вьет.

Я пока ничего нового больше не узнал, кроме имени этого советского мат-

роса. Разговор между нами является для меня какой-то невидимой нитью, которая крепче привязывает нас друг к другу.

Изо дня в день пароход поднимается все выше и выше. Однажды в полдень, под ярким солнцем, когда грузовики уже не подъезжают к порту, корабль почти полностью оказывается на поверхности воды. Наверно, он хочет «загорать» на необыкновенном для него жгучем солнце. Время от времени дуют жаркие ветры с юга. Пароход продолжает спокойно дышать. Может, он тоже доволен тем, что отлично выполнил задачи, порученные ему народом и Родиной?

После ужина я сразу пошел в книжный киоск, чтобы купить несколько открыток для дяди Иванова. А на следующий день утром я услышал пароходные гудки. Постепенно гудки становились все сильнее. Я «проскакал» по улице и влетел прямо в порт. Якорные цепи ползут, как змеи. Шумят моторы. Одни матросы бегают по палубе, другие, держась за поручни, смотрят в сторону порта. Среди них и мой знакомый дядя Иванов. Он сбежал по трапу и крепко обнял меня. Очень взволнованный, я сжал руку матроса и молча стоял в его объятиях. Мой дядя протянул фотокарточку, на которой мы были сняты вместе. Я ему подарил коллекцию открыток «Пейзажи Вьетнама» и «Мавзолей Хо Ши Мина».

Поднимаясь по трапу, дядя Иванов обернулся ко мне и вдруг снял со своей груди значок с изображением советского флага и протянул его мне. Железный трап уже сложили и прикрепили к борту корабля.

— Счастливого плавания, дядя Иванов! Желаю вам всего самого хорошего! — громко кричал я матросам. В ответ мне тоже кричали, но я ничего не понял. Дядя Иванов и его друзья махали прощальными руками. Возвращаясь на Родину, они хотели сказать мне «До свидания!». Я тоже помахал им рукой. Вода вокруг корабля уже бурлит. Пароход еле движется, будто бы хочет остановиться еще на несколько дней в нашем городе. Но у него свои сроки, свои дороги. Пароход дал длинный гудок на прощанье с портовым городом. Развевающееся красное знамя, словно руки советских матросов, продолжает махать нашему городу до тех пор, пока пароход не исчезает из виду...

С грустью я смотрел на то место, где пароход скрылся. Полуостров Сон Ча лежит, как огромный слон, который обхватывает город и реку. В моем воображении он превращается в пароход дяди Иванова, который к нам вернулся снова.

НГҮЕН НГОК АНЬ,
ученик 8-го класса,
г. Дананг
Перевод НГҮЕН АНЬ ЗУНГА

Виктор ХРЕКОВ,
корреспондент ТАСС в Ханое (специально для
«Смены»), Борис АЛЕКСАНДРОВ,
Ян ВЛАДИН, Анатолий ПЕТРОВ,
специальные корреспонденты «Смены».

ЧАС ШАХТЕРСКОЙ
СЛАВЫ.

Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина положил начало новому массовому движению — «Три ударных направления в осуществлении принципа коллективного хозяйствования». Мы рассказываем об участии комсомольцев и молодежи социалистического Вьетнама в развитии экономики страны, защите родины, о борьбе за знания, воспитание человека социалистической формации.

ПАМЯТЬ НОЛЕЙ

Огромным зеленым ковром, разделенным на аккуратные квадраты и испещренным причудливыми узорами рек и каналов, видится земля вьетнамская с высоты птичьего полета. Выглядит она так сегодня, когда подлетаешь на реактивном лайнере к Ханою, выглядела так и сотни лет назад, когда ее могли любоваться лишь вольные птицы, поднимавшиеся в небеса. Рисовые поля — это гордость Вьетнама, это каждодневный упорный труд Вьетнама, рис — это хлеб Вьетнама, рис — это жизнь. Собираясь поздней осенью на праздник урожая, молодежь вместе со стариками поет передающуюся из поколения в поколение песенно-балладу о нелегкой крестьянской доле: «Съем семь горстей риса, съем три кусочка рыбы, запью все это водой из ключа, и будет мне еще один день жизни».

Многие помнят рисовые поля. Помнят пожарища последних тридцати лет войны, крестьян, молодых бойцов с винтовкой в одной руке и серпом в другой, помнят яростный вой самолетов и сирен, когда к ним не прикасалась рука землемельца; и как потом вновь живительная влага приходила на поля, поднимались первые робкие ростки риса, постепенно наливались соком земли и большими, тяжелыми колосьями платили человеку за его самоотверженный труд.

Во Вьетнаме с рисом связано все. Даже когда вьетнамец сообщает, что он будет обедать, то буквально это звучит так: «Иду есть рис». Из поколения в поколение вьетнамцы выращивают рис, из поколения в поколение передается эта сложная и мудрая наука. Во многих уголках Вьетнама, особенно на севере, убеленные сединами крестьяне говорят: о том, как выражается рис, рассказать нельзя, это надо пережить, выстрадать, самому пройти весь путь. И, наверное, поэтому всегда охотно поведают о молодых рисоводах, о молодых агрономах, которые решили посвятить всю жизнь рису.

А таких во Вьетнаме немало. Развитие сельского хозяйства, превращение его в крупную отрасль СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ экономики — такова одна из главных задач, поставленных перед комсомолом, всей молодежью партией и государством.

Провинция севера страны Тханьхоя. В кооперативе Диньконг, слава о котором сейчас гремит по всей республике, будто в капле воды, отразились трудности и достижения социалистического крестьянства.

Как и другие хозяйства страны, кооператив ис-

пытывает недостаток в посевных землях (в 50-миллионном Вьетнаме на душу населения приходится в среднем 0,1 гектара земли). Главный и единственно правильный путь — интенсификация земледелия, увеличение числа урожаев риса и других продовольственных культур, использование буквально каждого клочка земли с помощью современной техники, прогрессивных методов сева и обработки. В прошлом году диньконговцы за два урожая в среднем с гектара сняли по 100 центнеров зерна, несмотря на чрезвычайно неблагоприятные погодные условия.

В Диньконге среди молодых крестьян немало комсомольцев. Одна из них — миловидная, скромная девушка До Тхи Нга, ставшая лучшей труженицей полеводческой бригады кооператива. Не все сразу давалось Нга, хотя с нелегким крестьянским трудом она познакомилась еще в школе, когда ребята летом выходили на поля помогать старшим. Первые мозоли, первые слезы от усталости. Легче было, наверное, после школы уехать в город, поступить на фабрику, но Нга выбрала другой путь — после окончания сельскохозяйственных курсов, которые открыты здесь же, в общине, она пришла на поле, пришла, чтобы отдать рису все силы и способности. И сейчас о ней и ее друзьях знает вся страна.

Почти за тысячу километров от Диньконга, в провинции Куангнам — Дананг, раскинулись рисовые поля кооператива Зюйфьюк. Но чтобы выращивать здесь рис коллективно, потребовалось долгие годы тяжелой, полной жертвы борьбы.

Сотни крестьян собрались у здания управления кооператива. Вокруг стояли в ожидании груза повозки, запряженные, как всегда, неизменными буйволами, а в центре горой возвышались мешки с рисом первого кооперативного урожая. Происходила ставшая уже обычной для севера, но впервые совершившаяся на юге процедура распределения урожая. У многих крестьян были на глазах слезы — нет, не слезы горя и отчаяния, столь привычные за тридцать лет правления марионеток, а слезы радости, гордости за достигнутое: такого богатого и обильного урожая риса здесь еще не собирали. А это значит, что не будет голода в зимнее время, что не надо будет залезать в долги, чтобы прокормить семью.

Плотно окруженный крестьянами, стоял невысокого роста, худощавый, застенчивый паренек. И хотя у вьетнамцев трудно сразу определить возраст, но тут молодость бросалась в глаза. Крестьяне с гордостью представили паренью как своего председателя. Зыонг Минь Зунг — 27 лет, молодой коммунист. Родился здесь же, в Зюйфьюке. Уже в 14 лет стал партизаном, потом секретарем комсомольской ячейки. В боях за освобождение Юга получил тяжелое ранение. Товарищи вынесли его с поля боя, переправили на Север. Казалось, все — крушение надежд, конец борьбе. Но недаром «Зунг» в переводе на русский означает «мужественный». После долгих месяцев лечения товарища Зунга направляют на учебу в Ханой. Затем вновь возвращение на Юг, вновь тяжелая, полная лишений жизнь в джунглях, бои, сложные военные переходы. И вот весной 1975 года Зыонг Минь Зунг и его друзья освободили Зюйфьюк, потом разминировали здесь поля. Народная власть дала землю крестьянам, но поднять сельское хозяйство крестьянину-

единоличнику было не под силу. Конечно, и вступать в кооператив тоже было непросто — психология «хоть малое, но свое» еще крепко сидела в крестьянстве. Но Зунгу вместе с товарищами комсомольцами удалось убедить крестьян: на сходе почти все крестьяне вступили в кооператив. И вот сейчас, после долгих месяцев упорного труда, сомнений и ожиданий — победа.

...Комсомолка До Тхи Нга и молодой коммунист Зыонг Минь Зунг — ровесники. По-разному сложились их судьбы. И в то же время у них есть общее — свою жизнь они посвящают рису. Но если Нга родилась, когда в ее стране уже была установлена народная власть, то Зунг всю свою жизнь боролся за установление этой власти. Трудовое признание пришло к ним почти одновременно. Они незнакомы друг с другом, но их каждодневные усилия сливаются в едином потоке борьбы за новый, социалистический Вьетнам.

ШАХТЕРСКИЙ РЕКОРД

Бригадир проходчиков Хоанг Ван Ван еще издали заметил сменщиков, идущих по штреку. Но свой перфоратор выключил лишь в тот момент, когда буровая штанга вошла в грудь забоя до необходимой отметки. Поворот выключателя — и падает мгновенная тишина, только руки еще помнят тяжесть вибрирующего станка — дрожат... Успокаивая их, Ван прижал ладони к лицу. На лбу и щеках, покрытых угольной пылью, появились светлые полосы. Он протянул руку звеньевому новой смены Нгуен Ван Ханю.

— Еще два штура пробьете с левой стороны забоя, и можно отпадать.

Хань согласно кивнул. Он и сам уже заметил недостающие отверстия.

В проходческой бригаде, признанной лучшей во всем угольном бассейне Хонгай, шахтеры понимают друг друга почти без слов. И на каждого из них бригадир может положиться как на самого себя. А начальнику бригада складывалась довольно трудно, и шесть лет назад даже такой отчаянный фантазер, как секретарь бассейнового комитета комсомола Чан Ван Динь, не мог бы предсказать, что новый комсомольско-молодежный коллектив так быстро и надолго утвердится в роли лидера социалистического соревнования.

В 1972 году молодого проходчика Хоанг Ван Вана вызвали в комитет комсомола угольного бассейна.

— Думаем создать у вас на шахте первую комсомольско-молодежную бригаду, — сразу же выложил Динь. — Ты согласен?

Ван кивнул и поинтересовался только, кто же возглавит такую бригаду.

— Как это кто?! — удивился секретарь. — Ты и возглавишь!

— Я не смог! — отказался Ван.

После окончания профтехучилища он всего три года работал проходчиком. С заданиями справлялся. Носил даже звание ударника социалистического труда, но сил и способностей руководить целой бригадой он в себе не чувствовал. Поэтому и отказывался с той же настойчивостью, с какой Динь делал ему почетное предложение.

— А ведь я тебя не уговоряю, — неожиданно

установку крепи, а откатчики спокойно могли посидеть у вентиляционной трубы, пока крепильщики надежно не закрепят кровлю. Ван прочитал статью о комплексных коллективах донецких шахтеров и решил отказаться от специализации в своей бригаде. Каждый должен был стать и бурильщиком, и крепильщиком, и взрывником... Приходилось работать и учиться одновременно. Молодой бригадир первым освоил все профессии проходчика и не уставал помогать другим. Не у всех все получалось сразу, и недовольные в бригаде были, и желающие перейти в другой штабек появлялись. Но все-таки уже в декабре 1972 года бригада вместо плановых восьмидесяти впервые прошла сто метров откаточного штабека. Это был рекорд шахты. И с тех пор меньше ста метров в месяц они не проходили даже в те тяжкие дни, когда на шахтерские поселки сыпались американские бомбы и часть проходчиков поднялась на гору, чтобы копать защитные траншеи и небольшие бомбоубежища. Каждый из оставшихся в забое работал за двоих. Сейчас бригаде принадлежит рекорд бассейна — 130 метров проходки горных выработок за месяц. Почти половина тех, с кем Ван начинал новое дело в бассейне Хонгай, уже покинули прославленный коллектив, теперь они сами возглавляют комплексные проходческие бригады, распространяют свой опыт. А их замещают новички — выпускники бассейнового профтехучилища. Бригада Вана стала своеобразной школой для молодых горняков, базовым центром практики будущих проходчиков.

В 1978 году по плану бригада должна пройти 900 метров горных выработок. Но на собрании шахтеры приняли обязательства дать еще триста метров сверх плана. А недавно они внесли в свои обязательства «небольшую» поправку: решили выполнить их не к концу года, а значительно раньше. Это достижение станет новым рекордом бассейна.

— Ван по праву считается нашим лучшим бригадиром, — говорит Чан Ван Динь. — Он и прекрасный проходчик и добрый наставник. Он учит молодежь не только умению работать, но и социалистическому отношению к труду, к порученному делу.

— Я еще сам учусь, — возражает бригадир. — Главным образом у советских друзей. А лучшей учебой считаю соревнование. Недавно у нас побывала делегация молодых шахтеров из Донбасса, и мы заключили с ними договор о социалистическом соревновании. Теперь слова «Хонгай — Донбасс» стали для нас своеобразным паролем мастерства и дружбы.

Клеть «с ветерком» мчится по стволу, выносит бригадира Хоанг Вана с его сменой на поверхность. Над терриконом шахты «Ванг Зань» сверкает почти незаметная под ярким солнцем звезда — символ лучшей шахты бассейна. Ван прикрывает рукой глаза, отвыкшие за смену от яркого света, и медленно идет в ламповую сдавать свои лампу и самоспасатель. На стене ламповой два

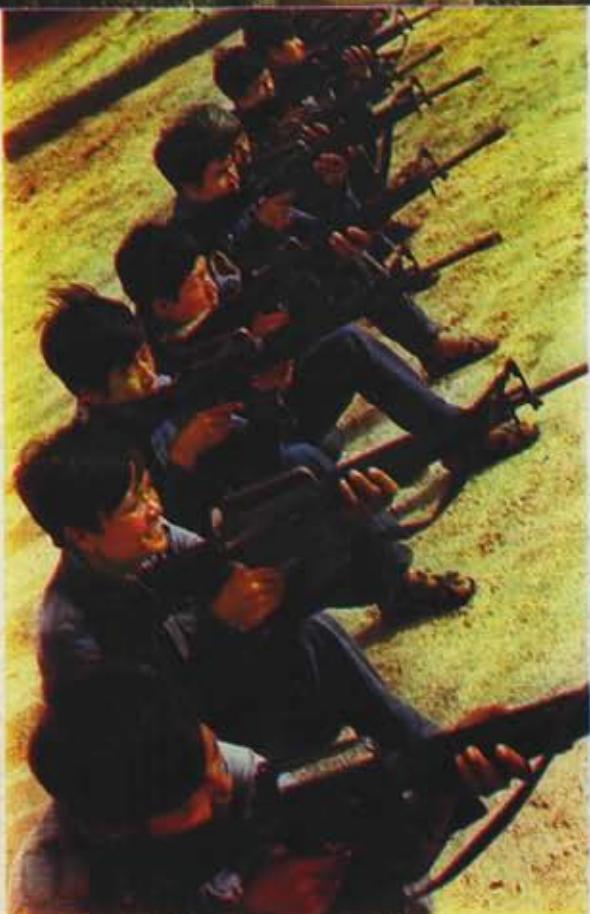
УДАРНЫЕ ОТРЯДЫ МОЛОДЕЖИ ОСВАИВАЮТ НОВЫЕ ЗЕМЛИ.

расстаться с родными коллективами. И Ван терпеливо объяснял им, уговаривал, порой даже упрашивал.

Первыми в бригаду пришли Хоанг Ван Лок, Нгуен Ван Хань, Фам Чонг Тхай и другие опытные проходчики. Решился Ван и на весьма смелый эксперимент: пригласил к себе сразу 15 выпускников профтехучилища. Даже начальник шахты удивился (никогда еще одновременно в бригадах не появлялось столько новичков), но возражать не стал, решил все-таки посмотреть, что выйдет из комсомольской затеи.

Среди проходчиков Хонгая всегда существовала жесткая специализация: бурильщики не брались за

К ЗАЩИТЕ РОДИНЫ ВСЕГДА ГОТОВЫ.

жестко сказал секретарь. — Это поручение комитета. И твоих «хочу — не хочу» мы в расчет не принимаем. — Динь подошел к Вану, опустился на соседний стул из скрипящего бамбука, подвинул поближе к новому бригадиру чашку с зеленым чаем. — А мне, думаешь, в этом кабинете легче, чем в кабине МАЗа? Но вы же сами меня выбрали, заставили бросить шофёрский руль. Теперь будем вместе рулить и по одной дороге ехать. Проходчиков на своей шахте ты знаешь, подбирай ребят таких, на кого можешь положиться, кто действительно способен доказать, что молодым все по плечу.

Доказывать пока приходилось самому бригадиру. Даже его добрые друзья не слишком спешили

УЧИТЬСЯ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ — ОДИН ИЗ ЗАВЕТОВ ПРЕЗИДЕНТА ХО ШИ МИНА.

портрета в бамбуковых рамках. Ван украдкой бросает на них взгляд и торопливо проходит мимо, ему и приятно и немножко странно видеть свою фотографию рядом с портретом прославленного советского шахтера Алексея Стаканова.

Давно уже именуют стахановцами проходчиков из бригады Хоанг Ван Вана во всем бассейне Хонгай.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Неуклюжий, с погнутыми поручнями паром лязгнул сходнями о бетонные плиты и медленно отчалил от берега. Мы устроились под парусиновым навесом у самого борта и продолжили разговор, начатый еще в машине. Чан Тхи Тху — комиссар одного из ударных отрядов — рассказывала о событиях совсем еще недавних. Тогда она была комиссаром роты первого ударного отряда, посланного комсомольской организацией города Хошимина в граничную провинцию. Отряд был укомплектован добровольцами из числа рабочих и студенческой молодежи, и авторитет Тху, которую к тому времени знали во многих первичных организациях СКМ, очень пригодился при его формировании.

Крестьяне пограничных уездов, напуганные артиллерийскими обстрелами и провокациями камбоджийских солдат, бросили свои поля и дома и ушли в глубь провинции. Однако нельзя было дать пропасть урожаю. Наш отряд разделился — одна половина занималась обработкой рисовых полей, плантаций маниоки и сахарного тростника, другая помогала армии. Моя рота занималась подносной снаряженностью к артиллерийским позициям наших батарей, отвечающих на огонь камбоджийской артиллерии.

Тху рассказывает, как она и ее товарищи, взяв каждый по 25—30 килограммов снарядов,шли 7 километров через болота и джунгли, не останавливаясь даже, когда начинался очередной артиллерийский залп. Вечерами Тху брала тяжелый автомат и уходила в дозор или училась кого-нибудь из подруг, как надо обращаться с оружием.

— Вам не было страшно, Тху?

— Нет. Все мы пришли в ударный отряд добровольно, по зову своего сердца. Знали, что рискуем жизнью, но это нас не останавливало, партия и комсомол нам доверили, и мы очень хотели оправдать это доверие.

Однажды рота Тху вошла в граничную вьетнамскую деревню, откуда недавно были выбиты камбоджийские солдаты. То, что она и ее товарищи там увидели, заставило их содрогнуться. Все, что можно было уничтожить, было уничтожено — на месте домов дымились пепелища, жители деревни, не успевшие скрыться, были зверски убиты. Камбоджийские солдаты не щадили ни детей, ни женщин, их трупы обнаружили в колодце в центре деревни.

Похоронив убитых, рота вернулась в лагерь. Тху прерывающимся от волнения голосом рассказала на митинге о новом преступлении камбоджийских солдат. И весь отряд в тот день дал клятву не щадя жизней бороться до последней капли крови. Потом Тху с рассказами о зверской расправе над мирным населением выступала на собраниях молодежи города Хошимина. И каждый раз ее выступление заканчивалось тем, что сотни юношей и девушек добровольно вставали в ряды ударных отрядов.

По узкой, шуршащей гравием дороге подъезжаем к воротам лагеря. Двое ребят с карабинами за спиной прилично проверяют документы. Вынужденная осторожность — вблизи границы. Вернувшись на наши бумаги, оба улыбаются, пожимают руки: «Пожалуйста, проезжайте». Мы останавливаемся неподалеку от площадки для построений. Идем вдоль ряда низких, плотно стоящих друг к другу домов из бамбука, в которых живут бойцы ударного отряда. Несколько десятков юношей, одетых в одинаковые синие форменные рубашки и брюки, занимались строевой подготовкой, другие учились с оружием преодолевать глубокий ров.

Нгуен Ван Туана мы разыскали на спортивной площадке. Плечистый, с бронзовым от загара телом, Туан играл в футбол, а ребята из его бригады сидели за воротами и дружно «болели». Вот уже год, как двадцатилетний Туан руководит лучшей бригадой отряда. До недавнего времени она работала на строительстве оборонительных укреплений, а сейчас ее перебросили на рисовые поля. Ребята и здесь показали наивысшую производительность труда.

Дважды уже на полях им приходилось браться за оружие, когда отряды камбоджийцев нарушали границу и пытались угнать скот из ближайших деревень.

— Мы никому не позволим обречь на голод и страдания мирных крестьян, никому не отдадим нашу землю и наше право самим решать свою судьбу. Во имя этого права каждый из нас готов на все.

Голос Туана решителен, в нем — убежденность в правильности избранного пути. Такие, как он, не бросают слов на ветер. У Туана десять братьев и сестер, он пятый по старшинству, трое старших в ударных отрядах, один в армии.

Необходимость. Угроза, нависшая над их страной, вновь сделала миллионы вьетнамцев солдатами. «Учитесь защищать Родину!» — с таким призывом обратился IV съезд Коммунистической партии Вьетнама к молодежи. Воспитание закаленных бойцов стало одним из трех главных направлений деятельности Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина. На предприятиях, в институтах, в госхозах созданы отряды местного ополчения. Несколько часов в неделю молодежь под руководством опытных солдат изучает военное дело. Комитеты комсомола берут на себя функции военных штабов.

Необходимость. Никто из них этого не хотел,войной пропитаны все поры их земли. Им ненавистны идеи великороджевого шовинизма, проповедуемого сегодня последователями Мао, сама мысль о политическом рабстве в любом его виде. Одной из форм активного протеста вьетнамской молодежи против пограничных провокаций со стороны камбоджийских и китайских властей стала организация ударных отрядов. Сплоченные военной, комсомольской дисциплиной, закаленные идеально, эти отряды приняли на себя большую долю ответственности за судьбу страны. Каждый боец шестимиллионного отряда — это в зависимости от обстоятельств передовик труда или умелый солдат. Каждый умеет ударно трудиться и обращаться с оружием. Это огромный резерв армии и экономики, экономики и армии, организованный, подготовленный, идеально вооруженный комсомолом Вьетнама.

На одном из ханойских промышленных предприятий нас познакомили с командирами заводских молодежных дружин ополчения. Среди них были токари, инженеры, литейщики. Почти все в прошлом — солдаты освободительной армии, прошедшие свои первые военные университеты в боях с американскими агрессорами и их южновьетнамскими лакеями. Они рассказали о том, как строится на их предприятии патриотическое воспитание, с каким старанием изучает молодежь вместе с мирной специальностью военное дело. Многие комсомольцы подали заявление с просьбой зачислить их в армию добровольцами. В одном из дворов Хошимина мы видели, как группа совсем юных девушек отрабатывала приемы боевого самбо. Нет, эти работницы текстильной фабрики не собирались служить в милиции. Наверное, каждая из них могла бы найти в тот вечер дела, более свойственные своему возрасту и стремлениям, а они предпочли самбо. Превратность? Необходимость.

ЗАПАХ СПЕЛОГО АНАНАСА

Три коротких удара мотыгой — и саженец в почве. Лан делает лунку в земле, сажает растение и переступает дальше, снова взмахивая мотыгой. Каждый доброволец отряда ежедневно должен посадить 600 саженцев. Лан достиг гораздо большей выработки — 2000 саженцев!

Отряд работает далеко от шоссе. Идешь вдоль обводного канала, через изогнутый деревянный мосток, мимо зеленых плантаций уже плодоносящего ананаса, стреловидные листья которого старательно скрывают тяжелые плоды, и с трудом веришь, что ты находишься на земле «мертвой зоны», солончаков, таивших еще недавно взрывчатку, смерть...

— Наши ананасы предназначены на экспорт. Урожай снимаем круглый год, есть у нас биостимулятор, который позволяет регулировать развитие растений. На наших плантациях трудятся бойцы ударного отряда, выходцы из различных слоев населения города Хошимина, — рассказывает Нуан Нгок Там, секретарь комсомольской организации госхоза имени героя вьетнамского народа Ле Минь Суана.

С плантаций, где работает молодежь, из бамбуко-

вых общежитий, где она живет, Тама то и дело окликуют. Он тепло, даже бережно говорит о многих бойцах отряда — о тех, среди которых немало жертв старого режима, недавних обитателей городского «дна», солдат марионеточной армии... К последним относится и Лан — тот самый парень, который стал мастером выращивания ананасов. Труд, коллективная работа буквально преображают людей, и Там горячо объясняет:

— Эта молодежь добровольно отклинулась на призыв нашей партии осваивать земли в новых экономических районах. Бойцы отряда вкладывают в работу всю душу...

Имя следует за именем. Вчерашний беспризорник Чан Чонг Фу, вначале нарушавший трудовой порядок, не признававший дисциплины, втянулся в общую жизнь, его вылечили от наркомании — и он прекрасно показал себя на строительстве обводного канала, на засыпке бомбовых воронок, на посадке ананасов... Сложнее был путь в коллектив у Зоу — парня схожей биографии... Того крепче держали нити прошлого. Значительней были ошибки. Зоу сурово критиковали на собраниях, придрячили следили за каждым его шагом и, конечно, помогали в работе, привлекали к общественным делам. И он понял, что о нем сердечно, искренне заботятся. Атмосферу хорошего отношения друг к другу создают в госхозе члены СКМ Хо Ши Мина и наиболее передовые несоюзные активисты, члены Федерации молодежи Вьетнама. Это один из важных принципов работы по созданию коллектива. В этом и секрет того, что в семидесят седьмом году Зоу стал «первым ударником».

...Тепло. Душно. Летают стрекозы. Час обеда, люди возвращаются с плантаций. Черная школьная доска с меловым текстом вынесена на улицу. Что это — занятия? В госхозе молодежь разного уровня образования, и одним из самых серьезных дел комсомола стала организация курсов по ликвидации неграмотности — тяжелого наследия старого строя. Подобные курсы характерны не только для этого, но и других госхозов, где в единстве решаются задачи подъема экономики страны и воспитания молодежи.

Однако при чем же здесь гитара? Оказалось, что мы присутствуем на импровизированных занятиях, точнее, при разучивании новой песни. Парень в очках, студент Нгуен Хой Фыонг солирует и просит ребят поактивней вникать в текст песни, написанный на доске. И вот припев подхватывается многими голосами.

— О чём песня?

— О надежде. О доверии друг к другу.

Сегодня во Вьетнаме только госхозов центрального подчинения — 150!

«Мы, члены партийной делегации КПСС, с большим интересом познакомились с деятельностью госхоза имени Ле Минь Суана. Чувствуется, что нелегко начинать хозяйство на пустом месте. Однако радует стремление всех тружеников настойчиво осуществлять планы партии. Очень хорошо, что наряду с освоением новых площадей и развитием производства здесь уделяют большое внимание человеку — устройству его жизни...» Эта запись — из «Книги гостей». Она и подобные ей сделаны в госхозе партийными работниками Ленинграда — города-побратима Хошимина, членами делегаций Киева, Краснодара, Сочи, Ейска... Но вообще «Книга гостей» — поистине интернациональный документ, ибо записи здесь не только на русском, но и на многих языках мира.

Седой, плотный, улыбчивый человек — директор госхоза Хо Вань Тхиен — говорит слова, исполненные большого и глубокого значения:

— Раньше здесь никто не работал.

И рассказывает о первой тысяче гектаров поднятой целины, о том, что преобразуют землю 2500 человек — местных жителей и, главное, молодых добровольцев.

Он просит не расспрашивать иных ребят и девушек о прошлом — тяжелом, порою постыдном, чтобы не задеть в них человеческого самолюбия. Среди многих его забот эта — одна из главных.

С бережным отношением к своим воспитанникам мы встретились и в уезде Суенмок, в «школе молодежи, строящей новую жизнь». Она была создана в ноябре 1975 года, а первый выпуск состоялся в июне 1977-го. «Школа дала мне и моим друзьям-сверстникам такое представление о жизни, о которой я раньше никогда не думала», — написала выпускница Чионг Тхи Ми Зунг, одна из тех, кого прислали к представителям городского «дна». Искаженные старым строем юноши и девушки обретают новую судьбу, и в этом одна из больших и

глубоких заслуг СКМ Хо Ши Мина, члены которого берут на себя полную меру ответственности за их сегодняшний и завтрашний день.

ДЕТИЩЕ ПОБЕДЫ

Школ в столице бывшего марионеточного государства насчитывалось почти в три раза меньше, чем официально открытых «веселых домов». В сельской же местности здание школы можно было увидеть далеко не в каждой деревне, но чаще всего действительно только здание. Большинство школ не работало: не хватало у крестьян денег для учебы. Недоставало в деревнях и учителей. А действующие школы в основном давали детям крестьян образование только начальное.

— Естественно, что в таких условиях партия придавала и придает нашему институту очень большое значение,— говорит ректор Хошиминского педагогического института Чан Тхань Дам.— Его называют «детищем победы», потому что как истинное учебное заведение институт сформировался только после освобождения южной части и воссоединения всей страны. Базой, правда, нам послужил старый пединститут, но был он маленький, всего с двумя отделениями—естественным и гуманитарным, на которых три десятка преподавателей обучали 913 студентов. Сейчас же у нас свыше пяти тысяч будущих педагогов и почти девятьсот человек профессорско-преподавательского и обслуживающего состава. Институт вырос не только в количественном отношении, но и, что, быть может, самое важное, в качественном. На всех шести факультетах, на всех кафедрах у нас теперь работают опытные преподаватели, значительно изменился и состав студентов— большинство из них дети рабочих и крестьян, бывшие подпольщики, участники боев за освобождение своей родины.

— Поэтому и комсомольская организация в нашем институте по-настоящему боевая и многочисленная,— добавил секретарь комитета комсомола Фан Си Нам.— Горком дает нам самые ответственные поручения.

Студенческие отряды во время каникул строят дамбы и прокладывают каналы, работают вместе с крестьянами на рисовых полях, помогают им изучать идеи партии.

Одновременно они изучают революционные традиции крестьянства и познают условия своей будущей жизни и работы. Большинство студентов добровольно согласилось после окончания института уехать в дальние сельские районы, в том числе и пограничные, где ведутся боевые действия.

В маленькой комнате комитета комсомола мы видели письма крестьян из самых разных южных провинций. Письма похожи— в каждом из них искренняя благодарность студентам за помощь, доброту, дружеское участие. В институте гордятся и этими письмами и работой студентов во время каникул. Но главным для будущих педагогов остается все же учеба, постижение своей профессии.

Среди тех, кто с оружием в руках добывал право на образование, немало юношей и девушек, многое забывших из школьной программы. Специально для них открыт подготовительный курс. Преподаватели и студенты-отличники берут шефство над отстающими. Почти третья будущих учителей уже сейчас носит звание наставников. У каждого, как правило, один ученик. Пары «сильный—слабый» могут образовываться, конечно, и самостоятельно, но наставники утверждают факультетские комитеты комсомола, они же постоянно контролируют и работу «сильных» и успехи их подопечных.

Активно действует в институте совет научно-исследовательских студенческих работ, филиалы которого есть на всех факультетах. Студенты готовят рефераты, выступают с докладами о достижениях в отдельных областях знаний, о методике преподавания тех или иных предметов. Кстати, свои методические предложения и преподаватели и студенты проверяют на уроках в экспериментальной средней школе, существующей при институте.

— Для работы в сельских школах мы уже направили свыше тысячи своих питомцев,— говорит бывший аспирант Московского государственного университета, кандидат физико-математических наук, проректор Хошиминского пединститута Као Минь Тхи.— Я уверен, что наши выпускники достойно

справятся со своей задачей. А задачи у сельского учителя широкие. Он призван не только отлично выполнять свою работу— учить детей, но еще и нести в массы идеи партии, свет социалистической культуры.

АЛЛЕЯ ДРУЖБЫ

Накануне юбилея Ханойского машиностроительного завода молодые станкостроители предложили найти и поднять на пьедестал первый токарный станок, выпущенный во Вьетнаме двадцать лет назад. Задача была не из легких: архивы в отделе сбыта не сохранились, а искать станок по всем заводам и мастерским страны все равно что иголку в стоге сена. Даже автор этого предложения токарь Тхай Хыен Лыонг готов был отказаться от поисков.

— Сами мы, конечно, с этим делом не справимся, но разве молодые станочники с других заводов нас не поймут?— утешил его секретарь заводского комитета комсомола Динь Вьет Тхань.— Напишем письма ребятам, объясним— уверен, что наш станок обязательно найдется.

Первый токарный станок «Т-616», сконструированный специалистами московского завода «Красный пролетарий» и их вьетнамскими коллегами, был собран на Ханойском машиностроительном заводе № 1 12 апреля 1958 года. Эту дату официально считают днем рождения завода. И когда ровно через три года в космос поднялся первый человек Земли, молодой станочник Нгуен Тхай Ха, выступая на митинге, связал воедино дату рождения завода и «начало космической эры». Об этой связи товарищ Ха, ныне заместитель директора завода, не устает напоминать: «Наш первый станок, как и первый космический корабль, создан советскими людьми».

Первый Ханойский машиностроительный завод— первый не только по номеру. Станки— база индустрии, а продукция ХМЗ идет теперь не только на оснащение предприятий СРВ, ее уже знают станочники Лаоса и Кубы, Индии и Польши. На последней Лейпцигской ярмарке почетного диплома удостоен вьетнамский токарный станок «Т-6М-16».

— Разрабатывать этот станок мы начали во время самых интенсивных бомбардировок,— говорит выпускник Ленинградского политехнического института, делегат IV съезда СКМ Хо Ши Мина Динь Вьет Тхань.— Завод в те годы располагался не на своей территории— все цехи были размещены в пещерах вблизи Ханоя. Почти в тридцати местах находились заводские участки; транспортные связи затруднялись бомбежками и расстояниями; свыше пятисот комсомольцев сменили рабочие комбинезоны на военную форму. И все равно не было ни одного дня, чтобы мы не выполнили план. Работали для победы, для будущего. Поэтому никто из конструкторов не удивился, когда получили задание разработать новый станок с программным управлением.

— Самым важным было мужество наших людей, рабочих,—тихо говорит комсорг инструментального цеха Фам Тхи Тьен, говорит по-русски. На первый взгляд Тьен никак не дашь больше семнадцати. Но у нее, оказывается, уже десятилетний рабочий стаж и довольно сложная жизнь. Тьен закончила профтехучилище в ГДР, получила профессию слесаря по точным измерительным приборам и инструментам. Работа у нее тонкая и точная. В 1972 году она вышла замуж за слесаря Нгуена Динь Нгуена, бывшего комсорга в их цехе. Через год он ушел добровольцем на фронт и погиб, не успев узнать о рождении дочери.

Трудно было Тьен управляться одной с грудным ребенком и работать— работать не только за себя, но и за погибшего мужа. Она первой на заводе уговорила начальника цеха доверить ей и рабочее место Нгуена. А вслед за Тьен нормы ушедших на фронт товарищей обязались выполнять и другие рабочие. Слесарь Тьен заменила мужа не только на рабочем месте, но и в общественной жизни— ее избрали комсоргом цеха. На худеньких плечах этой красавицы женщины лежала, казалось, неимоверная нагрузка, а она брала на себя все новые заботы— поступила в станкостроительный техникум, начала посещать курсы русского языка, записалась в народное ополчение, чтобы при необходимости заменить мужа и в бою. И как же она успевает, где берет время и силы?!

— Надо точно распланировать время. Тогда его вполне хватит. И еще немножко останется. Знаю

одно: мне некогда скучать,— улыбается Тьен и тихо добавляет:— Может, только иногда...

Токарь Тхай Хыен Лыонг тоже привык тщательно планировать свое время. Всего три года назад окончил он заводское профтехучилище. И попал в brigadu опытного токаря Нго Ван Така.

Бригадир, как это повелось в коллективе, сам взял шефство над новичком, но уже через месяц удивленно признался начальнику механического цеха: «Это не ему, а мне у него учиться нужно». Действительно, Лыонг очень быстро выдвинулся в число лучших мастеров.

Умение читать чертежи так же обязательно для токаря, как для музыканта ноты. Но не каждый музыкант, читая ноты, слышит всю симфонию целиком. Лыонг достаточно один раз посмотреть на чертеж, чтобы увидеть уже готовую деталь со всеми ее поясками, резьбой, углами.

— Лыонг принял обязательство выполнить план второй пятилетки за три с половиной года,— говорит Динь Вьет Тхань.— Но мы видим, как быстро он прогрессирует, и не сомневаемся, что за пять лет он сможет выполнить два плана.

Последователей у молодого токаря немало не только среди станочников. Всего два года работает на заводе выпускник Руставского среднего профтехучилища № 3 вагранщик Хоан Чонг Нги, а его имя уже значится среди лучших рационализаторов.

— Я очень признателен своему мастеру Шоте Николаевичу Бучителю не только за то, что он научил меня работать с горячим металлом,— говорит Нги.— Но главным образом за то, что он заставил нас задумываться над обыкновенным, искать всевозможные пути и для усовершенствования своего дела и одновременно для самоусовершенствования.

Грузинский мастер Шота Бучителю не исключение. Об этом свидетельствуют такие данные: свыше 14 тысяч молодых вьетнамских юношей и девушек освоили профессии в советских профтехучилищах. И все они стали не только высококвалифицированными рабочими, но и рационализаторами, изобретателями. И вовсе не случайность, что советско-технического творчества молодежи при заводском комитете комсомола возглавляет именно выпускник Руставского ПТУ Хоан Чонг Нги.

— По сути дела, мы только разворачиваем движение молодежи за научно-технический прогресс,— говорит Нги.— Поэтому для нас так важен бесценный опыт Ленинского комсомола. А те, кто учился и работал в братском Советском Союзе, знают об этом опыте не понаслышке. Мы сами были и участниками конкурсов профессионального мастерства и смотров НТМК.

В день двадцатилетия завода, 12 апреля 1978 года, в сборочном цехе впервые появился еще один новый станок— круглошлифовальный с числовым программным управлением. Его сконструировали молодые вьетнамские ученые и инженеры. На завод в этот день специально для участия в юбилейных торжествах приехала советская делегация. Были среди них и те, кто двадцать лет назад принимал участие в выпуске первого вьетнамского станка. Заводские комсомольцы все-таки разыскали его. Оказывается, был он совсем рядом— работал на соседнем заводе. Работал и работает до сих пор прекрасно. Поэтому, рассудили комсомольцы, рано еще такому станку превращаться в памятник.

— Тем более, что на нашем заводе давно уже существует прекрасный памятник,— говорит заместитель директора Нгуен Тхай Ха.— Это наша аллея Дружбы.

...Она начинается у центральной проходной— два ряда деревьев с густыми вечнозелеными кронами. Деревья эти самого разного возраста, и заполняют они не всю аллею, есть еще достаточно места для новых.

Так уж повелось, что деревья на этой аллее высаживают советские специалисты, работавшие на заводе, и почетные гости. У каждого дерева памятная табличка. Первое дерево появилось здесь 12 апреля 1958 года. Посадил его советский инженер Константин Масютин. Последнее пустило здесь корни совсем недавно. Пока оно лишь вровень с табличкой, на которой значится имя президента Общества советско-вьетнамской дружбы космонавта Германа Титова.

— Улавливаете связь?— довольно смеется товарищ Ха.

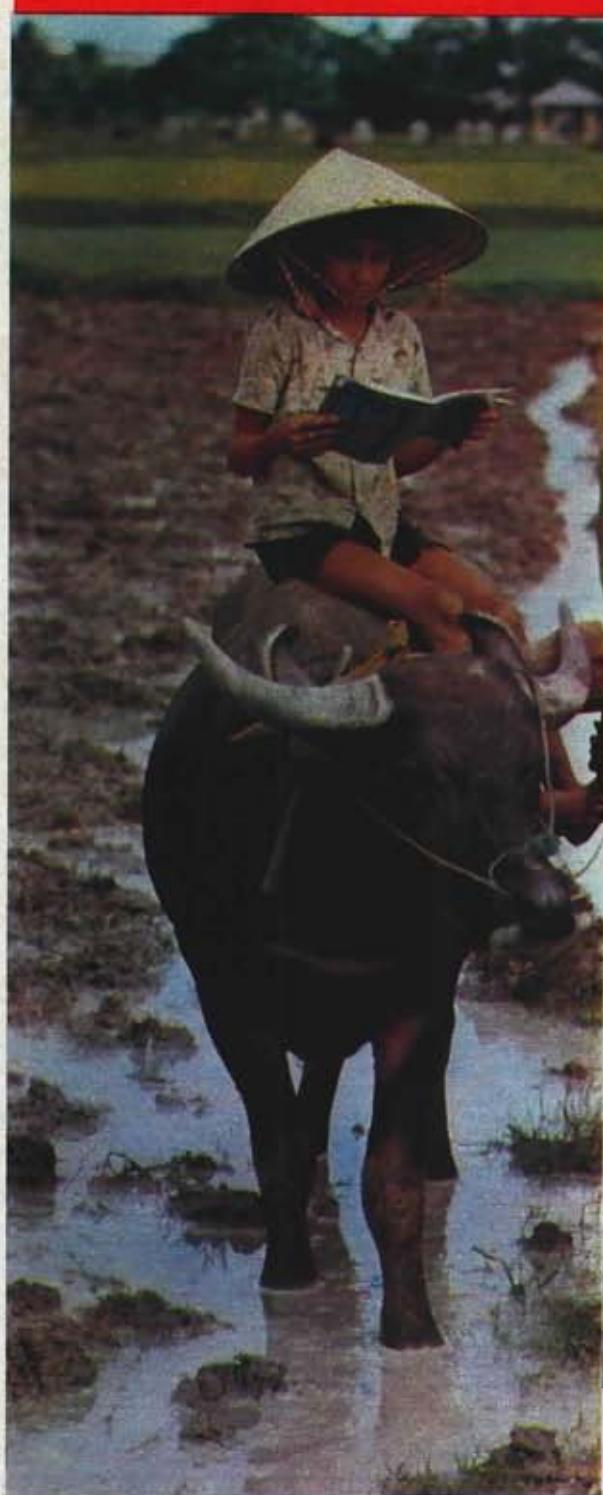
Ханойский машиностроительный завод— флагман вьетнамского станкостроения— по-прежнему является первым, хотя из его официального названия недавно исчез порядковый номер. Теперь завод носит имя советско-вьетнамской дружбы.

Бамбуковый прут взвился к трамвайным проводам, леска хлестнула желтую ряску озера Возвращенного меча. В центре Ханоя, среди карусели велосипедистов, на водном отражении башни почтамта запрыгали самодельный первьюевой поплавок. Рыбачок, коренастый крепыш, едва успевал снимать с крючка бесцветных креветок. Они кишили в пластмассовом ведре у его ног, подле тротуара, за кромкой которого по бульвару Динь Тыен Хоанг вихлялась узкая колея рельсов. Потемневший от влажности остов пагодки «мучений», расписанной некогда сценами буддийского ада, и густые липы словно разделяли два мира — звенящий и суетливый там, на бульваре, и тихий, патриархальный у кромки берега, где все было как в старинном сказании.

Легенда об озере Возвращенного меча записана в десятках вариантов почти во всех справочниках по Вьетнаму. Она так и начинается: с рыбака Ле Лоя родом из деревни Ламшон в провинции Тханьхоя, который летним днем 1407 года выловил сетью в ханойском пруду, окруженному болотом и называвшемся еще «малым» озером в отличие от «большого» у северной заставы столицы, вместо рыбы меч, испускавший слепящие отблески. Неясное предчувствие о его особом предназначе-

—ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ!»

ЕДИНОСТВО.

Валериан СКВОРЦОВ

ВЬЕТНАМЫ НА

ни заставило парня припрятать чудом дарованное оружие. Позже, собрав дружину, Ле Лой возглавил народное ополчение в 1418 году, бросил вызов китайским феодалам, оккупировавшим страну, и через десять лет изгнал их. Провозгласив себя королем под именем Ле Тхай То, новый монарх, опоясанный победоносным мечом, явился к озеру принести жертву его духам. Но едва ступил он на берег, ударил гром, клинок покинул ножны, превратился в нефритового дракона и исчез в воде.

Аспирант-историк Нгуен Ван Ту, поджидавший меня у озера и ловивший забавы ради взятой у детворы удочки креветок, вполне обоснованно считает, что победу Ле Loю в решающем сражении принес тот род войск, в котором у вьетнамцев оказался перевес — боевые слоны, смявшие китайскую конницу. Простреленный же из крупнокা-

либерного пулемета во время уличных боев 1946 года бронзовый гонг в заднем приделе храма на Нефритовом острове в северо-восточном углу озера Возвращенного меча не одно десятилетие, видимо, будет еще свидетельствовать, что не чудеса, а граничащие с ними храбрость, мужество и стойкость народа спасли Вьетнам, переживший за свою историю пятнадцать крупных вторжений и одиннадцать веков иностранного господства.

Все вьетнамские хрестоматии вписаны слова из прокламации, которую по поручению Ле Лоя составил учений и поэт Нгуен Чай: «Издревле наш народ установил Вьетнам как государство независимое, с собственной цивилизацией. У нас свои горы и свои реки, наши собственные обычаи и традиции. Временами мы были слабы, временами — сильны, но никогда не было так, чтобы мы испытывали недостаток в героях».

ХОЗЯИН СТАНКА. ХОЗЯИН ЗАВОДА. ХОЗЯИН СТРАНЫ.

РИС. КООПЕРАТИВНАЯ ПЛАНТАЦИЯ.

СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Само слово «Вьетнам» вплоть до августа 1945 года, когда восставший против колонизаторов и собственных мандаринов народ взял власть, ни на одной карте мира, ни в одном международном документе еще ни разу не было написано. До того времени три части страны—северная Тонкин, центральная Аннам и южная Кохинхина—в качестве протекторатов и колоний соответственно входили вместе с Лаосом, Камбоджией и «арендованной» у Китая территорией Гуанчжоувэнь в так называемый «французский» Индокитай. Западные дипломаты, собравшиеся в 1919 году на мирную конференцию в Версале, недоуменно пожимали плечами, рассматривая присланную в их адрес брошюру с заголовком «Тетрадь пожеланий вьетнамского народа», подписанную «группой патриотов». Конференция осталась глуха к требованию предоставить демократические права томящемуся под ко-

лониальным игом народу. Война была позади, империалисты Франции находились в выигрышной позиции, и, хотя значительная часть из ста тысяч вьетнамских солдат и рабочих, вывезенных на поля сражений, лежала в братских могилах вместе с «чистыми» французами, голос «туземцев» остался не услышанным.

Вряд ли какой азиатской стране на пути к независимости, суверенитету и свободе пришлось пройти через такие тяжелые испытания, которые выпали на долю Вьетнама. После длительной вооруженной борьбы французский экспедиционный корпус был изгнан в 1954 году. Вьетнамцы начали осуществлять восстановление народного хозяйства и социалистические преобразования на Севере, вели борьбу за освобождение Юга от американской оккупации и государственное воссоединение родины.

ЖЕМЧУЖИНА ВЬЕТНАМСКОЙ ПРИРОДЫ—ЗАЛИВ СПЯЩЕГО ДРАКОНА.

ИЗЫСКЕНИЕМ ФОРМ И БОГАТСТВОМ ОРНАМЕНТА СЛАВЯТСЯ ИЗДЕЛИЯ ВЬЕТНАМСКИХ ГОНЧАРОВ.

Мало мирных лет было у Вьетнама. 12 миллионов тонн бомб обрушила американская авиация только на его южные провинции. С лица земли оказались стертymi 12 провинциальных центров, 4 тысячи деревень и поселков, уничтожены 5 миллионов гектаров леса, миллионы гектаров рисовых полей и плантаций, в руинах лежали промышленные предприятия.

Не только история сурова к этому народу. Он и живет на трудной земле, четыре пятых которой составляют горные кряжи, а плодородная долина узкой полосой тянется вдоль побережья, обращенного к океану. С этой страны начинается бескрайняя твердь евроазиатского континента. Земля Вьетнама еще молода геологически и остается тревожной границей между сушей и морем, живущей в величественном ритме борьбы этих двух стихий. Мощно пульсирующие реки, вздувающиеся и рвущиеся через горные теснины в муссонные паводки, выталкивают в гирла своих дельт столько ила, что берег ежегодно все дальше и дальше уходит в Тихий океан.

Пейзажи северного плоскогорья Вьетнама поражают своей контрастностью: хаос гор и геометрическая плоскость возделанных с тщанием полей. Горизонт всегда иззубрен, неровен, вдоль горных круч торчком стоят, словно штурмующие их в рассыпанном строю солдаты, выветрившиеся стояки известняка. Дороги здесь прокладывают вдоль рек, ручьев, выискивая перевалы. Тысяче-

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ТРУДА.

НГҮЕН ВАН КИНЬ,
председатель Общества
вьетнамо-советской дружбы,
бывший посол ДРВ в СССР.

Победив в 30-летней ожесточенной войне две могущественные империалистические державы — Францию и США, Вьетнам с его 50-миллионным населением и с территорией в 330 тысяч квадратных километров стал первым социалистическим государством в Юго-Восточной Азии.

Исторические документы и археологические данные, полученные в наши дни, убедительно говорят о том, что уже четыре тысячи лет назад предки современных вьетнамцев населяли территорию этой страны, образовав общность людей с самобытной культурой. В дельте реки Красной вьетнамцам приходилось из поколения в поколение вести борьбу с наводнениями. Здесь усилиями огромных коллективов людей создана разветвленная система дамб — одно из грандиозных сооружений, воздвигнутых человечеством в борьбе с силами при-

ДНИ И СТОЛЕТИЯ МУЖЕСТВА

роды. От дельты Красной реки вьетнамский народ постепенно продвигался на юг, осваивая приморские наносные равнины, а в XVII веке началось покорение дельты Меконга. При этом всюду возводились дамбы, засыпались болота — создавался нынешний облик Вьетнама.

Наряду с борьбой с силами природы из столетия в столетие наш народ вел длительную борьбу против чужеземных завоевателей, и с X по XIX век Вьетнам развивался как самостоятельное государство. Своими блестящими победами вьетнамские патриоты на протяжении веков вписали немало славных страниц в историю страны.

В середине XIX века вьетнамский народ стал жертвой агрессии колониализма. Около ста лет Вьетнам находился под гнетом французских колонизаторов. В 1940—1945 годах страну оккупировали японские милитаристы. В течение последних 20 лет американские империалисты, используя крупные военные силы и ультрасовременное вооружение в сочетании с коварными неоколониалистскими приемами, прилагали все усилия к тому, чтобы разгромить вьетнамскую революцию.

Применяя марксистско-ленинское учение в конкретных условиях своей страны, Коммунистическая партия Вьетнама, созданная и выпестованная президентом Хо Ши Мином, возглавила победоносную борьбу всего вьетнамского народа против присков империализма, за дело социалистического строительства в Северном Вьетнаме, нача-

тое в 1954 году. После более чем 20 лет упорного сопротивления, в ходе которого политическая, вооруженная, дипломатическая борьба сочеталась с агитацией среди вражеских солдат, а атаки на противника велись как в горных, так и в равнинных районах, как в сельской местности, так и в городе, вьетнамский народ, применяя стратегию непрерывного наступления, при огромной и ценной помощи Советского Союза и других социалистических стран, а также всех своих друзей на земном шаре одержал полную победу над американскими империалистами.

В результате 50 дней генерального наступления, и в особенности «операции Хо Ши Мин», были освобождены Сайгон и весь Южный Вьетнам, разгромлены миллионы марионеточная армия и созданная американскими империалистами огромная военная, полицейская, политическая и экономическая машина. Затем, выражая свое абсолютное и единодушное согласие с курсом партии на воссоединение родины и строительство социализма во всей стране, вьетнамский народ провел 25 апреля 1976 года всеобщие выборы, избрав депутатов в единое Национальное собрание, которое сформировало правительство объединенной страны, отныне носящей название Социалистическая Республика Вьетнам.

Вьетнамский народ отдает все свои силы делу реконструкции страны, преодолевая многочисленные трудности, порожденные 30-летней войной, и залечивая раны, которые за 20 лет оставил

на теле страны и в душе человека американская интервенция. Трудностей и препятствий еще много, но путь вперед уже широко открыт перед Вьетнамом.

IV съезд партии, собравшийся в середине декабря 1976 года, разработал генеральную линию на построение социализма в нашей стране, отвечающую как общим принципам марксизма-ленинизма, так и конкретным условиям Вьетнама и требованиям времени.

Высоко неся знамя национальной независимости и социализма, сочетая патриотизм с пролетарским интернационализмом, защищая родину и одновременно внося свой вклад в развитие мирового революционного процесса, вьетнамский народ с самого начала шел по правильному пути.

В настояще время, несмотря на недостаточно развитую экономику и узость материально-технической базы, к тому же серьезно подорванной войной, Вьетнам уверенно продвигается к социализму.

В бою и в труде вьетнамские коммунисты и весь вьетнамский народ никогда не забывают, что Коммунистическая партия, правительство и народ Советского Союза оказывали и продолжают оказывать нам сердечную и эффективную помощь. С каждым днем крепнут и развиваются великая дружба и нерушимая боевая солидарность между Вьетнамом и Советским Союзом, проникнутая высоким духом пролетарского интернационализма.

летия противоборства человека с природой, борьба за каждый квадратный метр ровной почвы под рис и придали дикому краю обжитой вид. Освоив долины, земледелец поднимается в горы. Строительные отряды нивелируют склоны, и во многих местах гигантские ступени рисовых чеков поднимаются террасами вверх там, где оказалось под силу этого добиться. А как прозрачны ручьи! Они легки, веселы, и невольно сравниваешь их бег от одного порога к другому, через небольшие бурливые водопады с припрыжкой разрывающейся ребенка.

Прекрасны и долины низменных равнин, на которых дважды в год земледельцы ткут бескрайний изумрудный ковер — высаживают молодую рисовую рассаду после сбора очередного урожая. Огромные поля словно провисают между уходящими за горизонт ребрами гигантских дамб. Две житницы страны, две ее рисовые «корзины» — дельта Красной и дельта Меконга кормят республику.

Мне довелось однажды лететь на вертолете над дельтой великой южной реки. Даже звеньяющий грохот винтов и болтанка не могли развеять очарования пейзажей, проплывающих в проемах снятых для прохода дверей. Бесчисленные каналы и протоки, вспыхающие раз в сутки в одном дыхании с приливом недалекого океана, с которым они связаны «отцом рек», Меконгом, закрывали долину. Изумрудные поляны с молодой рассадой риса сменялись желтыми делянками, где завершалась жатва. Со стерни, всплеснутые вертолетом, поднимались голуби и чайки, болотная выпь кидалась вслед за косяком уток в ручей, на топком берегу которого поднимались в тяжелый галоп буйволы. Лодки, груженные зерном, стояли рядом с тракторами, а посреди поля люди в панамах руками ловили рыбу. Житница южных провинций, вьетнамская Кубань, кормила страны, и с высоты трехсот метров вновь и вновь поражала своим изобилием, ухоженностью, результатами тяжелых трудов и усилий не одного поколения живущих здесь вьетнамцев.

Вода размыла жесткую почву, которую когда-то накомкала, поднимаясь, горная гряда Центрально-вьетнамского плато. И в результате этого образовалась та новорожденная в географическом смысле земля, которая и составляет большую часть южновьетнамских провинций. Это дитя земное растет и сейчас не по дням, а по часам, каждый год удаляясь в океан еще на 60—80 метров. Оно чувствует себя отлично, поскольку

получает от Меконга еще и еще благодатные аллювиальные наносы. Заостряясь к югу подобно своим старшим геологическим собратьям — Индостану, Огненной Земле, Тасмании и Южной Африке, эта наступающая на море земля не встречает никаких препятствий на своем пути, если не считать тяжелых течений Сиамского залива, оттавивающих контуры ее побережья.

...29 лет спустя после обретения Вьетнамом независимости в трубке телефонного аппарата президента Тон Дау Тханга прозвучал рапорт директора первого в национальной истории стальпрокатного завода в Зяшанге, кандидата технических наук, выпускника Московского института стали Выонг Минь Тыонг: «Товарищ президент, первая в истории родины тонна стального проката дана».

«Бамбук, брат мой» — эти слова постоянно встречаются в песнях и легендах вьетнамцев. Я видел, как осторожно трогали ладонями металлурги, бывшие крестьяне, только что оставшиеся после прокатки стальные швеллеры. Какие думы порождал металл у людей, поколения которых возводили свои постройки среди бескрайних рисовых полей или в джунглях без единого гвоздя и железной скобы?

Геометрически четкие зубцы цеховых крыш Зяшанского завода резко контрастировали с тем, что доводилось видеть до того во вьетнамской глубинке. Перед пришельцем из века научно-технической революции блекла ветхая экзотика разбросанных кругом, огороживших деревень, живыми бамбуковыми экранами деревень, которые еще восхищают порой заезжих романтиков причудливыми изгибами черепичных крыш, под которыми ютились нищета, рутина и попранное человеческое достоинство.

— Конечно, — говорил мне директор, — наш завод не сравнишь с металлургическими гигантами в вашей стране. План 1976 года был установлен в 30 тысяч тонн стали, 1977-го — в 35 тысяч тонн, 1978-го — еще выше. Два предыдущих плана были перевыполнены. Нынешний мы сможем вытянуть, только освоив прогрессивный метод непрерывной разливки стали, ибо до этого металл получали в изложницах слитками по 175 килограммов. Но значение нашего первенца не только в этом. Здесь приобретается опыт, завод стал колыбелью кадров для развертывающейся в республике индустриализации...

Да, именно колыбель. Слово было сказано верное. Инженер, мастер дежурной смены Нго

Суан Кхань познакомил меня со сталеваром Лыком, вагранщиком Хыонгом, разливщиком Ноком. На вопрос о стаже работы ответ у всех общий: один-полтора года; на предприятие пришли или после армии, или из ближайших деревень по набору. Казалось бы, эти деревенские парни должны теряться среди сложного оборудования. Спросил об этом напрямую, и засмеявшийся коренастый Лык ответил:

— Верно это. Поначалу дело шло трудно. Прежде всего пришлось преодолевать свою старую психологию. В деревне часто приходилось слышать, что городским, мол, легко: восемь часов отработал — и домой. А все оказалось наоборот. Привыкать к графику, ритму, а главное, к высокой дисциплине оказалось трудно. Поначалу считали, например, прогул не таким уж большим грехом. Раньше в поле день не выйдешь — ну и что? А тут мастер Кхань над душой всю смену стоит. Нередко и директор, извините, прибегал, забыв каску в кабинете, в ответственный момент плавки, становился к печи и показывал нам, что и как...

— А теперь?

— Теперь прогулы у нас — вещь немыслимая. Привыкли, поняли: металл не бамбук. Чтобы работать с ним, нужно и в себе выковать новые качества. Сейчас чувствуем себя намного увереннее. А то ведь было время, когда некоторые просто побаивались раскаленного металла.

— Даже плакали, — вставил слово мастер смеялся Кхань.

Что было, то было. При виде бушующей стихии расплавленного металла неопытные ребята, приведшие на завод из глухих уголков, поначалу не могли совладать с собой. Разрыв между эпохой бамбука и эпохой прокатных станов для них спрессовывался в два-три месяца, и немедленной перестройки требовать от парней было невозможно. Случалось, в общежитии то одного, то другого начинала мучить бессонница: вместо привычного стrectota цикад за окном глухо погромыхивал завод, разбрасывая по небу сполохи огня. Какие перемены должны были свершиться в характере и душе каждого, если с такой склонностью к сноровкой эти же пареньки в прокатном цехе щипцами направляли раскаленный до 1250 градусов металл в валки станов? Невольно вздрагиваешь, когда многометровая красная змея, пройдя одну прокатку, с грохотом проскочила мимо в следующую серию валков, где вытянулась, извиваясь, словно в агонии, еще больше.

Приятно было смотреть на работу молодых

Страну Ленина и страну Хо Ши Мина связывают нерушимые узы дружбы и интернационального братства. Проведенные временем, они с каждым годом крепнут и развиваются. Трудящиеся Советского Союза и Социалистической Республики Вьетнам убеждены в том, что их братская дружба отвечает коренным интересам наших государств, всего социалистического содружества, интересов мира и социального прогресса.

60 лет назад Великая Октябрьская социалистическая революция указала угнетенным народам мира путь к освобождению.

На всех этапах многолетней героической борьбы народа Вьетнама советский народ был всегда на его стороне. В трудный период военных гроз над Вьетнамом всесторонняя помощь государств социалистического содружества стала одним из слагаемых его победы. Советские люди гордятся тем, что оказали немалую помощь Вьетнаму в его борьбе против империалистических захватчиков, — говорил на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежnev. — Народ Вьетнама, дорогой ценой завоевавший независимость и национальное единство, решает сейчас нелегкую задачу восстановления страны, строит социалистическое будущее. Победа Вьетнама открыла новые горизонты перед всей Юго-Восточной Азией. Это — славная победа. Она навсегда войдет в историю борьбы народов за свободу и социализм».

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Радостно сознавать, что ныне вьетнамский народ вышел на широкую и светлую дорогу мирного строительства. Под руководством Коммунистической партии Вьетнама, следя в едином строю с народами братских стран социализма, рабочий класс, крестьянство, трудовая интеллигенция Социалистической Республики Вьетнам вдохновенно трудаются над претворением в жизнь задач, поставленных историческим IV съездом КПВ, добиваются новых успехов в создании материально-технической базы социализма на вьетнамской земле, умножают славу своей родины.

О силе вьетнамского народа и его партии говорит то, что уже сейчас труженики республики думают не только о залечивании ран, нанесенных войной, но и о великих перспективах превращения своей родины в процветающую социалистическую страну, об осуществлении глубоких социальных преобразований на юге, о всенародном развитии сельского хозяйства, промышленности, улучшении жизни трудящихся. Советские люди от всей души приветствуют достижения тружеников братской страны в этой большой созидательной работе.

Солидарность с Вьетнамом стала в Советской стране поистине всенародным делом, велением сердца для каждого советского человека. В этом массово-

вом движении активное участие принимают советские профсоюзы, молодежные и женские организации. Большую и многогранную работу по укреплению братской дружбы и солидарности советского и вьетнамского народов проводит Общество советско-вьетнамской дружбы. За 20 лет своего существования оно превратилось в одну из массовых общественных организаций Советского Союза. Общество советско-вьетнамской дружбы имеет свои отделения в 7 союзных республиках и 23 краях, областях и городах СССР. Около 2,5 тысячи промышленных предприятий, учреждений, колхозов и совхозов, учебных заведений и школ входят в ОСВД на правах коллективных членов. В своей работе общество опирается на много-миллионный актив, представляющий самые широкие слои советской общественности. Яркой демонстрацией боевой солидарности и поддержки Вьетнама стали организованные обществом недели и месячники советско-вьетнамской дружбы.

Советские люди рады дальнейшему расширению и укреплению советско-вьетнамской дружбы, которая является ценнейшим достоянием народов наших стран. Поэтому для нас имеют особо глубокое значение слова Генерального секретаря ЦК КПВ товарища Ле Зуана, который говорил: «Вся наша партия, весь наш народ полны решимости вме-

Герман ТИТОВ,
председатель Центрального
правления Общества советско-вьетнамской дружбы,
летчик-космонавт СССР.

сте с советским народом неуклонно следовать по пути, начертанному Лениным и Октябрьской революцией, полны решимости до конца выполнить наказы президента Хо Ши Мина развивать социалистическую революцию, делать все для того, чтобы великая вьетнамо-советская дружба была вечной и нерушимой».

Вьетнамский народ может быть уверен, что в выполнении важных задач нынешнего этапа развития страны он и вперед будет пользоваться глубокой симпатией, искренней поддержкой советского народа. Советские люди горячо желают, чтобы крепла и процветала Социалистическая Республика Вьетнам — важный форпост мира и социализма в Юго-Восточной Азии.

прокатчиков. Ребята обрели уверенность в себе, все глубже постигали мастерство, а вместе с этим приобретали и чувство власти над сложным оборудованием. Меняя форму стальных отливок, менялись постепенно и сами, становились настоящими металлургами, солдатами того рабочего отряда, который в любой стране по праву считается гвардией своего класса.

Он очень молодой по своему составу, этот класс во Вьетнаме, и год от года продолжает молодеть. Динамика роста промышленного потенциала республики такова, что под ее «призыв» на предприятия и на профессиональную учебу подпадают сейчас почти все выпускники средних школ. В одном лишь машиностроении северных провинций Вьетнама количество предприятий с 1955 года увеличилось с 11 до 300. География их «прописки» охватывает сейчас даже те районы, которые некогда считались исключительно сельскохозяйственными.

Изменение экономического лица страны вызвало глубокие качественные сдвиги в социальной структуре вьетнамского общества. Рабочий класс, составлявший в канун августовской революции 1945 года 3 процента активного населения, вырос во много раз; формируется новая армия тружеников в основном за счет молодежи. Новый вьетнамец, завершив победоносно борьбу за национальную независимость, включился в перестройку хозяйства, которое необходимо в возможно сжатые сроки перевести с мелкого на крупное социалистическое производство.

Грандиозные планы социалистического строительства, намеченные проходившим в декабре 1976 года IV съездом вьетнамских коммунистов, обретают реальное воплощение в сотнях строящихся и сдаваемых объектов. Главный, ведущий из них — строительство крупнейшего в Юго-Восточной Азии гидрологического комплекса на реке Черной.

На карте Вьетнама, в ее северо-западном углу, Черная, или по-вьетнамски Шонг Да, лежит подобно шраму на горной возвышенности. Врезаясь в территорию страны от китайской границы, она гонит свои воды, стиснутая узостями, до приморских долин на востоке, а затем, круто вильнув на север, соединяется с рекой Красной, чьим притоком и считается. На протяжении 540 километров Черная набирает на вьетнамской территории страшную мощь. Особенно жестки мускулы ее течения в период летних ливней. Вспухая день ото дня, начиная с апреля река только в одном августе

сбрасывает столько же воды, сколько за предыдущие семь месяцев. Ее необузданый паводок сметает все на своем пути и, упервшись в течение Красной, вызывает наводнения, при которых в иные годы уничтожаются в плодородной дельте более 400 тысяч гектаров рисовых угодий, почти десятая часть того, что сейчас имеет страна. Вьетнамские гидрологи за 45 лет регулярных наблюдений зарегистрировали 18 таких бедствий, принесших не только неисчислимые материальные потери, но и человеческие жертвы. А вместе с тем в межень, который приходится в этих краях на тропическую зиму, когда можно было бы собирать еще один урожай, многие поля остаются без влаги.

Принятое партией и правительством решение обуздать Чернью является беспрецедентным в Азии по своей смелости и размаху. Разработка проекта диктовалась объективной необходимостью быстрейшего развития как сельского хозяйства, в особенности решения неотложной проблемы самообеспечения Вьетнама продовольствием, так и промышленности северных провинций, испытывающих энергетический дефицит. Гидрологические ресурсы Черной, как определили специалисты, в состоянии обеспечить ежегодную выработку агрегатами ГЭС в среднем более 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Воздвигнутая плотина длиной по гребню в 700 метров и высотой 100—120 метров, обуздав реку, поднимет ее уровень в сухой сезон и позволит его регулировать в паводок. Плотина подпрет огромное водохранилище в 200 квадратных километров, целое внутреннее море пресной воды, которое обеспечит полив второго урожая риса, в несколько раз приумножит рыбные запасы, переменив в лучшую сторону климат, повлечет за собой целый ряд положительных экологических и биологических изменений. Есть и другая большая выгода народному хозяйству — после перехода на снабжение северо-запада СРВ электричеством ГЭС на Черной только за год будет экономиться от 4 до 5 миллионов тонн угля, сжигаемых сейчас в качестве источника энергии.

— Задачи, поставленные IV съездом партии, — говорил мне министр СРВ, член ЦК КПВ, руководитель стройки на Черной Ха Ке Тан, — вдохновили гидростроителей. Будущий комплекс на Шонг Да уже сегодня на устах всех вьетнамцев, которые справедливо связывают с ним большие надежды в решении насущнейших хозяйственных, социальных и политических задач республики...

40 тысяч строителей, подавляющее большинство из которых члены Хошиминовского коммунистического союза молодежи, развертывают фронт работ на обширных пространствах вьетнамского северо-запада. Сосредоточиваются одновременно огромные усилия на возрождении южных провинций страны, освобожденных от господства маронеток более трех лет назад. Вводятся в строй первые промышленные предприятия в Хюэ, Дананге, Куиньоне, Фантхиете, в индустриальной зоне Быенхса близ Хошимина. Проводится огромная работа по социалистической трансформации в сельском хозяйстве, кустарных промыслах и торговле. Предпринимаются титанические усилия для того, чтобы покончить с таким наследием прошлого, как неграмотность, бродяжничество, нищета.

Не нужно забывать, что особенностью Вьетнама приблизительно до 1980 года останется то, что формирование его новой хозяйственной и социальной структуры будет складываться в условиях временного сосуществования разнотипных общественных укладов. В южные провинции направлена тысячи молодых партийных, комсомольских и административных работников, рабочих и инженеров, учителей и врачей для помощи в деле ликвидации остатков компрадорской буржуазии, национализации крупных промышленных и средних предприятий, а затем и для перевода тысячи ветеранов буржуазии в сферу производства, в кооперировании кустарных промыслов и сельского хозяйства, в создании новой культуры и системы здравоохранения.

...По красному проселку, врезавшемуся в бескрайние заросли сорго, тянулась цепочка носильщиков. Лучи раскаленного солнца блестками отражались на пластиковых кулях с надписью «удобрения». В такт тяжелым шагам негромко звучала маревая песня, вьетнамские слова которой казались знакомыми: «Жизнь дается один раз, надо прожить ее достойно, так, чтобы в последний час можно было сказать: я служил народу...»

Ударная бригада вьетнамских комсомольцев, добровольцами вызвавшихся участвовать в строительстве новых экономических районов на застроенных в во время тридцатилетней войны землях и на целине, вела подготовку ко второму урожаю на одном из самых трудных участков госхоза «Фам Ван Кои-1», входящего в продовольственный «зеленый пояс» вокруг города Хошимина. Бригада носила название «Друзья Павки» и

переложила по этому случаю как могла корчагинские слова на стихи.

Тысячи мин, бомб и неразорвавшихся ручных гранат обезвредили комсомольцы на полях площадью в три с половиной тысячи гектаров. Они засыпали четыре тысячи снарядных воронок, отрыли четыреста колодцев, на собственных спинах, ибо с техникой еще трудновато, перенесли две тысячи тонн удобрений и три тысячи тонн извести. Право на этот труд стоило не только пота, но и крови. В этой земле, простирающейся от Хошимина в дельту Меконга и дальше до южного мыса Камау, лежит не один герой, павший за народное дело.

— С 1975 года, — говорил мне член горкома КПВ Хошимина Чан Чонг Тан, — благодаря молодым энтузиастам, преодолевшим огромные трудности, введено в севооборот 20 тысяч гектаров новых сельскохозяйственных угодий, прорыты сотни каналов, проложены десятки дорог. В результате сборы зерновых и овощей значительно возросли. Трехмиллионный город полностью отвел угрозу голода, с незапамятных времен висевшую над ним...

Если взглянуть на карту крайнего юга Вьетнама, однотонность его зеленого цвета бросается в глаза. Да и когда летишь на самолете над дельтой Меконга, ни одна возвышенность не задерживает взгляда. Горизонт лишь застилает синеющая дымка испарений, в которой обозначаются в необъятной долине деревни или гребенками встают вдоль канала линии редких деревьев. Здесь, в огромном треугольнике на плоском пространстве, называемемся долиной Джонок, житницце вьетнамского Юга, словно сжимается ровно и ритмично мощная сердечная мышца, дающая импульс всем водным, наземным и воздушным транспортным артериям, расходящимся отсюда по всем южновьетнамским провинциям. Силу этому пульсу дают богатства засеянных гевеев красноземов, рис, сорго, кукурузы, джут и соя. Объединенные в коллективы совместного производства крестьяне, в отдельных местах организовавшиеся уже и в кооперативы высшего типа, создают высокопродуктивное сельское хозяйство своего края.

На IV съезде КПВ премьер-министр Республики Фам Van Dong, излагая «Основные установки, задачи и цели пятилетнего плана на 1976—1980 годы», говорил:

тишина на озере лотосов.

МОЛОДОСТЬ СТРАНЫ УВЕРЕННО СМОТРИТ В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ.

— Перед нами стоит огромная работа, беспрецедентная по масштабам и сложности. Нам необходимо в период пятилетки рационально и интенсивно использовать все имеющиеся производственные силы, в том числе трудовые ресурсы, природные богатства и материальные средства, среди которых наиболее важные — рабочая сила и земля. Борьба за достижение коренного подъема сельского хозяйства — высшая и самая неотложная задача...

Исходя из реальной обстановки, сложившейся в стране, машиностроение, которому отводится центральное место в индустриализации, должно прежде всего обеспечить быструю механизацию сельского хозяйства. Все чаще сейчас появляются

на полях тракторы, где основным, а зачастую и единственным тяглом были буйволы. Строительство дамб, каналов и водохранилищ, в которое включились миллионы людей, меняет облик земли.

Нарастающий подъем страны пробуждает огромные творческие силы ее народа. Там, где царит свободный труд, всегда есть место и для новых песен, расцветают литература, искусство. В Ханое, Хошимине, повсюду в городах и селах тысячи зрителей собираются у эстрад под открытым небом, где идут концерты и театральные представления.

Нужно сказать, что вьетнамский театр совершен-но отличен от того, каким мы театр себе вообще

представляем. В нем существует три стиля: «тео», «туонг» и «кай лыонг», — отражающие этапы его длительного исторического развития.

Стиль «тео» отражает народную жизнь в пантомимах, танцевальных движениях, напевах и речитативах под аккомпанемент музыкальных инструментов, или, как их называют, «пять совершившихся». В них входят скрипка «ни» с двумя шелковыми струнами и мембранный из кожи удава, шестнадцатиструнная цитра «чань», гитара «нгуитет», лютня «ты» и трехструнная мандолина «там», а также сопровождающие их гонги и тамбурины.

Темы «тео» касаются жизни простых людей, порою комичны и всегда назидательны. Стиль «туонг» совершенно не включает в свои пьесы бытовых тем. В нем повествуется о мире мандаринов, интригах двора, любовных страданиях в обрамлении сознания государственного долга. Оба стиля насчитывают многие века своей истории. Третий, «кай лыонг», является рождением конца прошлого века, когда вьетнамское общество переживало новую волну национального самосознания, тягу к переменам и передовым идеям. В этот стиль к традиционным элементам «песен с жестами» привнесены современные диалоги, музыка и песни.

Если в северных провинциях театр уже несколько десятилетий служит новому обществу, то в южных он делает в этом направлении первые шаги. Однажды майским вечером в Хошимине, когда со стороны реки Сайгон привычно потянуло прохладой, за мной в гостиницу заехал писатель и драматург Ву Хань. Он обещал показать мне театр, организованный и руководимый известной вьетнамской драматической актрисой Ким Кыонг, что в переводе означает «Жемчужина».

Ее театру, взявшему на себя смелость ставить реалистические спектакли, несущие социальный заряд, пришло в старом Сайгоне нелегко. После 1964 года редко какая постановка выдерживала пять — семь вечеров. Людям, измученным постоянной опасностью, тяготами жизни, политическим беззаконием, войной, распоясавшейся военщиной, было не до театра. Труппа работала в убыток, покрывая расходы за счет гонораров за реклам-

апреля, где близ дворца Независимости в ветвях камфорных и тамариксовых деревьев, сосен, «шао» и «еу» повисла уже синяя дымка влажного рассвета. На площади Парижской коммуны, бывшей Кеннеди, громадина собора поднималась темной массой, слабо мерцая сигнальным огнем мачты телестудии. Проходя мимо распахнутых дверей бокового придела, я услышал басовитый рев известного в городе католического проповедника Игнен Ван Биня:

— Сотрудничайте и стройте... Совершая вклад в национальное строительство, вы воздаете тем господу...

Город, бывший Сайгон, менялся на глазах.

Тысячи километров разделяют Советский Союз и СРВ. Но ни различия в историческом прошлом, ни расстояния не могут стать препятствием на пути сближения наших народов, которых объединяет социализм. Советские люди с глубоким вниманием следят, как братский народ осуществляет меры по быстрейшему залечиванию ран, нанесенных войной, и восстановлению народного хозяйства. Наша страна оказывает героическому народу экономическое и техническое содействие в проектировании и строительстве более 90 объектов национального значения в дополнение к тем 200, которые введены в строй с нашей помощью в предыдущие годы. Сейчас, когда вьетнамскому народу приходится испытывать снова грубое и несправедливое давление извне, на этот раз от пекинских руководителей, советские люди заявляют о своей решительной поддержке Вьетнама в его усилиях, направленных на строительство нового общества, на улучшение условий жизни народа, на защиту суверенных прав и упрочение международных позиций СРВ — надежного форпоста социализма в Юго-Восточной Азии.

Как заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, «мы были, есть и будем вместе с Вьетнамом. Наше общее дело — дело прочного мира, независимости народов и социального прогресса — отвечает жизненным интересам миллиардов людей на земле».

Под этими солнечными куполами мастера обжига в огне закаливают кирпич.

ные скетчи, разыгрываемые на марионеточном телевидении.

— После освобождения, — рассказывала Ким Кыонг, — мы восстановили постановку моей пьесы «Листья хлебного дерева», а затем поставили спектакль «Под двухцветными одеяниями», повторяющий мотивы первой пьесы, несущие заряд социального протesta. Но все это были вещи, написанные очень давно. Я написала пьесу «Ключ», посвященную семье компрадоров, застывшей в своем неприятии всего того нового, что открылось перед людьми творчества и труда после освобождения...

«Ключ» стал явлением в художественной жизни города. Это была пьеса-размышление, психологическая драма, посвященная сегодняшним событиям, жанр, к которому театральная публика, непривычная к нему, относилась в прошлом с предубеждением.

— Я сказала актерам, — говорила Ким Кыонг, — если спектакль выдержит двадцать вечеров, мы устроим праздник. На первое и второе представления пришло много зрителей, зал оказался полным. Потом — пустота. Но через две недели свободных билетов в продаже не бывало уже за два-три дня... А мы-то настроились на полный бойкот, ведь играть приходилось почти в центре Тёлона, вплоте буржуазии. Видимо, переменился наш город, переменился его зритель...

Театр ищет новые, зозвучные времена темы. Благодаря этому он нашел массового, подлинного ценителя своего революционного искусства. Вслед за «Ключом» вскоре пошла пьеса «Жемчужины» «День вашего возвращения» о борце за свободу. А через несколько недель, уже в Ханое, из газет я узнал, что Ким Кыонг сыграла на сцене своего театра роль Тани в арбузовской пьесе, переведенной на вьетнамский с русского.

...Я возвращался в тот день домой, в свой номер в гостинице «Кыу Лонг», пешком по авеню 30

ЗНАМЕНОСЫ

Эта документальная новелла—об участии молодого вьетнамского моряка, ныне президента СРВ Тон Дык Тханга, в восстании французских военных моряков на Черном море, которые в апреле 1919 года выступили против планов Антанты задушить молодую Советскую республику.

В нашей стране бережно хранят память о подвиге вьетнамского революционера. В приветственном послании товарища Л. И. Брежнева товарищу Тон Дык Тхангу по случаю его 90-летия (20 августа 1978 года) говорилось, что советские люди высоко ценят и глубоко уважают его как «видного интернационалиста ленинича, последовательного борца за торжество идеалов социализма во всем мире, первого соратника выдающегося сына Вьетнама президента Хо Ши Мина, как давнего и искреннего друга нашей страны». За участие в революционном движении и большой вклад в развитие советско-вьетнамской дружбы товарищ Тон Дык Тханг награжден орденом Октябрьской Революции. Он кавалер ордена Ленина, лауреат Международной Ленинской премии мира.

IBI машинном отделении, как всегда, было душно, вахтенные механики то и дело подбегали к гудящей вентиляционной трубе, подставляли под прохладную воздушную струю потные лица. Крейсер «Вальдек-Руссо» вот уже несколько суток стоял под пароми на рейде Константинополя. Приказ сниматься с якоря мог последовать в любой момент.

Проблемы прохода через Дарданеллы и Босфор не существовало с осени 1918 года, когда победенная Турция передала Антанте ключи от проливов. Стремясь свергнуть Советскую власть, англо-французское командование направило в Черное море эскадру, которая высадила десант в Одессе и Севастополе. «Мы будем удерживать Днестр, наш флот будет контролировать Черное море, и мы легко задумшим большевизм»,—проголосил французский премьер Клемансо.

Задержавшись в тулонском доке, «Вальдек-Руссо» отстал от эскадры и прибыл в Константинополь только в конце марта 1919 года. К этому времени план Клемансо уже трещал по всем швам. В радиорубке крейсера то и дело звучала морянка московских радиостанций: «Красная Армия успешно проходит по югу России... Советское правительство призывает державы Антанты приступить к мирным переговорам...». Эти сообщения становились известными не только капитану и офицерам.

...Тон Дык Тханг медленно прошел вдоль лоснившихся от масла турбин, вытирая ветошью руки и взглядывая в дрожащие стрелки манометров. «Куда же нас пошлют?»—думал Тханг. Этот вопрос мучил не только его. В матросских кубриках и на верхней палубе, в офицерской каюте-компании и в минных рубках он был предметом самого горячего обсуждения. Курс на Дарданеллы означал: во Францию—и конец остоцеревшей войне. Курс на Босфорский пролив в Черное море предвещал новые испытания.

Сегодня утром электрик Симо принес на заседание матросского клуба «Луккул» свежий номер «Журнал офицеров». «Раздобыл через вестовых»,—хитро подмигнул Симо. Матросы сгрудились вокруг него в тесном пространстве между шлюпок, укрепленных по правому борту.

«Французское правительство,—медленно читал Симо стенограмму заседания парламента,—никогда не объявит войну революционной России, не консультировалось на этот счет ни с парламентом, ни с нацией... Тем не

менее господин Пишон¹ снабжает русских контрреволюционеров оружием, деньгами, шлет воинские части. Таким образом, в действительности мы находимся в состоянии войны с реально существующим правительством России».

— Вот пусть сам Пишон и воюет!—раздалось с марс-фальской бухты. Это был Тханг.

— Тебя бы, Тханг, в Национальное собрание,—отклинулся кто-то,—на подмогу Марселя Кащену.

— Зачем в собрание? Мы и здесь скажем свое слово.

— Мы требуем,—продолжал читать журнал Симо,—немедленного возвращения французских частей, втянутых в эту авантюру...»

Тханг, словно что-то почувствовав, оглянулся налево и вдруг, прервав Симо, заговорил нарочито громко:

— А еще, братцы, предлагаю заказать креветки по-сайгонски. М-м, язык проглотиши!

По палубе в их сторону шел офицер.

Матросы переглянулись и тотчас принялись шумно обсуждать меню банкета, который они устроят после демобилизации. Ведь «Луккул» для того и был создан еще во время стоянки крейсера в Тулоне.

...Новость принес канонир Лавье.

— Дождались, ребята,—выдохнул он, с шумом ввалившись в машинное отделение.—На Босфор идем.

Тут же звякнула трубка переговорного устройства, стоявший возле нее механик принял команду и бросил вахте через плечо: «Малый вперед!»

Массивный шеститрубный крейсер медленно разворачивался, подставляя левый борт закатным солнечным лучам. Тремя этажами выше машинного отделения, в командирском отсеке контр-адмирал Кобе подошел к иллюминатору. Контуры Константинополя со шпилями мечетей и дворцовыми башнями казались на фоне солнечного диска вырезанными из картона.

Адмирал был горд порученной ему миссией.

— Клемансо тысячу раз прав, дорогой капитан,—сказал он, не отрываясь от иллюминатора.—Надо окружить большевиков бронированной стеной. Тяжелые долг цивилизованных наций. Пусть эти дикари разбоят себе морды о наши дредноуты.

Командир «Вальдек-Руссо» капитан первого ранга Шопар поморщился: «Навязал мне дьявол на голову этого индука».

— Как бы нам не встретиться с такой же ордой на собственном крейсере,—пробурчал капитан.

— Вечно вам мерещатся бунтовщики.

— Мне достоверно известно, что на корабле действует революционный комитет. Напрасно мы не заменили тогда в Тулоне всю команду полностью. Полсотни негодяев могут испортить нам всех новобранцев.

— Ну-ну, не горячитесь. Вы же знаете, как трудно сейчас найти механиков.—Адмирал был настроен миролюбиво.—Проберитесь-ка лучше на свежем воздухе, мой дорогой.

Капитан вышел из адмиральской каюты и по устланному красным ковром тралу поднялся на палубу. Крейсер набирал ход, палуба чуть подрагивала от работающих машин. Константинополь остался за кормой. В вечернем небе над мачтами с криком кружили чайки. Трехцветный флаг, трепетавший на ветру, словно прощался с городом и провожавшими его птицами.

Глубоко в недрах корабля отдыхают сменившиеся с вахты механики. В кубрике темно, лишь изредка вспыхивают огоньки сигарет.

— Все мало нашим адмиралам,—раздается хриплый голос.—Никак не нахоются. Ведь, кажется, с бошами помирились. Так опять нелегкая несет в Россию.

¹ Министр иностранных дел во французском правительстве.

— Русские-то нашими союзниками были. А теперь?

— Вон пусть Тханг объяснит. Он человек бывалый, с социалистами знаком. Не спиши, Тханг?

Тханг лежит на спине, закинув за голову скрепленные руки. Через час ему спускается в кочегарку: корабельный ревком должен наметить план действий. На обращенный к нему вопрос он ответил так, как ему самому объяснили недавно товарищи из тулонского арсенала.

— Русские решили покончить со своими паразитами. А нашим паразитам это не по нутру. За свою шкуру опасаются. Вот нас и посыпают душить русскую революцию.

— Ловко,—отзываются хриплый голос.—Мы, значит, вроде пешек.

— Свинство это,—подводят итог беседе кто-то с дальних коек.

Капитан между тем продолжал обход палубы. Завидев его, часовой у кормовой рубки вытянулся. Капитан собрался было что-то сказать, но вдруг замер с открытым ртом. Прямо на него из-за орудийной башни со страшным визгом неслись два поросенка. Следом за ними, тяжело дыша и придерживая рукой фуражку, мчался седоусый кондуктор.

двуоколкой, их сдерживали, отжимая винтовками, патрульные матросы в беретах с помпонами.

Адмирал подвинул бинокль чуть вправо: фигуры увещанных амуницией солдат прыгали с пристани в шлюпки. Те глубоко осели от переполнявших их людей, и непонятно было, куда умещались продолжавшие прыгать вниз фигуры.

— Мы подоспели вовремя, капитан,—сказал Кобе.—Готовьтесь принять на борт это стадо.

— Прикажите приготовить орудия к бою?

— Да, конечно.

Развернулись и замерли орудийные башни. Пушечные стволы вытянулись по направлению к городу: к домам, сбегавшим по склону холма, к мельницам, к длинной лестнице с какой-то статуей на вершине, к бульвару с только что распустившимися акациями—к городу, жившему сейчас непонятной, тревожной жизнью. И под защитой стальных стволов, гонимые невидимой, но грозной силой, торопливо уходили от берега переполненные шлюпки. Интервенция переживала свой бесславный конец.

Вскоре палуба крейсера напоминала разгромленный военный лагерь: всюду

Георгий ГРАММАТЧИКОВ

“ВАЛЬДЕК-РУССО”, СНИМАЕТСЯ С ЯКОРЯ

Рисунок Валерия БОДРОВА

Своим осколом и выпущенными глазами он очень напоминал волка из популярной сказки.

Едва не наткнувшись на капитанские ноги в белых оттуюженных брюках, по-роскии шарахнулись в сторону. Запутавшись в троих киль-блоках, они повалились набок и отчаянно задыгали розовыми ножками.

Кондуктор, пытаясь остановиться, проехал метра два по палубе и в ответ на немой вопрос капитана сумел только бессильно развести руками. Капитан вновь перевел взгляд на баращавшихся поросен. На их гладких боках свежей масляной краской было выведено: «Клемансо» и «Пишон».

— Каналы,—прокрежетал капитан и, круто повернувшись, зашагал к своей каюте.

...Утром 6 апреля крейсер «Вальдек-Руссо» бросил якорь на одесском рейде. Море было спокойным, и это особенно подчеркивало картину беспорядка и паники, царившей на берегу. Окуляры адмиральского бинокля, скользя по пристани, выхватывали немые сцены, каких не увидаишь в кинематографе братьев Люмьер, беззвучно перевернулась двуоколка, влетевшая через портовые ворота; из зарядных ящиков под ноги пробегавших мимо солдат в красных фесках посыпались гильзы; немо раскрывали рты какие-то люди с баулами и чемоданами, пытающиеся пробиться вслед за

громоздящимися ящиками с консервами и вином, валялись мешки с одеждой, ранцы, связки вяленой рыбы. Между ними потерянно бродили марокканские и алжирские стрелки, французские пехотинцы, особняком держались солдаты греческого батальона. А по тралу с правого борта поднимались все новые и новые солдаты: пыльные, взбудораженные, в полурастянутых куртках.

— Все на корму!—хрипло кричал лейтенант, руководивший погрузкой. Он подтолкнул вступившего на палубу низкорослого стрелка с ранцем и карabinом за спиной. Кепи сбились на его приплюснутый нос, и стрелок должен был быть высококо задирать голову. Следом за ним на палубе появились еще несколько таких же низкорослых, черноглазых солдат.

Тханг, наблюдавший за погрузкой вместе с другими матросами, крепко сжал поручень. Он слышал, что среди десантных частей Антанты, высаженных в Одессе, была чуть ли не целая рота вьетнамцев. И вот повезло—встретил их на «Вальдеке».

— Ань ем, эй²—негромко позвал Тханг.

Первый стрелок удивленно оглянулся и, увидев Тханга, радостно заулыбался:

² Ань ем, эй (вьетн.)—дружеское обращение.

— Тяо, аны!³

— Пошел, пошел на корму! — закричал лейтенант.

Вечером, когда крейсер снялся с якоря и направился в Аккерман, куда надлежало доставить сухопутные части, Тханг удалось поговорить с одним из соотечественников. Караваны вяло выполняли приказ изолировать от экипажа взятых на борт солдат.

— Ну как, навоевались с русскими? — Тханг сидел рядом с Хиеном — так звали его нового знакомого. — Читал я, как разливался перед вами Сарро⁴. Как это он пел: «Вы хлынули в армию толпами, без колебаний покидая родную землю, к которой вы так привязаны».

— Перестань, друг, — поморщился Хиен. — У меня до сих пор на ногах отметина от кандалов. На сборный пункт в Сайгоне «добровольцы» иначе, как в железе, не шли.

— Прости, друг. — Тханг положил ему руку на колено.

— А вообще-то мы, кажется, отвоевались, — оживился Хиен и подмигнул Тхангу. — Теперь ваша очередь. Вон у вас какие пушки.

— Пушки сами стрелять не будут.

— И правильно. — Хиен схватил Тхан-

го двое: мужчину и женщину. Она оказалась француженкой, звали Жанной, а он местный, одессит. — Зачем, — говорит, — вас сюда привезли, знаете? Чтобы помочь русским богачам сохранить власть над простым народом. А неужели, говорит, у вас дома своих забот мало? — Тут я сразу вспомнил о нашем надсмотрщике Леблане в Фантхиене.

— Там, кажется, каучуковые плантации?

— Вот-вот, я там был кули. Страшный тип этот Леблан. Наверно, и сейчас изымается над людьми.

Хиен зябко поежился и замолчал, погрузившись в воспоминания.

— Ну, а дальше-то что, в ресторане?

— Ты читать, наверное, умеешь, раз механик, — очнувшись, сказал Хиен. — Тогда вот.

Оглянувшись по сторонам, он полез за пазуху и достал аккуратно сложенный лист бумаги:

— Держи.

Тханг развернул листок. Это была отпечатанная на гектографе газета «Коммунист» на французском языке. Тханг быстро пробежал глазами текст: «Товарищи французские моряки! Красная Армия приближается к Одессе. Не

внешне «Вальдек-Руссо», как и другие корабли, оставался боеспособной единицей французской эскадры, действовавшей в Черном море. Точно в означенное время сменялись вахты, часовые становились в положенных местах: у флага, у трапа, у пороховых погребов; машинное отделение давало указанное число узлов; сигнальщики молниеносно, точно фокусники, взмывали флагами, передавая приказы с корабля на корабль.

Но и Тханг и другие члены экипажа чувствовали, что с каждым днем все обманчивее становится эта отлаченность безуказанным военного механизма и что в действие приходит новая сила, способная нарушить установившийся порядок вещей, который основан на беспрословном, слепом подчинении одних другим. Этой силой были они сами — матросы, механики, канониры.

Утром 25 апреля из Севастополя пришел миноносец «Фоконно». Не успела прогреметь его якорная цепь, как на воду спустили шестивесельную шлюпку: капитан миноносца спешил сообщить адмиралу на «Вальдек-Руссо» что-то весьма важное и срочное. Но пока подгонявшая дружными взмахами гребцов шлюпка приближалась к крейсеру, сигнальщик с «Фоконно» успел передать: «В Севастополе восстало вся эскадра. Броненосец «Франс» ушел в Константинополь».

— Вот это да, решились таки! — Батарейная палуба, где столпились матросы, загудела от возбужденных голосов.

— Пора и нам начинать. А то все разговоры да собрания.

— Легко сказать. Слышали, будто «Фоконно» велено, если взбунтуемся, потопить крейсер?

— Ерунда, на пушку берут.

— Вот и вправду возьмут...

На палубу со всех сторон сбегались матросы: они поднимались из недр машинного отделения, съезжали по поручню трапа со шканцев, высакивали из орудийных башен. Форменки, тельняшки, замасленные робы заполнили все свободное на палубе пространство. Над толпой возвышался Симо, взобравшись на бухту канатов, он своим раскатистым звучным голосом истого марсельца перекрыл общий гвалт:

— Согласны вы действовать немедленно?

— До конца! — взревели в ответ воемысот глоток.

— Тогда мы идем к адмиралу.

В адмиральской каюте витал медовый запах дорогого трубочного табака. Такой же запах, вспомнил Тханг, был в кабинете богатого французского торговца в Сайгоне, у которого он, Тханг, учившийся тогда в технической школе, устанавливал электрический фен под потолком.

Тханг протиснулся в первый ряд стоявших в каюте матросов. Кобе в застегнутом на все пуговицы черном мундире расхаживал по ту сторону письменного стола, отделявшего его от делегатов. При каждом повороте адмирала солнечный луч, бивший в иллюминатор, отражался на его золоченом кортике.

— Дети мои... — Голос Кобе был мягок и снисходителен, как у лицейского учителя, выговаривавшего неразумных учеников. — Вы, очевидно, не подумали о последствиях своего поступка. Ведь это мятеж или хуже того — предательство. Франция сурово карает бунтовщиков. А что будет с вашими семьями?

Адмирал обогнул стол и вплотную подошел к шеренге матросов.

— Вот вы, например, — ткнул он в грудь Тханга. — Кем вы были на берегу?

— Механиком, мой адмирал.

— Вы, я вижу... э... аннамит. Франция дала вам образование, доверила честь защищать ее цвета...

— Я не понимаю, от кого их защищать в Черном море, мой адмирал.

— Вы прекрасно все понимаете. — В голосе Кобе проскользнуло тщательно сдерживаемое раздражение. Он снова отошел к столу, сверкнув корти-

ком. — Итак, дети мои, вы настаиваете на своих требованиях?

— Да, — выступил вперед Симо. — Немедленное возвращение во Францию, нормальное питание, демобилизация.

— Насчет питания я согласен, — быстро ответил адмирал. — Сегодня на ужин вы даже получите по бутылке шампанского. А в остальном, — развел он руками, — ничего не могу сделать. Я подчиняюсь приказу министра.

— Мы сообщим об этом матросам, адмирал.

Когда матросы покинули каюту, адмирал бессильно опустился в кресло и негнувшимися пальцами стал расстегивать китель.

— Что скажете, господа? Молчавшие до сих пор Шопар — капитан «Вальдек-Руссо» — и капитан «Фоконно» переглянулись.

— По-моему, это конец, — еле выдавил Шопар. — Если уже «Франс»...

— Да, «Франс». — Адмирал наконец расстегнул пуговицы. — Помню, в июне 1914 года наш Пуанкаре прибыл на нем в Петербург. Как встречали! Салюты, флаги, парады. «Вив ла Франс!», «Боже, царя храни!». Пяти лет не прошло...

— Я думаю, — решил прервать адмирала Шопар, — надо поставить у пороховых погребов и у шлюпок офицерский караул. В крайнем случае...

— В крайнем случае, — сказал, вернувшись из воспоминаний, Кобе, — придется взорвать крейсер.

— Может быть, — предложил капитан «Фоконно», — обратиться к союзникам? Английский крейсер и два японских эсминца стоят совсем рядом. Пусть высадят на «Вальдек-Руссо» вооруженный десант, арестуют команду.

— А еще лучше возьмут нас на абордаж, — насмешливо продолжил Кобе. — Нет, на этот позор я не пойду.

В дверь постучали, и в каюту просунулась голова вестового. На его круглом лице с маленькими усиками застыло выражение полной растерянности.

— Вас требуют... просят... на кормовую палубу, господин адмирал. Там творится что-то ужасное.

Зеленоватые волны одна за другой катились вдоль бронированной обшивки крейсера. Глядя на них с борта, можно было подумать, что корабль отрабатывает назад, удаляясь под углом от берега. Но это только казалось. Туга натянутые якорные цепи удерживали «Вальдек-Руссо» на месте, в 900 метрах от береговой линии. Одесса по-прежнему оставалась в пределах досягаемости корабельных пушек.

Тханг поднял голову. Порывы свежего зюйд-оста бросали за борт слова адмирала, стоявшего на мостике. До матросов, напряженно слушавших его, долетало: «Приказ... мятеж... долг... дети мои...»

Тханг поиском глазами Симо. Тот находился неподалеку от адмирала и тоже взглядом искал кого-то в толпе. Увидев, наконец, Тханга, он едва заметно кивнул ему. Тханг потянул наружу засунутый за ремень кусок полотняной ткани и начал пробираться вдоль борта к флагштоку.

В это время на минной рубке появился канонир Лавье. Громко, стараясь перекричать шум моря и ветра, он обратился к адмиралу:

— Вы играете с огнем, адмирал. Мы все равно не будем стрелять в русских товарищах. У вас есть последний шанс. Прикажите сниматься с якоря. В противном случае...

— Что же будет в противном случае?

— Мы сдадим крейсер большевикам, а сами перейдем на их сторону.

— Правильно! — прогремело над палубой. В толпе матросов раздались крики: «Долой адмирала! За борт его!». Офицеры сбились в кучу у трапа, ведущего на мостик. В руках у них появились револьверы.

Тханг между тем оказался рядом с часовым, который должен был охранять кормовой флаг.

— Посторонись-ка, друг! — сказал ему Тханг.

га за локоть. — Зачем нам лезть в их дела? Вчера подходят к нам на бульваре какая-то мадам, в ушах бриллианты, на руках кольца. «Не уходите, — говорят, — из Одессы. Спасите нас от большевиков». А мы говорим: «Извините, мадам, но мы не хотим, чтобы из-за ваших колец нам дырявили шкуру». На том и расстались.

— Ну, а самих-то большевиков по-настоящему видел? Или только сквозь прорезь прицела?

— Прицела... — Обиженно протянул стрелок. — Сидите тут в своем корыте и ни черта не знаете. — Он презрительно сплюнул через поручень. — Да если хочешь знать, у нас в колониальной роте ни один солдат не стал стрелять в красавок. Офицеры думали: если туземцы, так, значит, мы дикари, нас можно заставить делать все. Не тут-то было. Вьетнамцы, алжирцы, марокканцы — все отказались воевать с Советами. Некоторые даже перешли на сторону большевиков.

Хиен переложил в сторону ранец, придинулся поближе к Тхангу и продолжал, понизив голос:

— Я сам несколько раз беседовал с большевиками. Был там, недалеко от порта, рестораник. Подсели к нам как-

стреляйте в ее солдат. Возвращайтесь во Францию и скажите французскому народу, что большевистская армия хочет освободить народы России от царского рабства...

— Мы расскажем об этом, — промолвил Тханг, глядя на далекую береговую кромку. — И не только во Франции. Верно, друг?

...И вот «Вальдек-Руссо» вновь на одесском рейде. Вновь жерла его орудий устремлены к порточным сооружениям, к городским кварталам, к театрам и бульварам.

— Да у них там настоящий праздник. Везде красные флаги. — Сидя в орудийной башне, Симо рассматривал берег в прицельное устройство.

— Вот ахмен из всех орудий, будет у них праздник, — мрачно заметил Лавье.

— Нет, — твердо сказал Симо. — Второго Херсона⁵ мы не допустим. Тогда на «Мамелике» и «Альтайре» команда послушалась офицеров. Помнишь, те пугали, что большевики всех матросов приговорили к смертной казни. Так что огнь по большевикам. Сколько людей погибли в Херсоне! Позор для всей эскадры! Но теперь времена другое.

Время действительно было другое.

⁵ В марте 1919 года по приказу французского командования Херсон был подвергнут разрушительному обстрелу французской эскадры.

³ Тяо, аны! (вьетн.) — Привет, друг!

⁴ Альбер Сарро — генерал-губернатор Индокитая в 1917—1919 годах.

Тот недоуменно уставился на механика, едва доставшего ему до груди, но послушался. Тханг выдернул из-за пояса кусок материи, быстрыми, точными движениями привязал два его угла к флагу. И все увидели, как вдоль лакированного флагштока плавно, без рывков и остановок, поднимается красное полотнище. Ветер расправил складки, и яркое пятно заалело на фоне серо-стальных труб крейсера.

— На красный фла-аг! — зычно, командирским голосом крикнул Симо.

— Виват! — откликнулись матросы. Одни бросали вверх береты, другие, сорвав красные помпончики, прикалывали их к груди.

А флаг, повинувшись рукам Тханга, перевиравшего фал, уходил все выше в небесную синь. Вот он вздрогнул, коснувшись клотика, и заполоскался на ветру — первый в истории красный флаг, поднятый сыном Вьетнама.

...Ранним утром 28 апреля 1919 года «Вальдек-Руссо» уходил в открытое море. В иллюминатор матросского кубрика смотрел на удаляющийся берег вьетнамский механик Тханг. Крупные брызги обдавали иллюминатор, земля совсем скрывалась за мокрой пеленой.

Тханг так и не ступил на эту землю.

Он вновь встретится с Одессой спустя много лет. Это произойдет в 1956 году, когда Тон Дык Тханг приедет в СССР с официальным визитом как председатель Постоянного комитета Национального собрания Демократической Республики Вьетнам.

Много испытаний выпало на его долю между этими двумя встречами. Большинство восставших моряков по прибытии в Тулон были отданы под трибунал. Имена моряков, которые были в нашем Черном море, — писал В. И. Ленин, — связаны во всей Франции с воспоминаниями о русской революции; французские рабочие знают, что те, кто отбывает теперь каторгу во Франции, подняли восстание в Черном море, не желая быть палачами русских рабочих и крестьян.

Вместе с другими участниками восстания был арестован и Тханг. Выйдя на свободу, он добрался до Парижа, устроился на завод «Рено». В Париже в это время жил старый товарищ Тханга еще по сайгонской технической школе. Это был Нгуен Ай Куок, первый вьетнамский коммунист, который войдет в историю под именем Хо Ши Мина. Впоследствии на страницах издаваемой им газеты «Парна-подиг» матросов — участников восстания на Черном море — получит высокую оценку.

Тон Дык Тханг вскоре возвращается в Сайгон. Он разворачивает кипучую революционную деятельность, становится одним из активных членов созданного Нгуен Ай Куоком Товарищества революционной молодежи Вьетнама, организует первый во Вьетнаме профсоюз.

В 1929 году в жизни Тон Дык Тханга происходит трагический поворот. Колониальная охранка арестовывает его. Тхангу припоминают все: и восстание 1919 года, и стачку на заводе «Рено», и его «подстрекательские» действия в Сайгоне. 20 лет каторжных работ — таков приговор колониального суда. Год за годом проходят в страшном аду «острова смерти» Пуло-Кондор. И лишь в 1945 году, спустя 17 лет, августовская революция освобождает Тон Дык Тханга и его товарищей из мрачных застенков. Он снова в гуще патриотической борьбы, мобилизует массы на выступления против колонизаторов. Позже, во время войны с американскими агрессорами, Тон Дык Тханг — один из организаторов боевых побед вьетнамского народа.

С 1969 года, после смерти Хо Ши Мина, Тон Дык Тханг — президент ДРВ, а с июля 1976 года — президент Социалистической Республики Вьетнам.

«Старый бамбук клонится к земле. Молодой тянется к небу».

(Народная мудрость.)

ТОВАРИЩ

Борис ФАИН, специальный корреспондент «Смены».

— Не надо думать, — говорит он, — что уже тогда я был марксистом-ленинцем. Нет! Я мстил за отца...

А в листовках было: молодежь не пойдет в армию, которую колонизаторы, захватчики повернут против коммунистов. Не пойдет!

Листовки листовками, но он сам стал выступать на митингах, за что — впервые! — получил семь месяцев тюрьмы.

И вот — американцы. Повзрослевший Винь действовал уже уверенней, сознательней перед лицом новой оккупации. На собственный его опыт как бы накладывался опыт общей борьбы народа, хотя высокое понятие «Свобода» омрачалось теми его соотечественниками, которые предпочли лакейство и раболепие перед темной силой, окутавшей юг его родины... Нет, тогда он еще не почувствовал до конца всю мерзость и подлость оккупантов и марионеток — это еще предстояло ему узнать полной мерой, еще было впереди...

Снова листовки, снова митинги...

Математика, к сожалению, к тогдашнему его сожалению, как наука абстрактная, не могла выразить его крепнущих классовых убеждений — и Винь сделался литератором. Передовая интеллигенция Хюэ стала выпускать газету «Завтрашний день», где он сотрудничал: писал стихи, очерки, статьи... Приговор: один год тюрьмы.

Пожалуй, в тот тюремный год он до конца осознал, что такое классовая борьба.

...В Хюэ он больше оставаться не мог. Опасно было. Там, в своем родном городе, он был бы обречен... И Винь уезжает в Сайгон, с душевной болью прощааясь с семьей.

Его вела цель. А есть ли на белом свете люди более счастливые и закаленные, чем те, кто обрел — умом, кожей, сердцем, всем своим существом — цель.

— Я осознал, что цель жизни — идти путем революции, путем Маркса и Ленина.

Эти слова он произносит так же привычно, как «земля», «повилика», «мама», «сестра», которая сейчас, в 1978 году, — он говорит об этом с радостью — член бюро горкома партии в Хюэ...

Он учился на математическом факультете, вступил в комсомол, а через год — в партию. И еще через два месяца его избрали секретарем партячеки вузов Сайгона. Когда на севере страны, в Ханое, должна была состояться сессия Международного Союза студентов, подпольный горком партии вызвал Виня в освобожденные районы, чтобы оттуда отправить в Ханой, хотя и предстояла тяжелая и опасная дорога. Но он об этом не думал. Он в ночной деревне Дык Хоа одноименного уезда писал проект доклада, исца и находил слова о поруганной своей родине, о делах молодых патриотов, об интернационализме и солидарности молодежи земли.

В ту ночь караули нагрянули в деревню. В ночной перестрелке один за другим гибли члены подпольного горкома. Секретарь и член бюро Чан Куан Ко, отстреливаясь, был тяжело ранен и, умирая, крикнул: «Долой американских кровопийц!»

— В его честь, — негромко говорит Винь, — мы только что построили канал большой оросительной системы в новом экономическом районе. Удар-

Рисунок Валерия СМИРНОВА

смертной казни и сослан на остров тюрьму, где четырнадцать лет томился в «тигровой клетке» — страшной камере пыток»...

Винь улыбается. Мягко, дружески. Не отпускает после рукопожатия ладонь. И в глазах интерес к собеседнику — черта, характерная для человека большой культуры, доброй души и интеллектуальной энергии... Любопытно наблюдать за ним во время разговора. Терпение, пока говорю я. Легкое оживление, когда в беседе вступает переводчик. И, наконец, едва прикрываемое смущение, когда начинает рассказывать сам — то плавно, гладко, то с нелегким подбором слов, емких, выразительных, и с неизменным вопросом к собеседнику: «Я понятно говорю?» При ответном кивке он удовлетворенно прикрывает глаза и продолжает рассказ.

— Мои молодые годы прошли в неволе. И потому со дня освобождения Вьетнама самое важное для меня — учиться. Учиться!

Ле Куанг Винь подчеркивает это слово, хотя только что он, математик по специальности, окончил Высшую партийную школу в Ханое. Понимать надо так: учебный курс завершен, но учба у жизни продолжается... Это косвенное, непрямое утверждение в его устах — устах человека глубокого жизненного опыта, чья биография — борьба, борьба не на жизнь, а на смерть, борьба во имя многострадальной и героической родины, воспринимается как открытие, как открытие.

...Он родился и рос зеленом городе Хюэ, где много лотоса, водяной повилики, апельсинов. Отсчет собственной духовной жизни начинается с того часа, когда отца, прогрессивного журналиста, во время поездки в деревню убили французы-колонизаторы. Тяжелейшее положение семьи. 18-летняя сестра («Ее зовут Ле Тхи Май — название цветка, этот цветок похож... на цветок абрикоса») берет на себя ответственность за семью, и он не подвел, не огорчил сестру — учился хорошо. Одно только: Винь принял участие в движении сопротивления учащихся — стал распространять листовки подпольщиков.

Я видел его трижды.

Первый раз — у праздничной трибуны, когда город Хошимин торжественно и многолюдно, со знаменами боевых частей и транспарантами трудящихся, отмечал 33-ю годовщину Августовской революции и провозглашения независимости страны, образования первого в Юго-Восточной Азии рабоче-крестьянского государства.

Второй раз мы четыре с половиной часа беседовали в бывшем особняке бывшего сайгонского банкира, где ныне расположился южновьетнамский филиал Федерации молодежи Вьетнама.

И третий раз — на товарищеском ужине, на высоком этаже гостиницы, когда над городом стояла черная южная ночь, плескались огни, и он, отворив окно, сказал с незабываемой интонацией:

— Хошимин!

Он смотрел на город памятливым, особенным, волнующим душу взглядом — и этот его взгляд и интонация, с какой он произнес имя города, бывшего Сайгона, как и все в нем, было значительным и простым, как значительны и просты обыкновенные человеческие чувства — гордость и боль, упорство и страдание, верность себе...

Сошлись на последнее из того, что читал о нем, — на слова первого секретаря ЦК Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина товарища Даанг Куок Бао в интервью нашей «Комсомольской правде». Речь шла о делегации молодого поколения Вьетнама на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване.

Прежде всего я хотел бы назвать заместителя руководителя нашей делегации — председателя Федерации вьетнамской молодежи товарища Ле Куанг Виня. Он один из ветеранов революционной молодежи страны. В 1961 году Винь был схвачен, приговорен марионеточными властями к

ВИНЬ

ный отряд добровольцев построил! И назвал его именем.

То, что случилось в трагическую ночь начала шестидесятых годов, и то, что произошло недавно, в зените семидесятых, скреплено, слито для него в одно, цельный духовный мост выстроен в его сердце из прошлого десятилетия в нынешнее, ибо все это — и герои-подпольщики, и добровольцы сегодняшней целины — история молодежи его родины, его любимого Вьетнама, это его, Виня, жизнь, жизнь его сердца, и наш разговор надолго уходит в сторону...

Задачи Федерации молодежи страны сегодня. Руководящая и направляющая роль комсомола страны в жизни федерации, объединяющей комсомольцев и детей бывших буржуа, ведущих, недавних солдат старого режима... Единому социалистическому Вьетнаму нужен, необходим единий фронт молодежи, единая федерация, и он, ее председатель, отдает этому все силы. Когда вспыхнула новая угроза над родиной, когда правящая верхушка Пекина, пытаясь диктовать его родине политические условия, спровоцировала кровавые конфликты на границе, Винь срочно созвал членов центрального органа федерации, которые выработали резолюцию и призыв к молодежи страны — быть готовой дать отпор провокаторам, защитить завоевания революции. Ударные отряды добровольцев на новых землях. Боеевые отряды ополчения молодежи. В этом и его труд... Не за то гибли его товарищи в непроглядной ночи оккупации США, чтобы сегодня кто-то мог безнаказанно нарушать суверенитет и независимость Вьетнама.

Гибли его товарищи, члены подпольного горкома. Винь был как бы помилован судьбой. Обыскивал его, по-видимому, солдат, сочувствующий борцам за освобождение, ибо все документы при обыске разорвал и выбросил. И сказал командиру роты: Господин лейтенант, разрешите этому парню продолжать учиться — он мой земляк.

А Винь и сам уже понял, что солдат был из Хюэ — по произношению. Только тот Виня знал, а он его — нет.

Я повсюду искал этого солдата и сейчас ищу, но до сих пор безуспешно — с мягкой своей улыбкой признается Винь.

Однако при повторном обыске умелые руки поднаторевших карателей обнаружили в его одежде защитный документ, раскрывавший личность... Пленника сажают в тюрьму. Пытают на допросах.

Так начинался самый страшный и, может быть, самый высокий час его судьбы.

Скажу, что с этой минуты наша беседа пошла трудно. Подумалось: почему бы Виню обо всем последующем не написать раз и навсегда, чтобы снова и снова не рвать себе душу тяжелейшими воспоминаниями, не травить сердце возвратом в мрачное и мукильное прошлое? Почему, в самом деле, занятый и далеко не цветущего здоровья человек, каким является товарищ Ле Куанг Винь, должен повторяться, пересказывать пережитое? Однако вместе с моим собеседником мы приходим к выводу о том, что воспоминания нужны — живые, из первых уст. они — тоже оружие, ибо он, Винь, никогда не был жертвой, он был — бойцом.

Всегда! И перед судом антинародно-

го режима, когда его то льстиво уговаривали, раздавали посулы, то, как оборотни, грозили, грязно оскорбляли. И на самом суде, открытом, показательном, когда творили расправу над ним и еще одиннадцатью подпольщиками Сайгона. И позже...

Всего, таким образом, их было двенадцать — и народ прозвал подсудимых «Отделением Виня». Чего от них добивались? «Скажите плохое о Северном Вьетнаме». Не добились. Они сошлись в решимости превратить судилище над ними в трибунал над преступлениями режима и разоблачили американских оккупантов и их лакеев, защищая честь и авторитет Национального фронта освобождения Южного Вьетнама.

Был объявлен смертный приговор.

Они встретили его лозунгами и песней. Их били, заталкивали в тюремную машину, а они, совсем еще молодые, гордились этим зловещим решением суда — гордились! Хотя и знали: приговор будет исполнен, надеяться не на что.

Однако казнь была заменена Политической каторгой. Причина? Волны протеста в стране и в мире прозвучали грозным предостережением палачам.

— Только после освобождения, которое пришло в семьдесят пятом году, — говорит председатель Федерации молодежи Вьетнама, — я получил возможность ознакомиться с прессой тех лет. Не скрою: читая, я не мог удержать слез.

Классовая солидарность. Интернационализм... Он, бывший узник, сердцем постиг неиссякаемую и необратимую мощь этих понятий.

И когда сегодня он, общественный деятель, принимает зарубежные делегации, когда ведет беседы, сила его убежденности берет за душу, заставляет внутренне подтянуться. От него как бы исходит сама Правда.

Народ боролся за освобождение — и одним из свидетельств накала этой борьбы были тюрьмы, бесконечные тюрьмы, куда власти бросали патриотов-борцов: тюрьмы центральные, провинциальные, уездные, ведомственные... Венцом тюрем старого режима стал остров Пуло-Кондор, страшный застенок средь скал и моря.

— Это было самое тяжелое время для защиты своей идеи, — говорит Винь.

Как рассказать об истязаниях физических и моральных, о голодах, жаре, холодах? Земной ад. Скандал: «Долой коммунистов, долой Хо Ши Мин! — отдача часть их флага, пойдешь в обыкновенную камеру, а если нет — марш в тигровую клетку».

Почти четырнадцать лет побоев. Цепи на руках. Цепи на ногах.

В Хошимине я был на выставочной экспозиции «Преступления американской военщины и ее лакеев», где наряду с различными обвиняющими свидетельствами периода оккупации и марionеточного режима видел модель тигровой клетки. Описывать ее не стану, скажу только, что потолок камеры — решетка. Так вот, на полу в три квадратных метра находилось по 12—14 человек, получавших — на всех! — литр воды в день и горсточку смешанного с грязью риса...

Первый секретарь Хошиминского горкома комсомола, друг и соратник Виня, Нгуен Тьен Чынг провел с ним немало дней в «тигровой клетке». Когда видишь их теперь вместе, рядом, живущих в одном городе, продолжают их в новых условиях делать одно дело — дело революции, невольно заставишь такой дружбе, предпочитаешь наблюдать за ними, а не расспрашивать. Оба шутят, оба улыбаются — и вдруг Чынг говорит:

— Однажды зимой — там, на острове, — я положил Виню на грудь полиэтиленовый мешочек из-под отходов, а Винь был только в трусах, и он сказал: «Ой, как тепло»...

— Ой, как тепло, — повторил Ле Куанг Винь, и оба посмотрели

друг на друга с едва скрытой сердечностью.

Как же им, узникам острова, удалось выдержать, не сломиться, оставаться жизнедеятельными, сильными, добрыми? Для этого это неразрешимый вопрос, ибо есть же пределы человеческой выносливости.

— Нам многие задают этот вопрос: как такое можно было перенести? — говорит Винь. — Но мы получали помощь от товарищей, получали вести с большой земли...

Задумывается. И уже другие объясняют, что смерть и готовность к смерти не считались в «тигровой клетке» доблестью. Моральная победа над палачами, борьба ежеминутная, ежесекундная — вот что было важно, борьба за других, борьба за себя.

Чем больше проводишь времени с Винем и его соратниками, тем глубже понимаешь то, что вначале принял задание, заочно: эти обыкновенные люди — простые сыновья своего народа — люди большие и значительные. Их биографии во многом отвечают на вопрос о стойкости народа сегодня.

Ничего не забыто из прошлого, но они всегда смотрели вперед — и тогда, на острове, и после, и сегодня.

Они начали борьбу с первой минуты каторги, когда не поклонились флагу классового врага, вели ее все годы, истощенные и больные, они нашли в себе остатки сил, чтобы встретить свою свободу.

— Восемнадцать часов 30 апреля 1975 года. Мы получили известие, что Сайгон освобожден... И только в двадцать три часа вырвались из «тигровых клеток», — вспоминает Винь.

Все, кто мог стоять на ногах, поднялись на борьбу. Восстанием заключенных руководил партийный комитет из пяти человек. В освобождении приняли участие и солдаты режима.

— Мы оказывали на них влияние, — поясняет Винь, и это признание выясняет не только его душевные состояния, но и поведение в неволе... Узники овладели положением на острове и, измотанные боем, прошли минное поле, чтобы из бункеров казначейства марionеточного «президента» Тхиуэ взять запасы банкнот, спрятанных от нара.

— В семь часов утра первого мая мы захватили власть над всем островом...

В нашем разговоре наступила пауза, но не отступило напряжение. Винь, будто на втором дыхании, говорит, что юноши и девушки Южного Вьетнама долгие годы мечтали об одном — о свободе и независимости. И что сразу после освобождения возникло желание и необходимость — строить социализм. В 1976 году Федерации молодежи Северного и Южного Вьетнама объединились, и важнейшим положением объединенной Федерации было следующее: Все вьетнамские юноши и девушки, поддерживающие строительство социализма во Вьетнаме, могут стать членами Федерации». Он рассказывает, как все больше и больше молодых людей вступают в ряды Федерации. Что в каждой ее первичной организации есть комсомольская ячейка, говорит о сложных процессах перевоспитания тех, кого надо перевоспитывать, о гуманизме, человечности нового строя, вовлекающего молодежь разных категорий в орбиту строительства новой жизни, социалистического созидания, о защите Отечества...

Если лицо, выражение глаз человека могут быть вдохновенными, то именно такими были лицо и глаза Виня, когда он говорил о работе Федерации среди крестьян, студентов, по месту жительства молодежи; он говорил: «Бывает, на собрание первичной организации приходит вся молодежь населенного пункта!» — и предоставлял уже собеседникам самим оценить этот факт, радуясь растущему влиянию Федерации на молодежь, гордясь этим.

...После освобождения он долго болел, много лечился. Но потом еще больше работал — на ниве народного просвещения, в Федерации молодежи. Стал подумывать и над тем, как построить личную жизнь. И тут в его рассказе рядом с названиями городов Вьетнама появились имена... наших советских городов.

— Представьте, я встретил девушку, которую знал еще в Хюэ. Мы вместе росли. О да! Она закончила у вас в Ростове политехнический, инженер-электротехник...

Он улыбается. Хорошая у него улыбка.

Рассказывает о поездках в СССР, на Кубу.

— Москву называют столицей социализма. Когда так говорят, я всем сердцем понимаю: это правда.

Он вслух размышляет об углубляющихся, нерасторжимых связях дружбы и братства молодого поколения единого Вьетнама с молодежью социалистических стран, всего прогрессивного мира, рассказывает о фестивале молодежи и студентов в Гаване, где делегация его страны получила яркие свидетельства любви и признания посланцев юности всех континентов. Это проявление интернационализма, боевой солидарности придает ему и его товарищам новую энергию, новое воодушевление... Взволнованно продолжает он говорить о Советском Союзе, о том, что город Хошимин стал побратимом нашего Ленинграда, и в этом он видит глубокий символ.

Винь говорит о постоянной и бескорыстной помощи нашей Родины Вьетнаму. Перечисляет факт за фактом и сообщает, что совсем недавно у нас в стране выпущен учебник русского языка для вьетнамских школьников большим тиражом, что это очень важно... Что-то личное прорвалось в этих его словах.

Я потом понял, откуда оно — это личное. Дело в том, что должность председателя молодежной федерации Вьетнама — его общественный пост. А недавно, только что, товарищ Ле Куанг Винь получил назначение на ответственную государственную работу: с новым учебным годом он начальник управления народного образования города Хошимина, огромного, сложного города, бывшего Сайгона, с его тяжелым наследием колониального господства и марionеточного режима... Воспитание молодежи такого города, ее образование — задача большого значения и трудности, и он признается:

— Я люблю свою профессию, профессию учителя. Но на этом посту мне нужно выявить в себе много новых качеств. Ведь в Хошимине тридцать тысяч учителей и один миллион школьников! Все мои мысли о том, как превзойти собственные силы, как вернуть и умножить то, что отняла у меня или хотела отнять каторга. Как быть полезным своей стране, своему народу...

— Вьетнам — это одна страна. Вьетнамы — это один народ. Реки могут высохнуть, горы могут разрушиться, но эта истина не изменится никогда, — говорил президент Хо Ши Мин.

Никогда не гасла надежда у Виня на воссоединение родной земли — и это сбылось. Он полон веры в то, что народ, молодежь его родины победно построят социализм на своей объединенной земле, и это сбудется.

Во имя всего этого он боролся, борется и станет бороться впредь. Несколько месяцев назад у товарища Ле Куанг Виня родился сын. Первенец Ле Куанг Ты Зо. «Ты Зо» — значит «Свобода».

— Да, Свобода! — смеется Винь и поднимается с места, как бы подводя черту всему, о чем велась речь.

Мы прощаемся.

Я видел его только трижды, но помнить и уважать буду всегда.

Владислав ЯНЕЛИС, специальный корреспондент «Смены».

СТРЕЛЫ ОДНОГ

Начиная с июля сообщения о новых провокациях со стороны китайских и камбоджийских властей не сходили с полос вьетнамских газет. Корреспонденты некоторых иностранных агентств в СРВ сообщали в редакции о растущем накале обстановки на юге и на севере республики, прозрачно намекая на близость событий, которые внесут хаос и посют панику в стране. По мнению специалистов, именно на это рассчитывали и в Пекине: поставленный перед военной угрозой Вьетнам не сможет предотвратить развала в экономике страны, а это вызовет недовольство среди населения и таким образом ослабит страну изнутри. Расчеты не оправдались.

На запугивания Пекина, враждебные действия камбоджийской военщины, подстрекаемой китайской вертухой, вьетнамский народ ответил сплочением своих рядов вокруг коммунистической партии, организованностью, мобилизацией всех сил и резервов, ударным трудом во всех отраслях хозяйства. Вполне естественно, были приняты необходимые меры для укрепления границы, ибо провокации продолжались.

Север: провинция Куангнинь

Рассказ заместителя командира пограничных частей провинции майора ЛЕ СУАН ТЬЮ:

— В общей сложности длина морской и сухопутной границ нашей провинции с Китаем около 350 километров. На протяжении многих лет—до недавнего времени—у жителей приграничных районов Китая и Вьетнама существовали нормальные, даже дружеские отношения. Мы не возражали против того, чтобы они навещали друг друга в праздники, обменивались товарами и сельскохозяйственными продуктами. Многие китайские крестьяне пасли на нашей территории скот, залагивали землю, собирали дрова. Провокации начались вскоре после нашей победы над американцами и войсками марионеточного режима Сайгона. Предварительно китайские руководители эвакуировали в глубь страны большую часть своего населения приграничных районов, так как оно было настроено дружественно по отношению к Вьетнаму и не хотело принимать участия в провокациях.

На ряде участков китайские солдаты перешли границу и пытались закрепиться на нашей земле. Ими была захвачена отмель Тукла, несколько километров приграничной территории, принадлежащей Вьетнаму. С 29 апреля по 1 мая 1977

года тысячи вооруженных китайцев старались вызвать нас на столкновение, нападали на наших пограничников. В марте 1978 года началась провокационная кампания по переселению лиц китайской национальности, инспирированная для того, чтобы еще больше накалить пограничную обстановку.

12 июля китайские власти, обвинив вьетнамскую сторону в несоблюдении каких-то формальностей, закрыли границу и прекратили пропускать лиц китайской национальности через КПП на мосту Баклуан. Сотни китайцев скопились на самом мосту и в его окрестностях. Без крова, без запаса продуктов, без медикаментов, они ждали, когда будет открыт шлагбаум. А он все не открывался. Среди людей, обманутых посылами, запущенными своими же соотечественниками, что их ждет расправа, если они вернутся в свои дома, начались болезни, голод. Воспользовавшись этим, китайские военные стали призывать их к беспорядкам, обещая им, что, как только они расправятся с вьетнамскими пограничниками, проход через мост будет открыт.

В комнату входят четверо в военной форме, с пограничными эмблемами на шлемах. Один из них неумело скрывает свою хромоту. Знакомимся. Командир роты Данг Суан Ху, младший лейтенант Мань Суан Нгуен, бойцы Буй Ван Хунг и Чан Ван Тху. Четверо из тридцати оказавшихся в то утро на мосту, давших отпор нескольким сотням разбушевавшихся хулиганов и провокаторов. Они не покинули свой пост, хотя 20 из них были ранены (восемь тяжело) и буквально истекали кровью. Но ни один не применил оружия, несмотря на то, что разогнавшихся бандитов можно было одной очередью из автомата.

О том, что произошло на мосту Баклуан в то утро, рассказывал мне Данг Суан Ху. Он вместе с врачом, двумя медицинскими сестрами и некоторыми пограничниками начал ежедневный обход участка и постепенно приближался к мосту. Пограничники раздавали рис и медикаменты китайским женщинам и детям. Внезапно они полетели камни. Один из них ударил командира роты в плечо. Стиснув зубы от боли, Ху продолжал идти к белой пограничной черте. Дорогу им преградили два десятка вооруженных тесаками и палками китайцев; среди них несколько провокаторов.

— Рядитесь, иначе зачинщики понесут ответственность по вьетнамским законам,—предупредил офицер и шагнул прямо на размахивающих палками китайцев. Стена перед пограничниками расступилась, их решительность и бесстрашие действовали отрезвляющие на распоясавшихся хулиганов. Медицинские работники продолжали осмотр больных. Внезапно кто-то из китайских пограничников, наблюдавших за ходом событий из-за белой линии, крикнул: «Начинайте, ну что же вы, пора!» А другой добавил: «Расправьтесь с ними, граница для вас открыта». Затем несколько китайцев в военной форме демонстративно перешагнули белую черту на мосту. Это послужило сигналом к дальнейшему. На спину одной из медицинских сестер, дававших лекарство больному ребёнку, обрушился удар палкой, двое набросились на Ху, стремясь его обезоружить, камень ударил в голову бойца, шедшего за командиром роты. Сбросив с себя напада-

ГОТОВНОСТЬ! ГОТОВНОСТЬ! ГОТОВНОСТЬ!

ющих, Ху приказал бойцам образовать круг и в центре его оставаться врачу и девушкам.

— Когда собравшиеся на мосту лица китайской национальности от слов перешли к действиям,—рассказывает Данг Суан Ху,—мы были вынуждены защищаться, хотя до последней возможности старались предотвратить столкновение.

У них не было ничего в руках. Но их многочисленные враги просчитались, надеясь быстро расправиться с пограничниками. Каждый из бойцов в совершенстве владел приемами боевого самбо и каратэ. Противники скоро это поняли, и в пограничников опять полетели камни. А они продолжали отбиваться голыми руками, заслоняя собой девушек из медицинского отряда. Но хулиганов было много, больше чем по десять на каждого бойца. В какой-то момент Ху почувствовал, как холодное лезвие ножа вонзилось ему в ногу. Он не подал виду. Рядом с ним отбивался от нескольких бандитов Буй Ван Хунг. Обезоружив одного из главарей, он сбил его с ног. Троє скрчались и отползли в сторону от ударов Чан Ван Тху. никто из бойцов не струсил, никто не нарушил призыва своего командира и не применил огнестрельного оружия. Хотя уже дважды был ранен ножом в бок Хунг, кровь заливалась лицо командира роты... Были ранены медицинские сестры Ву Тхи Шинь и Нгуен Тхи Минь, мне так и не удалось их повидать, обе еще были в госпитале.

Тридцать против трехсот. Они выстояли, проявив подлинное мужество. Те четверо, с которыми познакомил нас майор, уже вернулись в строй, продолжают нести службу. Они даже отказались от отпуска, который был им предоставлен после госпиталя: не хотели покидать границу в тяжелый период. Все четверо — комсомольцы, в прошлом — крестьяне, рыбаки. У 26-летнего Данг Суан Ху родители живут в этой же провинции, выращивают рис, но он едва ли раз в год навещает их: не хватает времени,

все отнимает граница. Даже сейчас, когда Ху еще полностью не оправился от ранения, он почти каждое утро обходит свой участок. Знает на нем каждый куст, каждый поворот реки, каждый валун. Он сухощав, смугл, подтянут, спокойное, даже какое-то торжественное лицо.

— Ху, — спрашивала у него, — кем ты хотел быть в детстве?

— Солдатом. Моя родина сражалась с американскими агрессорами, и я мечтал встать в ряды борцов за независимость своего народа. Мой отец принимал участие в борьбе против французских колонизаторов. Он часто говорил мне: «Ху, всякая работа важна, но когда твоя страна в опасности, место каждого честного вьетнамца в рядах бойцов. Наш народ всегда был силен своим единством. Мы как стрелы одного колчана, которые можно сломать только по одной, но никогда все сразу». Он простой крестьянин, мечтавший после победы спокойно трудиться на своем поле, видеть своих детей счастливыми и свободными. И мы должны сделать все, чтобы отстоять мир и покой родины. Поэтому я стал солдатом.

Мы видели оружие, отобранное у провокаторов на мосту Баклуан, и тех, кто пошел за ними, — заточенные палки, ножи, тесаки. Оружие, обращенное против тех, кого еще не-так давно люди, живущие по ту сторону границы, называли братьями, против тех, чья «вина» только в том, что они отстаивают свое право на независимость, только в том, что они не приемлют антисоветский курс пекинских руководителей, только в том, что они патриоты своей родины.

— У каждого в жизни есть идеал, Ху. На кого ты хотел бы быть похожим?

— Так же, как советская молодежь берет пример со своих героев, мы стремимся жить и бороться так, как жили и боролись герой Вьетнама. Я солдат, и мне ближе те, кто совершил подвиги с оружием в руках. Такие, как Ле Тхань Дао, сбивший в годы войны с американцами б «phantom», герой-зенитчик Нгуен Вьет Суан, Чинь То Там, легендарный командир отряда, действовавшего в провинции Дананг. Бесстрашие этого человека, лично уничтожившего несколько сотен солдат и офицеров противника, стало мерилом военного мастерства, беззаветного служения своему народу.

(Через несколько дней мне довелось встретиться с майором Чинь То Тамом и передать ему разговор с Данг Суан Ху. «Наш народ невозможен сломить уже только потому, что миллионы его сыновей думают так же, как Ху, как его товарищи, и в любую минуту готовы доказать это на деле», — ответил мне тогда Чинь То Там.)

На обратном пути мы на несколько минут задержались на берегу в ожидании парома. Сильнейший ливень загнал нас в машину, хотя очень хотелось еще раз полюбоваться необыкновенной красоты заливом. И только мальчишки, которые, наверное, одинаковы в любой точке земного шара, пресколько разгуливали под дождем, занимаясь своими делами: ловили рыбу, перебирали раковины и играли в непонятную, но, видимо, очень интересную игру, напоминающую русского «чика».

Их лица посерезнели только на одно мгновение, когда мимо промчались военные машины, в кузове которых ехали бойцы. Машины направлялись в сторону границы...

Юг: провинция Тайнинь

Рассказ председателя исполнительного совета товарища ШАО ТЫОНА.

Правильность и справедливость границы, разделяющей Вьетнам и Камбоджу, неоднократно подтверждалась главами обоих государств и не вызывали сомнений до тех пор, пока не без помощи Китая были сфабрикованы документы, из которых следовало, что граница должна проходить несколько восточнее нынешней. Это послужило предлогом для правителей Камбоджи, вошедших в союз с Пекином, начать военные провокации на всем протяжении границы. До последней минуты мы не хотели верить, что Камбоджа, с которой нас связывала общая борьба с американскими агрессорами и их лакеями из Сайгона, посягает на мир и покой наших сел. Мир был необходим не только нам, миллионы простых крестьян Камбоджи хотели того же. Но их добрая воля не остановила агрессоров.

С июня по декабрь 1975 года камбоджийские солдаты 17 раз нападали на мирных жителей пограничных уездов, зверски расправляясь с теми, кто не успел скрыться в лесах, угоняли деревенский скот, сжигали дома. Вооруженные вторжения продолжались в 1976 и 1977 годах, перерастая в жестокие схватки. Правительство Вьетнама было вынуждено подтянуть к границе армейские соединения, превратить мирные села в опорные пункты обороны. Но налеты камбоджийских захватчиков продолжались.

Скрыто, в основном ночью, они прибирались в глубь нашей территории и, не осмеливаясь приближаться к пограничным заслонам, нападали на мирные поселения, с изувечкой жестокостью расправляясь с женщинами, детьми, стариками. В результате погибали и оставались калеками тысячи

орудий, повернутых на запад. Отличная маскировка! Артиллеристы предупреждают: дальше лучше идти пешком, на машине опасно. Утром батарея подавила две огневые точки противника, корректировщики передали, что ни один снаряд не пропал зря. Возле лафета горкой лежат закопченные гильзы. Командир расчета 85-миллиметрового орудия сержант Ву Тхань Кань замечает мой взгляд. Кивает на гильзы.

— У нас нет иного выхода, кроме как поговорить с врагами на их языке. Голос этой штуки,— он кладет руку на орудийный затвор,— для них убедительнее, чем здравый смысл.

Кань умолкает, присаживается на пустой снарядный ящик. Потом снимает каску, вытирает мокрый лоб.

— У меня есть товарищ на соседней батарее. Его десятилетнюю сестру камбоджийские солдаты сожгли на костре. Когда он узнал об этом, у него посыпали виски и он три дня не мог произнести ни слова. Он очень любил ее и даже в армии мастерил для нее игрушки из глины... Есть хоть один человек на свете, который может ответить, в чём она была виновата в свои десять лет?

Мы идем по дороге, помеченной на карте номером 13, мимо заболоченных, покинутых людьми рисовых полей. Каждый шаг взметает над дорогой красноватое облачко пыли.

Тончайшим налетом она покрывает нашу одежду, садится на лица, лезет в глаза. Откуда-то справа, из глубины джунглей, до нас доносится протяжный артиллерийский гул, рев двигателей. Нас обгоняют несколько бронетранспортеров. Из одного высывается боевец, улыбается, что-то кричит, поднимает над головой скатый кулак: жест, понятный без слов, ставший интернациональным девизом всех борцов за свободу и независимость: «Они не пройдут!»

Дорога № 13 тянется дальше, обрываясь на горизонте зарослями джунглей, а мы сворачиваем налево, к видневшимся вдали развалинам какого-то здания. Где-то там, за искромсаными, с корнями вывороченными из земли

полевой телефон, вдоль стен жесткие солдатские нары, покрытые циновками, кое-где над ними висят оружие. Двое или трое бойцов спят, отвернувшись к стене.

Дожидаюсь командира, пью с дежурным сержантом крепкий, пахучий зеленый чай из закопченного до черноты чайника с зазубренным носом. Сержант улыбается, похлопывает чайник по крыше.

— Он вместе с нами все бои прошел, тоже вот ранен был, еще в ноябре прошлого года... Давно уж новый выдали, а мы привыкли к этому, жалко выбрасывать.

— А что было тогда, в ноябре?

— Что было... Об этом пусть лучше командир расскажет...

Рассказ младшего лейтенанта пограничных войск ДО ВАН ФУКА:

— Наша застава, вернее, то, что от нее осталось после тех боев, находится неподалеку отсюда. Вокруг густые заросли травы, такие, что в них может спокойно спрятаться человек и в пяти шагах его трудно будет заметить. До того времени, то есть до середины ноября прошлого года, бойцы нашей заставы неоднократно принимали участие в перестрелках с группами камбоджийских солдат, уничтожали и вылавливали диверсантов — словом, застава была начеку.

В ночь с 16 на 17 ноября 1977 года противник, сосредоточив на этом участке границы крупные силы, атаковал заставу с трех сторон. В первые же минуты боя был убит начальник заставы, а с ним еще несколько бойцов. Мы разбились на группы и заняли круговую оборону. Очередная атака камбоджийцев сменилась минометным обстрелом. В течение первой ночи атаки повторялись раз пять или шесть. Нас было на заставе несколько десятков человек, камбоджийцев в десять раз больше. Они обошли заставу, но были остановлены частями регулярной армии, а мы оставались в их тылу и своим огнем мешали противнику перегруппировывать силы.

На следующий день их атаки на заставу возобновились. В некоторых местах камбоджийским солдатам удавалось приблизиться на тридцать метров к нашим окопам, но преодолеть этот рубеж они не могли. На второй день геройски погиб любимец заставы сержант Ха Ван Хау. Почти 6 часов он сражался, будучи уже раненным, стреляя одной рукой. Пуля попала ему в голову в тот момент, когда он перезаряжал гранатомет. Он был прекрасным товарищем, отличным солдатом, пламенным комсомольцем. Накануне этого боя он подал заявление в партию.

Смертью героя пал в бою и комсомолец старший боец Динь Конг Фу. Его позиция была чуть в стороне от основных окопов. Когда камбоджийцы окружили Фу, он встал во весь рост и, раненный, продолжал стрелять по врагам в упор.

Через три дня у нас кончились продукты, не хватало медикаментов, воды. Особенно тяжело переносили жажду раненые. Они лежали на дне окопов (здание заставы было уже разрушено), многие, бредили. И камбоджийцы метили гранатами именно туда, откуда раздавались стоны раненых. Мы продолжали сражаться, веря, что скоро придут наши. Так было семь дней и ночей. К исходу седьмого дня две трети бойцов заставы были убиты или ранены. Но остальные сражались. Мы не отдали врагам ни одного окопа... А потом пришло подкрепление, и камбоджийцы были изгнаны с нашей земли. Каждый боец заставы проявил тогда подлинный героизм. Вот хотя бы Хунг...

Младший лейтенант кладет руку на плечо сидящего рядом круглоголового сержанта.

— На его личном счету десять неприятелей. Так, Хунг? Тот кивает.

— Расскажи, как тебя контузило, Хунг. Вернее, что было, когда ты пришел в себя.

Хунг откашливается, долго разминает пальцами сигарету. Чувствуется, что говорить ему трудно.

Контузило Хунга в первый же день. Он перебегал из одного окопа в другой, когда рядом с ним разорвался снаряд. В сознание он пришел через полчаса. И вовремя. Открыл глаза и увидел в тридцати метрах от себя нескольких вражеских солдат, которые, наверное, приняли его за убитого. Хунг потихоньку поднялся к себе автомат и первой же очередью уложил троих, а потом добился наконец до своего окопа. Семь дней он, не смыкая глаз, провел в нем вместе с тремя бойцами, отбивая атаки врагов. На восьмые сутки он вылез из окопа, волоча за собой раненного товарища (две других погибли еще несколько дней назад). Глаза у Хунга покраснели от бессонницы, потрескавшиеся от жажды губы кровоточили...

За те ноябрьские бои он был награжден орденом «За боевые заслуги» III степени. Награды были удостоены почти все бойцы заставы, а сама застава была представлена к ордену «За боевые заслуги» I степени.

Вместе с младшим лейтенантом и Хунгом идем на место того боя, к чернеющим руинам здания на краю поля. Идем мимо воронок, перепрыгивая через перечертывшие поле вдоль и поперек окопы, грудыбитого, покерневшего, оплавленного кирпича. Я пытаюсь вспомнить, где я видел и чувствовал то, что испытываю сейчас, на этом поле с пластины, выжженными снарядами в густой траве, с висящими над ним стойким запахом пороховой гари. Это было в Брестской крепости. Подвиг ее защитников потряс миллионы людских сердец. Было что-то общее между тем, что свершили три с половиной десятилетия назад герои пограничной крепости на западе Белоруссии, и тем, что произошло здесь, на границе одной из южных провинций Вьетнама. Это общее — в нескорумости человеческого духа, сознание долга перед своим народом, в ратном умении людей, убежденных в правоте дела, за которое они сражаются.

Сюда когда-нибудь еще придет те, кому дорога боевая история народа, и над зеленеющими полями встанет памятник героям-пограничникам. Встанет обязательно: не может народ жить без памяти, как не может не родить эта земля, возделанная руками вьетнамского крестьянина. Но для этого нужен мир. Так мало. И так много. Мир и покой. Самое драгоценное из всех ценностей на свете. Все остальное народ создаст сам, своими руками. И свое будущее тоже.

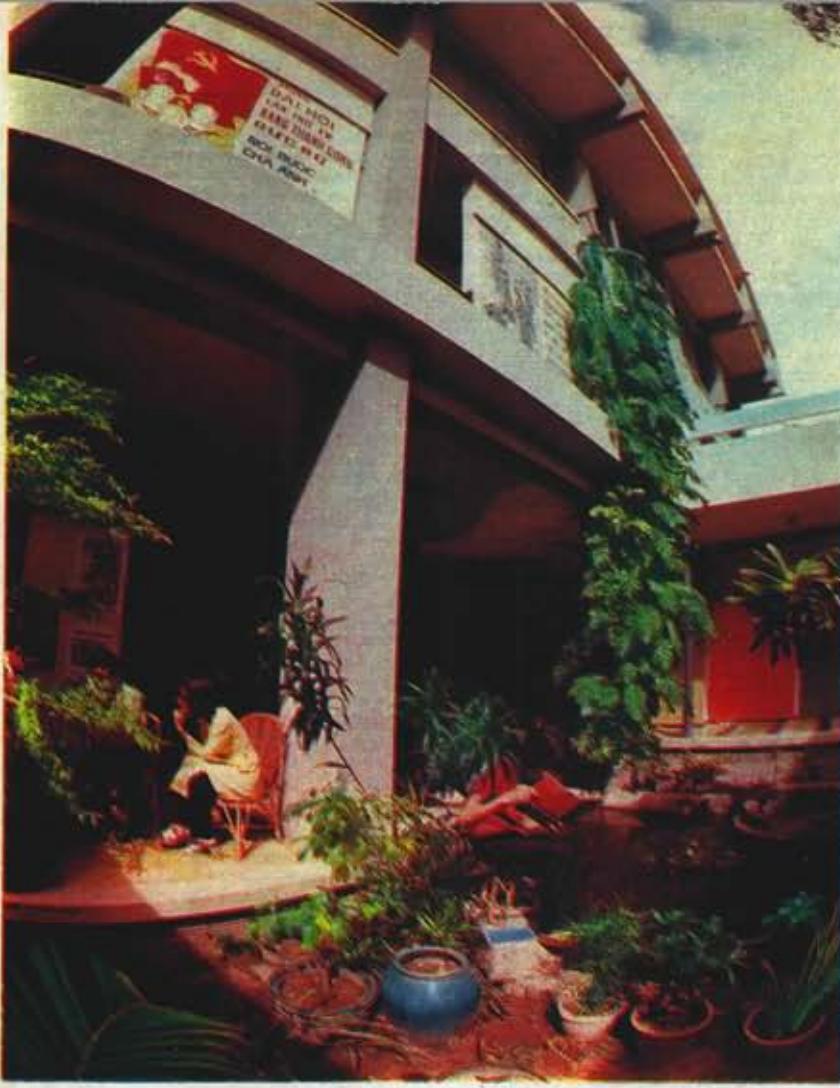

УЧАСТИК СОБЫТИЙ НА МОСТУ БАКЛУАН.

деревьями, опорный пункт одного из пограничных отрядов, о геройских действиях которого мне кое-что уже рассказывали в пути. Совсем недавно здесь шли бои, об этом свидетельствуют свежие, краснеющие глиной воронки, звенящие под ногами автоматные гильзы, черные осколочные отметины на стволах уцелевших деревьев.

Высокий земляной вал, склон которого утыкан острыми бамбуковыми стrelами. С внешней стороны вала — ров, наполненный водой. Это первая линия обороны, возведенная ополченцами, бойцами ударных отрядов, крестьянами. Каждый мужчина из деревни знает свое место на вале в случае подхода врага. Отряды камбоджийских войск были выбиты отсюда с большими для них потерями. Но противник не успокоился, он еще кое-где пытается атаковать. Что же, всюду его ждет решительный отпор.

Останавливаемся возле позиций артиллерийской батареи. С десяти шагов едва удается разглядеть стволы

ХОШИМИН. ДОМ МОЛОДЕЖИ.

— Второй год занимаюсь я в кружке русского языка,—говорит будущий инженер-строитель Мина Как.—Надеюсь в скором времени не только читать в оригинале Толстого и Достоевского, которых очень люблю, но и свободно общаться с советскими специалистами.

— Занятия в кружке научно-технического творчества помогают мне повысить свою квалификацию, лучше узнать возможности моей профессии,—утверждает слесарь железнодорожной станции Хошимин Во Тхи Чонг.—Именно здесь у меня возникла идея новой технологии ремонта бускса, и она уже успешно внедрена в нашем депо.

— Я готова танцевать с утра до вечера,—смущенно признается семиклассница Тхи Зионг, самая юная артистка ансамбля народного танца.

В Центральном Доме молодежи города Хошимина работает около пятидесяти кружков и спортивных секций. Они объединены в три больших отдела: науки и техники, культуры и спорта, идеально-политического воспитания. Всей работой отделов руководят общественные советы. На общественных началах работают и руководители различных кружков и тренеры. Актив Дома молодежи насчитывает свыше двух тысяч молодых рабочих, студентов, школьников. Но постоянных посетителей здесь раз в десять больше.

— Только в клубе «Красных следопытов» активно работают свыше пяти тысяч школьников,—говорит член общественного совета клуба учительница Ким Ван.—Они собирают материалы и документы о пионерах и комсомольцах, погибших за освобождение и объединение страны. Создан музей революционных традиций вьетнамской молодежи, частью которого стала и восстановленная теперь «Боевая база молодежи Сайгона» (в шестидастах километрах от Сайгона подпольный горком комсомола устроил в джунглях лагерь, где готовились боевые отряды Сопротивления, печатались листовки, устраивались комсомольские конференции), обнаруженная и разгромленная американцами незадолго до победы.

Уже на второй день после освобождения Сайгона горком комсомола принял

Анатолий МАКСИМОВ

СОЛНЕЧНЫЙ ДОМ

УРОК РУССКОГО ЯЗЫКА.

решение о создании Центрального Дома молодежи, ставшего центром политической, культурной и спортивной жизни. Базой для ЦДМ стал бывший клуб, построенный американцами для развлечения и пропагандистской обработки южновьетнамских студентов и школьников. Заправляли клубом американские инструкторы, но подпольный горком комсомола считал необходимым вести и здесь свою работу. По его заданию молодые революционеры действовали во всех секциях клуба, распространяли листовки, создавали группы Сопротивления.

— Многие из подпольщиков, действовавшие здесь при американцах, и сейчас

продолжают свою воспитательную и политическую работу. Теперь уже открыто,—рассказывает директор ЦДМ, философ, композитор и поэт Нгуен Вань Шань.—Они руководят агитбригадами и театрами рабочей молодежи, читают лекции и ведут семинарские занятия по проблемам внутренней и внешней политики, истории партии и международного коммунистического движения.

Сам Нгуен Вань Шань тоже по заданию подпольного горкома комсомола долгое время вел нелегальную работу с посетителями созданного американцами молодежного клуба. Его песни протеста были широко распространены не только среди молодежи—их пели бастовавшие рабочие и бойцы армии Освобождения. Но автора этих песен знали только самые близкие друзья.

В начале семидесятых годов Шань написал «Песню о любви». В ней говорилось о кровных связях населения севера и юга страны, желании навсегда соединиться. Песня стала своеобразным гимном, ее передавала в эфир радиостанция «Освобождение», распространяли как листовку на территории, занятой американцами. Однажды в клубе к Шаню подошел музыкальный редактор марионеточной радиостанции. «Мне пришла в голову неплохая идея,—шепнул потихоньку он.—Я сопоставил несколько твоих произведений и теперь догадываюсь, кто автор «Песни о любви». Наверно, найдется немало желающих хорошо заплатить за такую додадку».

Выпускника философского факультета Нгуен Вань Шана знали как поэта и композитора, активного посетителя американского клуба молодежи. Но здесь даже не подозревали, что он коммунист, автор известных песен протеста. Догадка музыкального редактора-марионетки могла дорого стоить Шаню, и подпольщики решили тайно перевезти его в освобожденные районы. Там он уже мог не скрывать своего авторства. Но оружием его стали не только песни. С автоматом в руках Шань прошел по многим военным дорогам и

вернулся в Сайгон в числе первых воинов-освободителей. И его сразу же направили работать по старому адресу—в Дом молодежи.

— Не один год американские агрессоры и их сайгонские марионетки разворачивали молодежь, восхваляли власть силы и денег, насаждали бездуховность,—говорит Шань.—Перевоспитать человека в один день невозможно. Мы в общем-то и не форсируем этот процесс, ведем планомерную и последовательную работу в этом направлении. И с каждым днем к нам приходит все больше и больше молодых людей—уже этот факт свидетельствует о том, что популярность Дома молодежи постоянно растет. Он называется Центральным, а многие наши посетители считают его центром города Хошимина.

БАНГ ВИЕТ

Разговор с родным городом

Город жизни,
город детства
и надежд моих звезд.
«Мы с тобою однолетки!»—
ты восхлинула, когда
в платье цвета абрикоса
побежала по траве.
Запах лотосов цветущих
поднимался к синеве.

Нет. Не в тесной комнатушке,
где жила моя семья,
под прохладной сенью мита
подрастали ты и я.
Вместе делали уроки,
верили в мечту и свет.
Как недавно это было,
а прошло ведь двадцать лет.

Сколько раз стубить пытались
нас и пуля и беда,
сколько раз, уж и не помню,
возвращался я сюда.
Я женат.

Ты вышла замуж. У тебя уже семья.
Под прохладной сенью мита

не сойдемся ты и я.
Но, как прежде, звезды

детства
нам мерцают в вышине.

И, как прежде, город детства
обещает счастье мне.

Помнишь, озеро святое
Возвращенного меча
бушевало в непогоду

и ревело грохоча.
И со дна его струился
вверх

тысячелетний пах.

И мы видели с тобою
знаменитых черепах,
тех, которые лишь в бурю
поднимаются со дна
и чей возраст точный знает
лишь история одна.

Через грохот дней военных,
через смерть—не наугад—
к этим дамбам,
к этим стенам
мы не все пришли назад.

И на улицах, как прежде,
так же много юных пар,
так же пахнет свежий лотос,
так же молод старый парк.
Так же юркая девочка,
выбегая на траву:
«Мы с тобою однолетки!»—
воскликнула в синеве.

Вечер в Тамкуане

Шелеста пальм я не слышу,
не вижу их зелени яркой.
Рынок разрушен,
весел городвой разворочен.
Глухо мыча и дыша равномерно и жарко,
медленно буйволы ходят,
оглохшие с прошлых бомбек.
Город рождается вновь,
возникает в тебе постепенно.
Эти кусты, словно дети,
выходят к тебе из тумана.
Это журчанье каналов,
плесканье,
речь девчат-ополченок—
все это голос любимого мной Тамкуана.

«Надежд моих звезды...»

Вьетнам... Не раз все честные люди мира произносили имя этой страны с тревогой и любью. Но была еще интонация надежды. Она питалась гордым, кепоколебанным желанием вьетнамского народа победить. И Вьетнам победил. И Вьетнам победил окончательно.

Горькая память войны, но и радость завоеванной свободы, красота обновления, счастье созидания — вот, пожалуй, главные тона современной вьетнамской поэзии. Пoэты, с которыми вам, читатели, предстоит познакомиться, молоды. Различны их поэтические голоса, но в одном едины: творчество их глубоко гражданско.

Зиен Минь Туен воевал не только винтовкой, но и пером. Его первые стихи выпустило издательство «Зай Фаунг» («Освобождение»), во время войны работавшее в джунглях. Чан Мань Хао и Фам Тиен Зуат — тоже солдаты антикапиталистического сопротивления. Каждый из них — автор уже не одного сборника, а самый юный из поэтов — Чан Данг Кхоя — родился в 1958 году, первые его стихи появились в печати, когда юному поэту было всего семь лет. Банг Виет — один из самых популярных поэтов Вьетнама. Он учился в Советском Союзе, хорошо знает русский язык и литературу. Стихи Банга Виета неоднократно переводились в СССР, а сам поэт недавно завершил работу над переводом романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

В творчестве вьетнамских поэтесс темы, о которых уже говорилось, вовсе не привлекены «женской мягкостью» пера. Ну, может быть, чуть больше лирики... Лам Тхи Ми За, И Ни еще молоды, еще только входят в литературу. Фан Тхи Тхань Нян — поэтесса «с именем», член правления Ханойского отделения литературы и искусства Вьетнама.

Молодым вьетнамским поэтам предстоит выполнить прекрасную творческую задачу — стихами воспеть новый день своей воссоединенной родины.

Инесса ЗИМОНИНА,
консультант по литературе Вьетнама
Союза писателей СССР

ФАН ТХИ ТХАНЬ НЯН

Родные деревни

Снова мне душу волнуют
мерцанье быоя,
мирный дымок очага
и лимона густое цветенье.
Словно и не было
бомб сумасшедшего воя,
пруд фиолетов
в цветах гималайской сирени.
Руки крестьянина
пахнут травой и соломой,
так же рассыпчаты, сладки
клубни батата.

Засухой и наводнением
народ мой не сломлен,
той же заботой о людях
деревня богата.
Шепчется рыба у дамб,
шелестят молодые бамбуки,
вновь гомонят малыши.
Снова в сердце воскресли
самые мирные в мире,
такие прекрасные звуки,
словно слова колыбельные
маминой песни.

ФАМ ТИЕН ЗУАТ

Помню о хоре

Ты похвалила голос мой.
Но знай, что в радости и горе
я леть предпочитаю в хоре,
а не наедине с собой.

О, песня общая мудра,
мне с ней и радостно и больно.
Так в джунглях вольные ветра
в хоры сливаются невольно.

Пусть песня, как костер, горит,
идет мелодия по кругу,
соединяют такт и ритм
сердца, открытые друг другу.

Они сейчас — одна семья,
как ветры или волны в море.
Наедине фальшивлю я,
но не сфальшивлю в общем хоре.

Так сыплет на земную грудь —
соединенно — дождь целебный.
Так в синей глубине Вселенной
мерцает хором Млечный Путь.

Так колос рисовый поет,
другой поддерживая колос.
Так в ряд бойцов мой скромный голос,
как равный с равными, встает.

Сожмется сердце, трепеща,
и за просторы ветровые
уходят песни фронтовые.
Как мы их пели сообща!

Я выжил, я не пал в бою.
но, павших братьев вспоминая,
я не один пою, родная,
когда один тебе пою.

ЗИЕП МИНЬ ТУЕН

Встреча с другом в аэропорту Таншоннят

Хошимин — Ханой — дорога
в пару тысяч километров.
Утром вылетел,
а в полдень я уже встречаю друга.
И сегодня наша дружба
много раз быстрее ветра,
и встречаются в похажье
руки Севера и Юга.
По три месяца ходил я
по дороге Чыонгшона,
что ни шаг: обрыв или круча,
взрывы бомбы или мины.
Четверть года добирался

я недавно до Сайгона,
четверть года я упрямо
шел «тропою Хо Ши Мина».
Мы не видели друг друга,
но давно друзья и братья.
Утром — холодно в Заляме,
в полдень — жарко в Таншонняте.
Так снимай пиджак, товарищ,
раскрывай свои объятья.
«Север, Юг, — гласит наш лозунг, —
лишь отжившие понятия!»
Навсегда они едины
по заветам Хо Ши Мина!»

ЧАН МАНЬ ХАО

Тайнинь в эту пору

В джунглях тысячи пиявок
появились спозаранку.
Дует ветер с океана
от Таньбена до Чангбанга.
Вновь ручьи набухли. Лето.
У солдат спокойны лица.
Много дальше взмаха ветра
вдоль реки бежит граница.
То, что в джунглях люди жили,
рис растили в этих топях,
словно трудовые жилы,
подтверждают в джунглях тропы.
Пахнут рисовой соломой
месяц в небе, час заката.
Доброй веточкой из дома

честно делятся солдаты.
Снова кто-то смотрит косо
сквозь прицел на нашу землю,
и опять не спит винтовка,
и опять курок не дремлет.
И врагу опять приснилось,
будто сила выше права.
Снова злоба подтвердилась
в зверских выстрелах, в Лонгхао.
Все, что мы вернули с боем:
наши джунгли,
наши реки —
охраняют наши парни
и отныне
и навеки.

И НИ

Заря в незнакомом городе

Ни дождей, ни ураганов, ни бушующей воды,
в небе, словно на картине,
тихо дремлют облака.
Только красная дорога разбежалась, далека,
будто этот странный город никогда
не знал беды.
Город, столько раз воспетый песней звонкой
и стихом,
где тяжелые машины
целый день гудят, пыля,
где заботой и работой дышит красная земля —
этот город незнакомый
мне давно в мечтах знаком.
Здесь забота и работа от зари и до зари.
Гордо носит экскаватор пламя красного флагжа.
Здесь строительные краны мне кивают свысока
и весело гурьбою мне мигают фонари.
Здесь улиц нет названий, у домов нет номеров,
здесь деревья молодые, словно зонтики в руке.
Отражается в спокойной и медлительной реке
город каменщиков, город майяров и шоферов.
Наконец-то, наконец-то я увидела сама:
трубы нового завода, их высокие дымы.
Механической лопатой срыты древние холмы,
среди хижин из бамбука — современные дома.
Я вливаясь в красный город, как ручей издалека.
Я иду со всеми вместе, общим воздухом дыша,
ветром, словно парус джонки, наполняется душа.
Наша красная дорога нас качает, как река.

ЛАМ ТХИ МИ ЗА

Сказки моей родины

Их мне пальмы шуршали,
их пела река.
Форма их совершенна,
а мысли глубока.
Их мораль человечна:
будь честен и прост,
за свободу
в бою не жалей живота.
Если любишь —
найдешь и за тысячи верст,
будешь добрым — вернется к тебе доброта.
В ливнях,
в лютой жаре,
в темных джунглях глухих,
разрывая столетий кольцо,
проявилось в преданиях предков моих
благородное и молодое лицо.
Вот бетель и орех, их родила земля.
И любовью наполнен бетель
и трудом.
Сказки шепчут,
ленивому скучность суща,
работающему — рис, сад цветущий и дом.
Что бы там ни случилось
со мной впереди
на крутой и опасной дороге земной,
сказки родины совесть пробудят в груди
и логический ум озарят новизной.

Перевел с вьетнамского
Владимир КОСТРОВ.

ЗОЛОТОЙ КОЛОКОЛ

Мы шли по оживленным улицам Ханоя. Ны Куинь старалась скрыть лицо полами широкой шляпы, но ее узнавали все прохожие. Она отвечала на бесчисленные приветствия и как-то смущенно улыбалась.

— Вас смущает слава?

— О нет,— быстро ответила актриса, как будто давно ждала этого вопроса.— Меня тревожит то, что следует за известностью,— ответственность. Ответственность перед зрителем. Мне не хочется появляться перед ним в знакомом обличье мечущейся девчонки, хочется сыграть роль сильной, уверенной в себе женщины. Пока такой роли в сценариях не нахожу, поэтому и не снимаюсь уже два года. Работаю по-прежнему в своем родном театре «Золотой колокол».

Куинь еще не было четырнадцати лет, когда она поступила в школу при Государственном оперном театре, где работали ее родители— известные вьетнамские актеры Ким Суан и Нгуен Ван Лок.

У вьетнамского народного театра давние традиции. Чувства героя выражают не только слово и интонация, но и движение руки, поворот тела— фигура. Чтобы научиться этому, требуются порой десятилетия. Куинь освоила эти фигуры с детства, и учиться в школе ей было легче, чем многим другим. Через четыре года Куинь доверили сыграть главную роль в поэме «Кьеу». Эта роль и стала ее выпускным экзаменом в театральной школе.

— Теперь я знаю, кому передать свои роли,— сказала Ким Суан, обнимая дочь.

Но Куинь вовсе не мечтала играть на главной сцене страны, ее больше привлекал молодежный театр, созданный режиссером Туаном Шиу. «Золотой колокол» гремел, каждый его спектакль становился событием в театральной жизни Ханоя. Успех работам Шиу и его единомышленников принесли новаторство, режиссерская смелость, позволившие сплавить единого достижения традиционного театра и реалистической драматургии. Куинь очень хотелось играть своих современников.

— Стоило ли для этого столько лет изучать фигуры?— вздохнула мама и вдруг вспомнила, что сама мечтала о таком театре, когда впервые увидела во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Варшаве спектакли, созданные по пьесам Брехта. И в свои классические роли она после фестиваля стала вносить, к неудовольствию режиссеров, что-то свое. Необычность ее игры, возможно, и принесла ей славу. И все же она даже в мыслях не пыталась навсегда отказаться от традиционного выражения мыслей и чувств, от фигур национального театра. Но, быть может, у дочери своя дорога в искусстве?

В «Золотом колоколе» Куинь с радостью окунулась в атмосферу молодежного театра, где все равны и все ответственны за успехи и неудачи. В коллективе ее принимали легко и сразу, роли в пьесах предложили выбирать самой. Примерно через год о ней уже говорили, критики пророчили ей блестящее будущее и сравнивали ее игру с игрой знаменитой Ким Суан, хотя мать и дочь на сцене (иное дело в жизни) никогда не походили друг на друга.

Однажды после спектакля молодую актрису остановил кинорежиссер Чан Дац и протянул ей пачку бумаг: «Ваша роль я отметил красным карандашом. Посмотрите. Подумайте. Я зайду к вам за ответом дней через десять».

Родители Ны Куинь к кино как к искусству относились несколько снисходительно, примерно так же они воспитали и свою дочь. Возможно, Куинь отказалась бы сразу от предложения Даца, но его уже не было

рядом. Ушел. В руках осталась только прошнурованная пачка бумаги. Куинь сначала прочитала несколько реплик, помеченных красным карандашом, занялась: начала читать все подряд. И просидела над сценарием допоздна.

Медсестра Май понравилась ей сразу. Куинь ярко представляла ее мятущийся характер, ее поиски собственного места в жизни и, наконец, ее готовность пожертвовать всем личным ради общей победы.

— Ты сегодня слишком переигрывала,— бросил ей на следующий день после спектакля Туан Шиу.— Не заболела?

— Что вы, я совершенно здорова!— крикнула Куинь вслед уходящему режиссеру и неожиданно подумала, что тот совершенно прав: она действительно заболела и заболела так, что вместо сказочной принцессы пытаясь изображать на сцене полюбившуюся ей медсестру.

Как медленно тянется время! Но Дац словно чувствовал ее настроение, появился уже на следующий день.

— Я был уверен, что вам эта роль придется по сердцу,— улыбнулся он, увидев радостное лицо Куинь.

Это настроение не покидало ее долгие месяцы съемок. Хотя и не все у нее получалось понапачку, и волновалась она перед кинокамерой, и вежливый, улыбающийся Дац неожиданно преображался на съемочной площадке, становился придирчивым и суровым. Куинь все равно было хорошо: она жила судьбой военной медсестры, мучилась ее заботами и страдала вместе с ней и другими бойцами—героями фильма «Солдатская баллада».

Уже на другой день после премьеры своего первого фильма, восторженно встреченного зрителем, Куинь снова была на съемочной площадке: режиссер Чан Ву пригласил ее на роль главной героини в фильме «Возвращенное свидание». Сюжет фильма несложен: крестьянская девушка Нэт любит бедняка, но родители решают выдать ее за богатого. Нэт убегает прямо из-под венца, прячется в соседнем селе в мастерской гончара, знакомится с рабочими, участвует в революционном движении и через многие годы приходит на свидание со своим возлюбленным, которого никогда не забывала. Так как действие фильма охватывает примерно тридцатилетний период, пожилую Нэт согласилась играть Ким Суан, окончательно уверовавшая в истинное призвание дочери. И сыграла она так, что многие зрители даже на заметили подмены, тем более что в титрах значилось только имя Куинь.

В двухсерийном фильме режиссера Бать Зьепа «Храмовый праздник», поставленного по мотивам романа Тю Вана «Ураган», изображен жизнью крестьян-католиков на побережье Тонкинского залива во времена коллективизации сельского хозяйства. Зьеп предложил молодой актрисе сыграть роль крестьянской девушки Ай, воспитанной в религиозном духе и всецело преданной церкви. И только любовь к «Веротступнику» Выонгу помогает ей разглядеть истинную сущность руководителей церковной общины. Девушка, всегда бывшая послушной прихожанкой, порывает с религией. Борьба Ай за свое счастье и составляет основу этого фильма.

Несмотря на незамысловатость сюжета, фильм многое дал Куинь как актрисе и многое потребовал от нее. Впервые так долго и старательно готовилась она к съемкам: перечитала горы специальной литературы, посещала монастыри и храмы, подолгу беседовала с женщинами, чья судьба хоть в чем-то походила на судьбу героини:

НОВАЯ РОЛЬ. ПОИСК ХАРАКТЕРА.

— Во многом мне помог русский драматург Островский,— признается Куинь,— в его Катерине я разглядела свою Ай и старалась показать ее такой же мятущейся и честной.

Работа над образом Ай принесла молодой актрисе полное творческое удовлетворение. И еще диплом за лучшее исполнение женской роли. Правда, не будь даже этого диплома, Куинь все равно бы считала Ай своей лучшей ролью. Может быть, только потому она так сдержанно рассказывает о своей работе в фильме «Первая любовь», признанном и критиками и зрителями одним из лучших вьетнамских фильмов последних лет.

За четыре года актриса Ны Куинь сыграла в четырех фильмах. Режиссеры наперебой предлагают ей новые роли, а она читает один за другим сценарии и отказывается.

— Может быть, известность сделала вас такой разборчивой?— осторожно спрашиваю я актрису.

— Нет, нет,— категорически отказывается Куинь.— Я ведь говорила уже, что теперь больше думаю об ответственности перед зрителем. Во время фестиваля на Кубе (мне, как раньше моей маме, посчастливилось побывать на всемирном фестивале молодежи) я подружилась с известной вьетнамской героиней и прекрасным человеком Во Тхи Тханг. В пятнадцать лет она стала революционеркой, выполняла ответственные и опасные поручения Сайгонского подпольного горкома комсомола. В 1968 году ее арестовали при попытке убить провокатора, которому подпольная группа вынесла смертный приговор. Такой же приговор ожидал и саму Тханг, и только ее молодость заставила судей заменить расстрел двадцатилетним сроком заключения. «Столько лет ваш режим не продержится!»— заявила Тханг в своем последнем слове. Вот такую героиню я и мечтаю сейчас сыграть.

Мы шли по оживленным улицам Ханоя, заполненным в этот час многочисленными прохожими. Последнее слово я написал по привычке: пешеходов в Ханое мало, здесь все—велосипедисты. Актриса Ны Куинь торопилась в свой театр «Золотой колокол», где в вечернем спектакле ей предстояло встретиться с восторженными зрителями.

— И все же я очень скучаю без съемочной площадки, без яркого света прожекторов, бесчисленных дублей и ворчания режиссеров. Скучаю без кино.

Талантливую актрису, комсомолку Ны Куинь ждут еще роли, о которых она мечтает. И можно не сомневаться, успех к ней придет еще не раз. Залог тому ее мастерство и та ответственность, которую она испытывает перед своими зрителями.

НЫ КУИНЬ ВЫБРАЛИ НА ГЛАВНЫЕ РОЛИ В ФИЛЬМАХ «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ», «СОЛДАТСКАЯ БАЛЛАДА» И «ХРАМОВЫЙ ПРАЗДНИК»

Во время недавней войны, почти ежегодно приезжая в Северный Вьетнам, я не раз бывал в зенитных частях: у знаменитого моста Хамлонг в Тханьхое, где было сбито около ста американских самолетов; в городе Вине, под Ханоем и Хайфоном... Мне запомнились лица солдат — молодые, улыбчивые, биографии многих из них (о себе говорилось всегда скромно и неохотно, вот о товарищах — дело другое): блиндажи и землянки, где рядом с автоматами и рюкзаками непременно лежали книги, кстати, очень часто и наши, советские, переведенные во Вьетнаме. Запомнился точный, слаженный ритм «работы» зенитчиков: гулкие орудийные выстрелы; свист бомб и раздирающий уши вой реактивных машин.

Наверно, поэтому как-то сразу полюбились мне и рассказы До Тю, чей, как принято говорить, «творческий путь» да и, собственно, сама взрослая жизнь начались в армии, в зенитных частях ПВО. Он ушел на фронт после десятого класса школы. Для героев До Тю война, навязанная им Соединенными Штатами, это не только решающий бой за независимость и свободу, но и сражение за окончательное торжество новой жизни, за возвращение к любимому делу, к созидательному труду, который — они в это твердо верят — преобразит родную землю и принесет счастье всем живущим на ней людям.

И здесь До Тю, как и все его сверстники, пришедшие в литературу, достойно

продолжает традиции, сложившиеся еще в годы войны с колонизаторами, шедшей еще в то время, когда сам он (родился До Тю в памятном для нас всех сорок первом) был подростком. Не случайно, узнав о предстоящей публикации в «Смене» рассказа До Тю, генеральный секретарь Союза писателей Нгуен Динь Тхи, чьи книги широко известны у нас в стране (он, когда готовился этот номер, находился в Москве), горячо одобрил выбор журнала. «Если говорить о нашей прозе последних лет, — подчеркнул Нгуен Динь Тхи, — то из новых имен прежде всего надо назвать имена северян До Тю, Нгуен Минь Тиу и южанина Ле Ван Тхao».

Окончив литературные курсы, открытые в Ханое Союзом писателей Вьетнама (это было, как вспомнил, продолжая разговор Нгуен Динь Тхи, в 1967 году), — До Тю был принят туда после первых публикаций его рассказов, — он снова вернулся на фронт, в свою часть. Он и сейчас еще служит в армии, сотрудничает в военном литературном журнале «Ван же куан дой», недавно издал новую книжку «Равнина», откуда и взят публикующий здесь рассказ. В ней уже есть и рассказы о мире, который был завоеван такой дорогой ценой. И читая новую книгу До Тю, вновь убеждаешься в том, что никому и никогда не удастся поставить на колени народ Вьетнама, никакими пропагандами и нападками не запугать людей этой замечательной гордой земли, щедро политой потом и кровью.

Мариан ТКАЧЕВ

ДО ТЮ

РАССКАЗ

СИНЕВА

П

еревал. Орудие второго расчета стояло у самой обочины дороги, прилепившись к крутизне, словно орлиное гнездо. Днем зенитчики, став на краю пропасти, глядели на дорогу, пересекавшую все поле обзора. За сложенным из каменных глыб бруствером начинался покрытый удивительно темной листовой склон, обрывавшийся к лежавшей далеко внизу лощине. Где-то пониже середины обрыв был сплошь увит ползучими лианами, цеплявшимися за довольно густые деревья. Повсюду распустились желтые цветы. Их называли здесь бабочками. Но сейчас, в полночь, да еще сквозь густой туман, не разглядеть было ни листьев, ни цветов. В плотном, как дым, тумане глуховатым прерывистым эхом отдавался гул автомобильного мотора.

Тиу, взяя ручной фонарик, вылез из землянки. Обогнув сзади орудие, он поднялся на полотно дороги. В этом месте оно сужалось, и однажды ехавший по самому краю грузовик едва не спихнул в пропасть орудие вместе со всем расчетом. С тех пор у дежурного стало две обязанности: сигналами фонаря обозначать для проезжающих шоферов местоположение орудия, и, и, само собой, при появлении самолетов противника звоном подвешенного к перекладине автомобильного колеса вызывать отдыхавших расчет из укрытия.

По дороге шла автоколонна. Головная машина была совсем уже близко. В тумане показалось дрожащее пятно света. Тиу поморгал фонариком, и фары тотчас мигнули в ответ: «Знаем, знаем, где вы, ребята!». Машина, утыканная маскировочными ветками, была похожа на дикобраза. Перед лицом Тиу проплыло второе пятно света, потом третье. У него мелькнула мысль, что машины проходят сегодня переднее позже обычного. Но в небе стояла мертвая тишина. Тишина эта длилась вот уже трети сутки. Наверно, янки здорово увязли в какой-то крупной операции. Начался сухой сезон, и наши использовали любую возможность для нанесения удара. Послышался прерывистый звук автомобильного гудка. Фонарик в руке у Тиу снова замигал. На этот раз фары погасли.

— Кто там торчит на дороге? — раздался из тумана чей-то голос.

— Это я, Тиу. Ну-ка, выкладывай, почему вы так задержались. Ждешь тут...

— Да янки набросали в речку плывущих мин. Саперы с вечера возятся, до сих пор не все обезвредили... А как у вас тут, тихо?

— Тихо. Вы когда обратно?

— Завтра и вернемся. Будет время поговорить. Да, Хонг тебе кланяется, я недавно письмо получил.

— А-а, Май Хонг, я и думать-то про нее забыл, ей-богу.

Тиу снова остался в одиночестве. Ночь была пустынна. Снизу, из ущелья, донесся крик косули. Пошел ведь уже Февраль. Весенним разнотравьем устланы склоны дальних холмов. Переливаются на солнце побеги тростника, поднявшиеся азартом за одну ночь. И земля словно засветилась оттенками свежей зелени, вызолоченной солнечными лучами. Косуля эта, небось, завтра поутру выйдет из чащи попакомиться травкой. И потом ее манят из леса властный зов весны¹.

Тиу спрыгнул с бруствера к орудию. Тридцатисемимиллиметровая зенитка вся взмокла от оседающего на металлы тумана. Он потрогал рукой покорежившиеся листья листистоны, прикрывавшие пушку. Потом шагнул к сиденью второго номера, опущенному до самого лафета, и поглядил лежавшее колесо с рукоятью, аращавшее ствол, — сколько рук прикасалось к нему раньше... Столк же «почтенный» выглядело и сиденье: брезентовая обшивка исчезла, бог знает когда, осталось лишь металлическое основание. И всякий раз после тревоги, усаживаясь на сиденье, приходилось класть на него сдернутый с прицела чехол, чтоб было помягче. Яростное солнце Чыонгшона² докрасна обжигало растения и камни. А расчету случалось иногда целыми днями торчать под открытым небом. Самолеты звено за звеном с ревом обрушивались

на перевал. И расчет номер два дрался без отдыха. В этом году дожди прекратились рано. Рота еще с октября заняла позиции здесь, в горах. Переброска как раз совпала с прибытием пополнения. Тиу, одного из новичков, назначили в расчет второго орудия, установленного здесь, на перевале. Все случилось так быстро, что он не успел даже запомнить в лицо ребят своей роты. Хоть дожди и прошли, на дороге во многих местах остались промоины и топи, и солдатам пришлось, то и дело останавливаясь и отражая нападавшие вдруг самолеты, тащить вместе с «ЗИЛом» свое орудие в горы с утра и до самого вечера. Когда они наконец добрались до перевала,казалось, будто и солдаты и пушки только что вынырнули из болота. Политрук Зиу — он был помощником командира во время марша — сорвал голос, и под конец, когда устанавливали орудие, изо рта у него вместо слов вырывалось лишь глухое сипение, как у рассерженного красноперого селезина. Потом еще надо было наносить воды, чтобы смыть грязь с орудия, и притащить из леса бревна и ветки для постройки землянок. В лесу было темно, словно в заткнутом пробкой глиняном кувшине. Намаялись тогда страшно, но уснуть все равно никто не мог. Для Тиу это было, пожалуй, первое испытание.

«Вы непременно расскажите нам после про первого свое испытание...» — Так наставляла Май Хонг двух друзей — Тиу и Кунга — перед их отъездом в армию. И вид у нее был при этом премудрый и строгий, как у учительницы, дающей задание школьникам. Разговор этот состоялся во время поездки в лес Кукфыонг³, организованной институтом для первокурсников с биофака. Тиу и Кунг знали, что включены в число примерно пятидесяти студентов, уходящих на фронт. Их это не удивило, потому что каждый тогда с нетерпением ждал своей очереди. Ждал давно, со временем поступления в институт, нет, пожалуй, еще со школьной поры, едва им исполнилось семнадцать лет. Дни, проведенные в древнем лесу Кукфыонг, стали последними занятиями, последней памяткой об их недолгой студенческой жизни. Однажды, когда они стояли у ствола могучего тысячелетнего дерева, Кунг сказал: «Нет и не было никогда летописца более одаренного, чем природа. Смотрите, как она щедра и сильна, вглядитесь в эту синеву под зелеными кронами. Какое спокойствие, какая мощь...» Май Хонг достала из сумки ломтик хлеба, посыпанного солью и перцем, и угостила друзей. «Вы скоро уходите на фронт, — сказала она, и голос ее звучал чуть громче обычного. — И потому я хочу сегодня во что бы то ни стало осудить один ваш проступок. (Об приятеля замерли в изумлении.) Не хватит ли слать мне странные, мягко говоря, письма? Зачем вы это затеяли? Я буду ждать от вас более достойных писем, если, конечно, вы меня уважаете...» Экая беда. Она вот-вот готова была расплакаться. Кто бы мог ожидать такого? А началось все с того, что они однажды, сидя в библиотеке, уговорились отправить Май Хонг письмо следующего содержания: «Что, скажите на милость, означает мудреная ваша прическа?...» Подписи и обратного адреса, разумеется, не было. И подобные письма на ее имя они опускали каждое воскресенье в огромный почтовый ящик у институтских ворот, дабы она могла получать их в понедельник. Несколько только, как она обо всем догадалась. Но все обошлось. В день отъезда друзей Май Хонг надела свое нарядное красное платье. И чудилось им, будто там, где стоит Май Хонг, багровеет яркое пламя, над которым трепещут две длинные черные пряди волос. «В вашей жизни, — вежливо сказала она Кунгу и Тиу, — открывается новая страница. Желаю вам поскорей стать настоящими солдатами и совершил славный подвиг...» Кунг, человек светский, поклонил ей руку: «Значит, вы больше на нас, неразумных, не гневаетесь?» Лицо ее озарила улыбка. «Да я уже все забыла!» «Так скоро? Забыли старую историю или уже заодно и нас с Тиу?» «Положим, история вовсе не старая. Но я обо всем позабыла, еще когда мы уехали из леса Кукфыонг...»

Ровно в восемь машина выехала из институтских ворот, товарищи, собравшиеся на проводы, стояли расходиться по аудиториям. Но долго еще виднелась посереди двора фигура в красном платье, махавшая поднятой, словно лилии на стебле, ладонью. Кому же махала она рукой? Кому улыбалась?

Новая автоколонна подъезжала к перевалу. Шоферы весело гудели, проезжая мимо орудия номер два. Несколько лихачей гнались друг за другом, нарушая дистанцию и порядок. Жаль, в тумане толком ничего не увидаишь, не то бы сказал им на обратном пути пару ласковых слов.

¹ Во Вьетнаме, по традиции, началом весны считается Новый год по лунному календарю, падающий обычно на январь — начало февраля.

² Чыонгшон (вьетн.—Долгие горы) — горная цепь, идущая вдоль Индокитайского полуострова: здесь проходила знаменитая дорога Хо Ши Мин, по которой с Севера на Юг перебрасывались войска, техника, продовольствие и т. д.

³ Кукфыонг — реликтовый лес в провинции Ниньбинь, где недавно открыт специальный научный центр.

— Эй, Тиу! — окликнул его Тиу, командир расчета. — Иди-ка поспи! Мой черед дежурить.

— Сам лучше поспи. Я еще свое не отдежурил.

— Пока еще ночи лунные, прихвачу-ка ружье, прогуляюсь вниз, в лощину, и подстрелию эту косулью. А то ведь наша влюбленная так и будет голосить по ночам до рассвета, пока самцы не улянутся спать в кустах мертвцевским сном.

— Скажи, Тиу, сколько она приносит детенышей?

— Одного в каждый приплод, как корова. Косули, они сейчас жирные, в самом соку. Ты хоть раз пробовал мясо косули?

— Откуда! Мне с тех пор, как мы попали сюда, удалось попробовать только медвежатину. Помнишь, Зиу в октябре уложил здоровенного медведя?

— Да ну, медвежатина — ни вкуса в ней, ни запаха. Запомни, нет ничего лучше оленины. Наревы ее потоньше, повари недолго, да не забудь бобовую подливку с имбирем...

— Нечего ерундой голову забивать, откуда здесь соусы с имбирем? Может, ты открыл бакалейную лавку? Я, брат, и с солью поем, не побрезгую.

Он отдал Тиу фонарик и полез в землянку. Там уже спал политрук. Тиу, натянув на себя одеяло и засыпая, снова услышал прятанный крик косули.

Утро выдалось тихое. Но тишина, как всегда на войне, казалась обманчивой. Последние машины автоколонны скрылись за уступами гор. Туман быстро таял. Недавно еще густой, как молоко, он расплзлся белыми ключами. Пройдет немного времени, и первые лучи солнца, словно огненные мечи, взосятся из-за Монетного хребта в небо, туман осядет и морем белых туч затоплит ущелья и лощины. И перевал вознесется над ним, как остров. Лишь ближе к полудню тучи растворятся, и снова станут видны лес и река. Она привольно течет в окружении земной листвы. Чуть дальше проявятся красноватые пятна: пространства, накрытые «ковровой» бомбажкой с Б-52, где вывернуты наружу таившиеся под почвой слои глины, и дорога, что, извиваясь, подобно реке, пересекает эти пространства на пути к перевалу.

Солдаты хлопотали возле орудия, сменяя маскировочные листья, переставляя ящики со снарядами, протирая оптику. Это была обычная, повседневная работа. Тиу и политрук с пустыми ведрами на коромыслах спускались в лощину за водой для умывальников и кухни. Ведра позякивали донцами о камни. Влажные плиты, по которым шли водоносы, ходили ступни. Воронки засыпали до краев пальмы листья, желто-красные и пожухлые. Под самым обрывом протекал ручей. Покуда Тиу высыпал местечко поудобнее, политрук с шумом вошел прямо в воду. Потом, подняв на берег полные ведра, они уселись на корточки у ручья: умыться и почистить зубы. Пузыри мыльной пены, переливаясь, поплыли вниз по ручью. Политрук поглядывал искоса на Тиу: прямой образчик мужской красоты — жгучий брюнет, лоб высокий и чистый, зубы белые и ровные.

— По тебе, небось, в пединституте не одна студентка сохла? — спросил политрук.

— Может, и сохла, только мне об этом неизвестно. Девушки — они ведь скрытные.

Политрук расхохотался. «Сущее дитя! — подумал он. И, оставил Тиу сидеть на камне, побред вброд через ручей. Там, за кустарником, зенитчики разбили свой огород. Посаженные на грядках кresson хорошо подрос. Дней через десять в меню у ребят прибавится суп из свежих овощей с мясом. В зарослях над головой политрука брачнились между собой птицы...

Комсостав роты был распределен по всем орудийным расчетам, и каждый командир должен был сжиться с зенитчиками. Да, собственно, в условиях, когда расчеты были рассредоточены вдоль дороги больше чем на десять километров, много выбора не представлялось. Иногда они вели огни все вместе, но когда в этом не было необходимости, в бой вступали только одно или два орудия. Словом, все решалось в зависимости от конкретных обстоятельств. Наставления предписывали располагать зенитные позиции по кругу — так легче сосредоточивать огонь и управлять им. Но здесь были совершенно особые условия.

Орудие номер два стояло у перевала вот уже третий сухой сезон. И политрук Зиу находился здесь с самого первого дня. Он тогда командовал расчетом, а Тиу, теперешний командир, был еще рядовым. Да и само орудие помещалось тогда по другую сторону перевала, близ не использовавшегося ныне виража дороги. Автомашины и пушки неразлучны, как тело с тенью. Ротные офицеры проводят почти все время в боевых расчетах. Но штаб роты, естественно, существует. Это несколько крытых листьями домиков на поросшем высокими раскидистыми деревьями берегу реки. От позиций первого расчета туда — со всеми зигзагами по крутизне — минут двадцать хода. Раз в неделю Зиу должен был побывать в штабе, а в случае срочных дел за ним присыпали вестового. Он еженедельно докладывал о положении во вверенном ему расчете. Докладывал устно, по памяти, но в блокноте его все данные были зафиксированы и разнесены по графикам. — А — идеиний уровень. Б — участие в боях... Он знал сильные и слабые стороны любого бойца, их достижения и успехи в каждом бою. Бывало, дотошность Зиу выводила из себя командира роты, и он говорил: «Если нет ничего особенного, прошу без подробностей! Но политрук лишь улыбался в ответ и продолжал излагать скрупулезно и неторопливо: ему, мол, некуда спешить. И все давно знали наизусть любимую его фразу: «Не будем-ка лучше торопиться, это вопрос деликатный...» Деликатность была в высшей степени присуща ему самому. Ни разу он никого не задел, не обидел и пользовался всеобщим доверием. А разве этого мало, чтобы утверждать: политрук достоин всяческого уважения и любви?

Однако и у самых уравновешенных людей бывают сердечные слабости. Политрук был влюблена в Ли, которая возглавляла звено ударной молодежи. Вот уже три года подряд девушки ее звено располагались неподалеку от позиций зенитчиков, и кухни их, глядевшие на воду, переливались огнями через реку. Чуть выше по течению стоял мост с поэтическим назначением «Облачный». Облачный мост, склоненный из бамбука, соединял лесистые берега. Каждое лето, где-то в июне, после ливней солдаты выходили чинить мост. К концу сезона дождей домики у реки бывали обычно повалены бомбами, но стены и крыши из листьев лежали на земле целые, необгоревшие, потому что после долгих дождей все было пропитано влагой и никак не поддавалось огню. Зенитчики, вернувшись сюда, помогали девушкам поставить дома заново. Хотя, по правде сказать, работа у девушек спорилась лучше, чем у солдат. Там, где жили девчата, весь день над крышей кухни вился дымок. Под навесом, между столбами, повсюду натянуты веревки, на них вечно сушились пласти, одежда, белье. Вещи развесивались и в дождь, когда во всем окрестном лесу умудрялись оставаться сухими только белки. Одна из них повадилась разгуливать по дереву, ветви которого задумчиво лезли прямо в окошко к Ли, и приходилось то и дело обламывать их.

Не счесть, сколько раз Зиу захаживал в эту комнату, и принимали его всегда добрососедски.

В конце прошлого месяца Зиу, возвращаясь с партсобрания, заглянул сюда. Ли, больная, лежала дома. Политрук постучал в дверь.

— Кто там? — спросила Ли, потом сказала: — Заходите, чего же вы.

— Да нет, я спешу. Вас опять прихватила лихорадка?

— Сегодня с утра мне вроде полегчало. Решила даже поесть немного, но потом снова стало хуже... Вчера опять бомбили перевал. Ваши ребята все цели?

— А вы тут до сих пор ничего не знаете? Ракета попала в «газик» с боеприпасами для минометов.

Она приподнялась, с трудом сдерживая стон. Волосы упали ей на лицо, бледное и какое-то беспомощное. Политрук, глядя на Ли, думал, что уж лучше бы он заболел вместо нее. Хотя все прелести лихорадки он испытал на собственном опыте: когда, только приехав сюда, вымок в трясине, потом стын на ветру и схлопотал сильнейший приступ лихорадки. Облысевшая голова его стала похожа на черпак из кожуры кокоса, глаза выкатились и покраснели, как помидоры. Его бросало то в жар, то в холод. Но, едва засыпав гул самолетов, он выплыл из землянки и, с трудом добраившись до орудия, чес мозг, помогал ребятам.

Когда он впервые встретил Ли, здешняя дорога была совсем неспрятленной и узкой и жив был Зиак — командир третьего орудия, который дал Зиу рекомендацию в партию. Политрук вспомнил, как в разговоре с Ли Зиак сказал: «Покажите нам те участки дороги, которые «он» бомбил чаще всего». «Вы хотите поставить здесь несколько пушек?» — спросила она. «Да нет, одно орудие...» Тогда она нахмурила брови. «Он» летает по-всякому: то промелькнет вдоль дороги на большой скорости, то зайдет под углом. Бывает, сбросит бомбы замедленного действия, и все в разных местах... «Вы, небось, задумали сбить нас с толку! — смеясь, покачал

* Отряды ударной молодежи, состоявшие часто из девушек, работали на важных объектах: восстанавливали после бомбёжек, повторявшихся иногда ежедневно, дороги, мосты и т. п., что было, естественно, связано с большим риском. Движение ударной молодежи носило массовый характер.

головой Зиак. — Надо найти в «его» действиях систему. Как бы все ни было запутано — своя система там есть. Ладно, девушки, не волнуйтесь, что-нибудь придумаем: мы тоже на выдумки мастера! Вот товарищ — он хлопнул друга по плечу — будет поддерживать с вами связь. Ли покосилась на Зиу: «Я с подругами здесь еще с той поры, когда дорога была тоннельной, как нитка, груз с рассвета до ночи еле успевали доставить к перевалу. Но в бомбажках мы никакой системы не угадали...» Позже, начав рекогносировку на обратном склоне перевала, Зиак сказал: «Если противник и вправду действует бессистемно, это облегчает нашу задачу. Но я этому не верю. У них всегда есть точный график полетов. Дело в самом расчете — нет ли в нем ошибок. Хорошо бы найти уязвимое место...»

Сколько с того дня прошло времени! В каких только переделках не побывали зенитчики и их соседи — бригада ударной молодежи. Бывало, едва установишь орудие, и снова приходится менять позицию, нередко по нескольку раз за ночь. Хорошо, если приходили автотягачи из роты, а не то тащили пушки канатами. И девчата всегда помогали артиллеристам — только и слышно было: «Раз-два, взяли!.. Раз-два...» Постепенно, день ото дня, вырисовывалась система, по которой противник строил свои полеты, все детальнее и яснее. Сперва зенитчики подстерегали врага, стараясь действовать неожиданно, потом стали нарочно привлекать самолеты на себя — так было вернее.

Перевал держался день за днем. Люди могли погибнуть, но дорога должна была жить. Поднимаясь на перевал, девушки из звена Ли всегда заходили на позиции второго расчета, с которым они особенно подружились. Ли и тогда уже была звеньевой. Когда девчата не под силу было быстро исправить дорогу, она прибегала к зенитчикам и, попросив автомат, выпускала две трассирующие очереди, означавшие: «Проезд закрыт!..» Как-то ночью Зиу наткнулся на нее у обочины. Ли стояла и плакала навзрыд оттого, что дорога до сих пор не восстановлена и целая вереница машин ждет внизу, у подъема на перевал. И он вдруг прикинулся на нее: «Не реви! Готовы обвезти и пускай по нему транспорт!..» Ли успокоившись, ушла. А на рассвете вернулась и попросила политрука: «Дайте, пожалуйста, три очереди из автомата. Вызывают машины!..» За эти годы дважды сменили состав ее звена, но сама Ли не хотела уезжать и оставалась. И солдаты из «старичков» после долгого отсутствия, вновь занимая позицию на перевале, всякий раз удивлялись: «Ну и ну! Подруге-то нашей все нипочем! Ты, видать, определилась сюда навечн?..» Люди посеребренее спрашивали: «Ли, скажите, сколько вам лет?..» «Я, товарищ, — отвечала она, — родилась вместе с этой дорогой». Зиу знал, что Ли — ровесница его младшей сестры, значит, ей двадцать семь. Девушка не первой молодости. Но политрук всегда находил ее прекрасной. Сколько разглядывал он в эту комнату, в окошко которой ломились ветки, и собирался открыть ее хозяйке свои чувства. Ему для этого хватило бы и двух слов, но произнести их он не решался.

Что ж, бывает, мужчина и в тридцать лет новичок в сердечных делах. Когда политрук, наконец, во всем разобрался, было уже поздно. Ли собралась замуж за другого — за Фельдшера из полевого госпиталя, расположившегося внизу, у подножия перевала. Ли объявила об этом внезапно, но, как всегда, не было сомнений, что она сдержит слово. Зиу отлично знал ее жениха: когда в прошлом году осколок рассек политруку живот, именно будущий муж Ли оперировал его. Ничего не скажешь, избранный Ли — человек достойный. Одного Зиу не мог понять: почему все совершилось с такой головокружительной быстротой? Ли сказала политруку: «Отсюда до подножия рукой подать!..» В словах ее скрывался укор. Мол, мы с вами столько времени прожили рядом, а остались друг другу чужими. Или, скорее, она упрекала его за то, что он заставил ее слишком долго ждать. Ожидание способно смягчить женское сердце, но может его и ожесточить, если превысить меру. Ждала ли она Зиу? И вот однажды девушка из звена Ли, проходя мимо позиции второго расчета, поделилась с солдатами новостью: «Зиу и вы, ребята, могут вас порадовать. У Ли скоро свадьба. Они с женихом уже подали на работе официальное заявление. Ну как, довольны?..» Зиу почувствовал вдруг, будто внутри него образовалась огромная зияющая пустота. Политрук отправился на собрание в штаб роты. Но, едва он ступил на Облачный мост, ему стало ясно, что все вокруг напоминает ему о том, что лучше было бы позабыть. Увы, человек не так легко забывает прошлое, да и что бы с ним стало без прошлого? Он вспомнил, как в прошлом году во время дождей Ли сказала ему: «Девушки у нас говорят, что Зиу вспоминает про свадьбу, когда государство выделил ему жену по разнадежде...» «Да нет, — ответил он ей тогда, — это не входит в компетенцию государства. Вы лучше бы сами нашли мне невесту да помогли посвататься. Согласны?..» Она нахмурилась: «Если вы любите кого, вам никакая помощь не нужна. А не любите, помогай, не помогай — все одно. Время свах давно миновало!..» Это было единственный раз, когда политрук вплотную подошел к сути дела. Он заметил, как Ли покосилась на него с улыбкой, и сердце у него замерло. С тех пор он мог часами говорить с Ли обо всем на свете, не касаясь своей тайны. И вот, выражаясь языком артиллеристов, упустил момент для открытия огня и не поразил цель.

Он тяжело переживал свою утрату. «Мы должны, — сказал он ребятам, — подготовить для Ли достойный свадебный подарок». «Верно, — подхватил Тиу, — мы ведь все равно что одна семья — вместе смотрели в лицо смерти. Без нас и свадьба не свадьба!..» Он предложил в день свадьбы сбить вражеский самолет, и чтобы тот рухнул возле самого моста. «Это, — заключил он, — будет подарок со значением, и он нам вполне по силам!..

Зиу говорил обычным деловым тоном, и никто не догадывался, насколько он опечален. После этого жизни на перевале вошли в привычную колею: ведь даже опасность в конце концов становится обыденностью. Политрук убеждал себя, что сейчас важнее всего победа, а все прочее несущественно.

Земля вздрогнула и затряслась. Ходуном заходила землянка. Одна из деревянных опор переломилась и рухнула, перекрыв напрочь дверь. Внутри стояла кромешная тьма; дым от взрыва, смешавшийся с пылью, спелл глаза.

— Зиу, это второй заход!

— Я боюсь за ребят в соседней землянке! Бомбы, по-моему, легли рядом. Кончится этот заход, выберешься наружу и сразу — к ним...

Голос политрука заглушил новый бомбовый заход. Казалось, будто горы вздыбились и вновь опустились на землю. Комья земли градом обрушились на головы политрука и Тиеву. Мгновение спустя, подняв глаза, они увидели прямо над собой огромную дыру в настите. Политрук поднялся, отодвинув торчавшую с краю доску и, еще больше расширив дыру, вылез наружу.

Следом выбрался Тиеву. Вершины гор — в клубах дыма. Внизу, в лощине, куда они оба утром спускались за водой к лесу, где пели птицы, теперь бушевало море огня.

Едва Зиев перемахнул через бруствер на орудийную позицию, из второй землянки, вырытой по другой стороне дороги, появилось несколько ребят. Политрук пересчитал их и с облегчением вздохнул. Оглядевшись, он увидел, что взрывом снесло один угол бруствера, орудие покосилось, маскировочные листья сдуло куда-то. У всего расчета, кроме двух или трех бойцов, лица были в котлы и грязи.

— Установить орудие! — скомандовал Туи.

Ребята без суеты вернули пушку в боевое положение. Потом, разыскав лопатки, начали восстанавливать бруствер и укрытия. В это время на перевал поднялись девушки из землянки с лопатами на плечах.

— Эй, парни, вы все целы?

— Да вот я погиб! — крикнул какой-то шутник. — Оставайтесь воздать мне почести!..

Девушки засмеялись:

— Ну-ка, приструни их, Туи!

— Верно, того и гляди янки нагрянут: разведать результаты...

Дым все не расходился, и девушки вскоре утонули в черном облаке. Потом с седловины донеслись гулкие взрывы толовых зарядов — с их помощью расчищали дорогу.

Солнце садилось, когда Зиев заметил Ли, поднимавшуюся по дороге. Он сощурился и невесело произнес:

— Кто там? Вроде Ли к нам пожаловала?

— Точно она, — отвечал наблюдатель. — За все три года не видел, чтобы она так спешила. Подойдя поближе, Ли спросила: не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Как вы думаете, к ночи дорога заработает?

— Вряд ли, надо бы еще людей подбросить.

— Это верно. «Он» бомбит теперь обратный скат перевала. Я только что оттуда. Б-52 гудят, как мельницы. Вся извелась, а ну, как разнесут дорогу! — Она взглянула на Зиева. — Да, вас вызывали вечером в штаб на собрание.

— Сегодня вечером?.. С чего бы это? У меня здесь дел невпроворот.

— Вы вечно в делах. — Голос ее стал чуть звонче. — Сбили бы нам, ребята, еще парочку летчиков, как месяц назад.

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

Ли ушла. Весь расчет снова принял восстанавливать орудийное гнездо. Командир приказал Тиеву открыть ящики с боеприпасами, протереть снаряды и поставить здесь наготове. Он знал: после Б-52 появятся истребители-бомбардировщики и будут шнырять всю ночь, не давая восстанавливать дорогу. Нелегко придется, конечно, но дело привычное. Он верил: дорога, как всегда, оживет, и через перевал пойдут машины.

Политрук взглянул на небо и негромко сказал Тиеву:

— Ты посмотри, какая тишина.

— Да... Когда я был в лесу Куфыонг, небо все так же безмолвно поблескивало синевой.

Снова загрохотали заряды тола, теперь уже за седловиной. Внизу, у подножия перевала, появились фигуры девушек: их было много: они бежали вверх по дороге, и вскоре их можно было разглядеть постепенно.

F-4 вошел в пике. Рев реактивных турбин буравил воздух, из-под крыла веером посыпались бомбы.

— Длинной очередью — огонь! — прокричал Туи в ухо второму номеру. Из ствола вырвались огненные вспышки. Уши давно уже заложило. Никто из ребят не слышал разрывов бомб. Даже звук собственных выстрелов казался им глуховатым и слабым, как далекий гул прибоя. Бомбы легли поперек склона, и все вокруг заволокло дымом.

— Ну, у этого бомбы кончились, теперь выпустит ракеты и будет палить из двадцатимиллиметровок! — крикнул политрук. Он наклонился поближе к Тиеву и сказал: — Давай-ка я буду подносить снаряды, а ты полезай за бруствер. Там дым пореже. Веди наблюдение за целью.

— Ясно! Я пошел.

— Поторопись! Он вошел в вираж.

Пока Тиеву в дыму пробирался по вспаханной бомбами земле, где-то впереди он услыхал голос Ли, потом — еще несколько голосов.

— Они здесь... Здесь рядом!

Тиеву стер с лица пыль и глянул вверх. Над головой синело небо. Самолеты по-прежнему сновали над перевалом.

— Направление двенадцать, угол два! — закричал Тиеву. — F-4 набирает высоту!

— Развернуть орудие! Направление двенадцать... — тотчас откликнулся голос Туи.

Орудие дало длинную очередь. Самолет взревел. Грохнули бомбы. Земля заходила под ногами, словно дно подтки. F-4, первым сбросивший бомбы, был по зениткам из двадцатимиллиметровых пушек. Тиеву по-прежнему глядел вверх, выкрикивая данные о целях, и все так же то и дело слышал он выстрелы своего орудия, только вот правая рука почему-то отнялась... Он присел на землю, перед глазами поплыли цветные круги, потом все затопил мрак. Вдруг голос Ли прокричал: «Вон, глядите, падает!» И он все пытался открыть глаза, поглядывать, успел ли вражеский летчик спрыгнуть на парашюте, но ресницы лишь чуть заметно вздрогнули.

Незнакомый девичий голос сказал: «Откиньтесь назад, я сделаю перевязку...» Потом девушка усадила его, взвела себе на плечи и крепко-накрепко привязала косынкой из

парашютного шелка. Он чувствовал сквозь ткань, как горячие ее плечи, то поднимавшиеся, то опускавшиеся, словно волны. И напоследок опять услыхал голос Ли: «Иди прямиком! Быстро! Быстро!..»

Девушка спустилась с ним прямо по круче: вскоре под ногами ее заплескалась вода. Утром он тоже переходил здесь вброд через ручей. Тогда на деревьях сердито перекликались птицы. Почему же теперь их не слышно? Он хотел сказать девушке, чтобы она шла помедленней. К чему такая спешка? Но почему-то произнес одно лишь слово: «Пить...» Девушка не остановилась, и он уткнулся лицом в волосы на ее затылке, словно засыпающий младенец. Но он не спал и упрямно вслушивался в окружавший его шум, пытаясь понять, что это за странный звук, будто кто-то одним пальцем ударяет в барабан. Может, это бьет очередями на перевале его орудие?.. Но на самом деле так гулко и часто колотилось сердце тающей его девушки.

Тиев очнулся на рассвете. Снаружи, у входа в пещеру, поль по камням туман. Почувствовав холод, он собрался было натянуть повыше одеяло и вдруг вспомнил, что ему отняли руку. Горечь обожгла горло... Враг убил его правую руку. Ну что ж, значит, левой придется работать теперь за две.

Первые лучи света, вырвавшись из-за Монетных гор, побежали к изголовью Тиеву. Туман возле пещеры заколебался, словно театральный занавес.

В пещеру, тихо ступая по камням ногами, обутыми в матерчатые башмаки, вошел какой-то рослый человек в хаки. Подойдя к кровати Тиеву, он поднял разом все четыре угла накомарника, наклонился чуть не к самому лицу раненого и сказал:

— Здорово я угадал, что вы очнетесь именно в это время.

— А вы откуда в такую рань?

— Да вот ходил к тростниковым зарослям. Караваил там косулью. Она повадилась туда по ночам. Я уже видел ее дважды. Второй раз — в полнолуние. Она стояла за кустом, но тень ее ясно отпечаталась на скале.

— Чего ж вы ее не подстрелили?

— Не знаю, не смог. Представьте себе: она задерет голову, крикнет, потом опустит — слушает. Прислушается и снова крикнет... Сам-то я родом с гор. Лет с шести ходил с отцом на охоту с арбалетами. Он все ругал меня: мол, никогда я не стану настоящим охотником. Наверно, прав был...

— Скажите, как звать девушку, что вчера принесла меня?

— Ее зовут Тинь. Она просидела возле вас всю ночь. Все послыали ее спать, а она — ни в какую. Ушла уже под утро. Когда решался вопрос об ампутации, приходил ваш политрук. Зиев, и с ним какой-то парень, кажется, шофер с грузовика.

— А-а, это Кунг, мой друг.

— Политрук сперва все просил сохранить вам руку. А потом видит, я отмачиваюсь, тогда и говорит, падно, мол, согласен. Доверяю вам, говорит, всецело. У него сегодня собрание рядом с Облачным мостом, обещался потом зайти.

— Это вас там зовут?

— Меня. Тоже раненый — пехотинец. Как очнется, зовет меня фельдшером, а в бреду все называет доктором.

В соседнем углу пещеры, где лежал пехотинец, было потемнее. Оттуда послышался тяжелый вздох, потом какие-то неразборчивые слова. Под конец голос фельдшера произнес название лекарства: «Морфин...» И вновь зашуршали по камням матерчатые башмаки.

Завеса тумана снаружи исчезла. Солнечный свет добрался до сталактитов, свисавших со сводов пещеры, и грани их стали отсвечивать и переливаться.

На свету появилась стайка девушек: голоса их показались Тиеву знакомыми. Одна из них подбивала оробевших подружек войти в пещеру. Сандалии из автопокрышек мягко переступили каменный порог.

— Здравствуйте, Ли! Здравствуйте, девушки! — сказал Тиеву — Я хоть лежу здесь, а знаю, что автоколонна вчера благополучно прошла перевал.

— Ну вот — сказала Ли, — у вас и настроение, смотрю, боевое. А Тинь все глаза выплакала. Мол, положение Тиеву очень тяжелое... Думаете потом списаться в тыл или как?

— Да ни за что! Одна-то рука у меня в порядке. Снаряды, само собой, подносишь не смогу, но дело найдется и для меня. С биноклем, к примеру, управляюсь. Значит, могу быть наблюдателем.

— Мы все надеемся, что вы скоро поправитесь.

— Ясное дело. И вернусь на перевал. Нам ведь, Ли, надо сбить еще пару самолетов к вашей свадьбе.

— Чего-чего? К моей свадьбе? Вы уж больно предусмотрительны.

Ли засмеялась, и смех ее почему-то звучал слишком громко и долго. Тиев даже почудилось, будто она тайком смахнула слезу со щеки. Черт его дернул завести разговор о свадьбе. Неужели это была просто «утка»?..

Все утро Тиеву с нетерпением ждал политрука. Но тот не пришел: после собрания пришлось сразу подняться на перевал и обсудить с Туи вопрос о переводе орудия на запасную позицию.

Целую неделю Тиев пролежал неподвижно на бамбуковой лежанке в углу пещеры. Присыпаясь по ночам, он слышал вдали крик косули, а днем иногда часами глядел на свет, падавший в пещеру, слушал, как шумят в лесу деревья, как рвутся вражеские бомбы и в ответ им грохочут зенитки.

По-прежнему стояла еще весна, кричали в лощинах косули, и травы расстилались по склонам, синие и зеленые, будто рисовая рассада. А вокруг огневой позиции на перевале краснела вывернутая взрывами сухая земля, и тщетно было искать хоть одно выжившее деревце или былинку. Иной раз могло показаться: не стало уже на перевале ни пушки, ни артиллеристов. Лишь мертвые деревья, сухая трава да иссохшая земля оставались вокруг бруствера и землянок. Но янки не верили в это и, выселяживая зенитчиков, проходили совсем низко над перевалом. Бойцы, державшие у орудия, могли разглядеть даже черные шлемы на головах пилотов. Самолеты на всякий случай выпускали по перевалу ракету, и дымные трассы как бы подчеркивали царящую внизу пустоту и бесподобье.

Неделю спустя после того, как Тиев вернулся наблюдателем в свой расчет — просьба его была исполнена, — «громовержец»⁵ был сбит и упал, как ребята того и хотели, у подножия перевала, рядом с домами землянки ударной молодежи. Один пилот погиб в воздухе, а другого девушка взяли в плен. Это и был свадебный подарок для Ли. Только вроде ребята с перевала малости поторопились: Ли знал себе помалкивала о свадьбе.

Зиеву, лицо заинтересованное, не выдержал первым и как-то спросил у девушек:

— Вы ту, красавица, говорили, что Ли подала заявление о браке, это правда?

— Раз говорили, значит, подала. А вы, Зиев, лучше сбили бы еще самолет-другой к ее свадьбе! О небо, откуда берутся такие мужчины? Хоть силком сажай их на носилки да неси женихся!..

Девушки ушли чинить дорогу. А Зиеву, хотя и осмейанный публично, был весел. В душе у него, как говорится, разверзались знамена. Нет уж, на этот раз он поставит перед ним вопрос ребром! Выложит все как есть завтра же, после собрания. Зайдет к ней и скажет... Так думал он, лежа в землянке и ощущая в себе великую силу и смелость. Будь у него крылья, он тотчас бы полетел к заветному окошку, такому знакомому и близкому, заглянул бы в маленькую комнату, увидел бы милов, любимое лицо и попросил бы прощения. Прощения, но за что? За все! За свою глупую робость, за невыносимую медлительность, причинившую ей столько горечи. Ведь они который уже год рядом делили радости и тревоги, и смертельный риск. Вместе сражались с врагом. И всегда думали друг о друге, всегда любили друг друга.

Вот что хотел политрук сказать Ли. Вот что каждый из нас хочет сказать любимой.

Никогда еще небо и лес не были так прекрасны и необычны. Уступы гор громоздились один на другой, и между ними, словно красная нить, вились, то появляясь, то исчезая, дороги. И над этой безбрежной синевой, у этой красной дороги зенитчики чувствовали: нынешняя весна лучше и красче всех прочих весен. Она пробудила в солдатских сердцах какой-то особенный отзвук. Наверно, весна — как пламя любви и борьбы, не угасающее ни на миг.

Перевел с вьетнамского
Мариан ТКАЧЕВ.

⁵ «Громовержец» — название реактивного истребителя-бомбардировщика США F-4.

Владислав ПЕТРОВСКИЙ

МЕЛОДИЯ

Лесять лет назад на вечере, посвященном очередному выпуску Московской консерватории, Та Бон в буквальном смысле потряс слушателей, исполнив концерт Бетховена для скрипки. Даже искушенные профессора консерватории, слышавшие лучших скрипачей мира, не пытались сдержать восторга. Несколько минут подряд за стоя аллодировал вьетнамскому музыканту, поразившему своих товарищей и учителей необыкновенной страстью, темпераментом, своеобразием исполнительского мастерства. Борис Владимирович Беленький, профессор, педагог, в течение девяти лет преподававший музыку Та Бону, аллодировал ему вместе со всеми.

Сам исполнитель стоял на сцене с побледневшим от волнения лицом, прижав ладонь, все еще скимавшую смычок, к груди, и обводил зал полными слез глазами.

Сегодня Та Бон прощался с людьми, с которыми жил и у которых учился все эти девять лет. Училия, как скажет Та Бон часом позже на заключительном актовом собрании, не только понимать и любить музыку, не только исполнительному искусству, но величию чувства и сердечности, самоотверженности и высокой гражданственности в служении своему народу и его культуре. Он был бы счастлив поверить, сказал тогда Та Бон, в то, что аллодисменты, последовавшие за его выступлением, относились не только к игре, а были еще одним проявлением солидарности с его народом, который продолжает героическую борьбу с американскими агрессорами. И зал ответил на эти слова новыми аллодисментами. Тогда, в 1968 году, до победы было еще так далеко, и каждый вьетнамец, даже находившийся вдали от своей родины, жил борьбой и ощущал ее в своем сердце, как это было с Та Боном.

Слушая своего воспитанника, Борис Владимирович невольно вспоминал, каким он впервые увидел этого юношу, тогда почти мальчика, с первых дней удивившего его необыкновенной работоспособностью, упорством, доходящими до иступления. Та Бон занимался по 8–10 часов подряд, его можно было застать в репетитории и в полночь и рано утром. Он спешил, словно кто-то погонял его, стремясь за год овладеть двухлетней программой. При этом вьетнамский студент находил время для книг, читал много, запомнил — Льва Толстого, Достоевского, Горького, Фадеева... Через два года он знал Третьяковскую галерею, как не многие москвичи. Он ухитрялся помнить про все дни рож-

дения однокурсников и умел сделать человеку приятное, раздобыв для него зимой букет роз.

Не раз на очередном занятии Та Бон удивлял Бориса Владимировича какой-нибудь новой сыгранной вещью, не входившей в учебную программу. На вопрос, когда он разучил ее, Та Бон смущенно объяснял, что немножко недосыпал последнюю неделю. Зная его трудолюбие, педагог мог предположить, что студент последние полмесяца занимался как минимум 10–12 часов. Особенно много играл Шостаковича, увлекавшего его своей философичностью, простотой и богатством музыкального языка; миниатюры Прокофьева, исполненные изящества; Рахманинова, который, по мнению Та Бона, был блестящим, глубоким художником, поэтом русской музыки.

В 1962 году Та Бон впервые заявил о себе как о серьезном, талантливом музыканте, став лауреатом фестиваля в Хельсинки. Не меньше, чем он сам, радовался победе ученика его учитель Борис Владимирович Беленький.

Здесь же, в Москве, Та Бон познакомился и подружился с вьетнамской студенткой, учившейся в ГИТИСе, будущей балериной и его женой Нгуен Ким Зунг.

В 1968 году, закончив аспирантуру, Та Бон уехал на родину и стал преподавателем Ханойской консерватории по классу скрипки. А в Москву стали приходить его письма, наполненные словами благодарности к своим учителям, подробно рассказывающие о его работе в Ханое, трудностях, с которыми столкнулась страна, сражавшаяся с американскими агрессорами и войсками сайгонского марионеточного режима. Та Бон писал о своих учениках и их судьбах, о том, с каким интересом они слушают его рассказы о Москве, о советских людях. «Каждую вещь, написанную русскими и советскими композиторами, мы разучиваем с особым вдохновением. В ней теплота и братство, соединяющие наши сердца с вашими».

Один из новых микрорайонов Ханоя — Жанг Во. Небольшой квадратный двор, затененный высокими, по самые крыши пятиэтажными домами деревьями. Здесь размещается Ханойская консерватория, центр музыкальной жизни страны, где приобщаются к национальной и мировой музыкальной культуре сотни молодых вьетнамцев. Среди выпускников консерватории немало известных в стране и за рубежом исполнителей, композиторов, есть яркие таланты и среди нынешних студентов. Мы разговариваем с Та Боном об одном из них.

До Суан Тунг, студент второго курса, окончил музыкальную школу с отличием, потом поступил в консерваторию, но

ИЗВЕСТНЫЙ ВЬЕТНАМСКИЙ СКРИПАЧ, ЧЛЕН ЖЮРИ VI МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО ТА БОН.

война помешала ему продолжить образование. Тунг, как и большинство его сверстников, добровольно вступил в народную армию и 11 лет отдал борьбе с врагом, не выпустив оружия из рук до тех пор, пока его страна не стала единой и свободной. Это поразительно, но факт: все 11 лет Тунг не расставался с мечтой стать музыкантом. Ему понадобилось не так уж мало времени, чтобы вернуть пальцам утраченную чувствительность и гибкость, вспомнить то, что он умел играть когда-то. Но он добился своего и вновь поступил в консерваторию.

— Это мой лучший ученик, талант которого равен его стремлению учиться, — говорит Та Бон.

Откровенно и увлеченно рассказывает Та Бон и о себе, своей работе. Играет он на скрипке с семи лет. Его отец Та Фьюок, известный в стране общественный музыкальный деятель, был директором Ханойской музыкальной школы, а впоследствии — консерватории. Он приобщил к музыке своих сыновей, и сейчас два брата Та Бона — профессиональные скрипачи, имена которых знают все любители музыки... Да, работы очень много, и не только преподавательской. С искусством скрипки как таковой вьетнамцы прежде были знакомы очень плохо, и Та Бону приходится часто выступать с лекциями, давать сольные концерты на предприятиях, в клубах, в институтах — словом, пропагандировать скрипку. И это приносит свои плоды: у его инструмента находится все больше почитателей. Жизнь его заполнена до краев.

— После 1968 года я был в Москве дважды — почетным гостем IV конкурса имени Чайковского в 1970 году, а совсем недавно меня приглашали принять участие в работе жюри VI конкурса. Это высокая честь — оценивать игру моих молодых коллег по искусству, работать вместе с великими музыкантами нашего времени, такими, как Леонид Коган. Но как оценить счастье вновь оказаться в стране, в городе, с которым сроднился сердцем, где прошли годы учебы, вновь увидеть дорогих людей! Я помню все московские улицы, по которым ходил, залахи подмосковного леса, ощущаю тесноту Московского метро в час «пик» и слышу скрип январского снега в Александровском саду. Это всегда со мной так же, как моя скрипка.

Он достает из футляра инструмент и, все так же неотрывно глядя в окно, начинает играть. Это «Прелюдия» Шостаковича. Он играет необыкновенно сложную вещь легко, виртуозно, очень по-своему. Играет для нас, стремясь передать в музыке то, что не в состоянии был выразить словами: искренность, глубину своих чувств. И я думаю о том, что, если он так же играл тогда, на вечере в Московской консерватории, невозможно не понять людей, аллодировавших его таланту, духу, страсти.

дин из пунктов устава Объединенного института ядерных исследований гласит: содействовать всестороннему развитию творческих способностей научно-исследовательских кадров государств — членов института. И вот уже больше 20 лет вьетнамские ученые вместе с учеными других стран участвуют в научных разработках международного центра в Дубне. Многие из них, начав здесь, по сути, еще совсем молодыми, не «обремененными» степенями и званиями, выросли в ученых, имена которых сейчас известны всему миру; они возглавили крупные научные центры и уже сами воспитали целую плеяду талантливых исследователей в области ядерной физики.

Больше 10 лет провел в Дубне Нгуен Ван Хьеу, ныне доктор физико-математических наук, профессор, директор Института физики в Ханое. До сих пор в Дубне вспоминают, какая огромной популярностью пользовались его лекции по квантовой теории поля. Много лет работал в Дубне Нгуен Динь Ты, замечательный исследователь, смелый экспериментатор, один из авторов открытия новой частицы, возглавивший в своей стране Министерство высшего и

Юрий НАТОВ

УЧЕНЫЕ ИЗ ДУБНЫ

среднего специального образования и одновременно Институт ядерной физики. Из стен международного центра вышло и еще немало вьетнамских ученых, специалистов в различных областях ядерной физики. Они заложили во Вьетнаме основу этой глобальной, новой для республики науки, и сейчас достижения вьетнамских ядерщиков с успехом применяются в решении многочисленных научных задач в области сельского хозяйства, биологии, медицины.

Руководитель национальной группы вьетнамских сотрудников ОИЯИ, кандидат технических наук Буй Зуан Чонг рассказывал нам о научных проблемах, в решении которых участвуют его товарищи. Сейчас Вьетнам представляет в Дубне 24 ученых, из которых 7 — кандидаты наук.

— Почти всем, что достигнуто нашими учеными в области ядерной физики, мы обязаны нашим советским коллегам, ученым другим социалистических стран, их опыту, знаниям, которыми они щедро делятся с нами, — говорит Буй Зуан Чонг. — Для всех нас Дубна стала не только огромной научной школой, но и школой идейной, школой ленинского интернационализма, дух которого определяет наши научные и человеческие взаимоотношения.

В лаборатории вычислительной техники и автоматизации мы познакомились с одним из молодых вьетнамских исследователей, комсомольцем Тхай Ле Тхангом. Его биография во многом характерна для тех, кому предстоит в будущем вершить судьбу национальной науки. Тханг родился в провинции Куангчы. Его отец — кадровый офицер Вьетнамской народной армии, участник борьбы с французскими колонизаторами и американскими агрессорами. Тханг с раннего детства узнал, что такое лишения; вместе с отцом он бывал на фронте, кочевал из одной воинской

Вдохновение.

части в другую, вынужден был учиться в разных школах. Но, решив еще в 6-м классе стать физиком, он упорно шел к своей мечте.

Как одного из лучших учеников, Тханга после школы направляют учиться в Советский Союз — в Белорусский государственный университет. Специальность он выбирает себе сам — электронные вычислительные машины.

— Я стал физиком, потому что хотел познать мир, — рассказывает он. — Потом оказалось, что это не так просто, даже если стал физиком, да еще электронщиком. Нужно еще много учиться, очень много...

После защиты диплома Тханг вернулся в Ханой, начал работать в Институте физики. На вычислительных машинах «Минск-32» он и его товарищи делали расчеты гидротехнических сооружений. Тем временем создание ядерного центра во Вьетнаме потребовало новых специалистов-ядерщиков, имеющих опыт фундаментальных исследований. И Тханг вновь приехал в Дубну, теперь уже как молодой ученик. С первых дней он включился в работу лаборатории, занятой обработкой результатов физических экспериментов. На первых порах не хватало опыта, знаний, но было огромное желание как можно быстрее овладеть техникой расчетов, новейшим

ВЬЕТНАМСКИЕ УЧЕНЫЕ ТХАЙ ЛЕ ТХАНГ И ЧАН ЗУЙ КХЫОНГ ВМЕСТЕ С ИХ СОВЕТСКИМ КОЛЛЕГОМ ИНЖЕНЕРОМ СЕРГЕЕМ КАЗАНЦЕВЫМ У ПУЛЬТА УПРАВЛЕНИЯ БСЭМ-6.

оборудованием. Молодому вьетнамскому исследователю много помогал начальник отдела обработки экспериментальных данных член-корреспондент АН СССР Николай Николаевич Говорун, кандидат физико-математических наук Николай Демьянович Дикусар и другие. Скоро Тханг вошел в общий ритм лаборатории и принял активное участие в создании системы математического обеспечения для автоматического измерения снимков с магнитной искровой камеры.

Похожая судьба и у самого молодого в институте вьетнамского ученого Чан Зуй Кхыонга. Ему 26 лет, тоже сын военного; учился в Ташкентском университете, по специальности физик-теоретик. Еще на 4-м курсе увлекся изучением мира элементарных частиц, физикой высоких энергий. Его доклад на студенческом семинаре по нелинейной квантовой теории стал одним из событий в жизни университета. После диплома Кхыонг работал у себя на родине в Институте ядерных исследований, теперь вот здесь, в Дубне.

Тханг смотрит на часы, встает. Ему надо идти в школу, к шестиклассникам: обещал рассказать им о национальном герое Вьетнама Нгуен Ван Чое. Такие встречи ученых социалистических стран со школьниками Дубны давно уже стали традицией. Советские пионеры хотят знать как можно больше о жизни народов, представители которых работают в их городе: ведь они тоже станут взрослыми, и на них ляжет ответственность не только за научный прогресс, но и за сохранение высокого духа интернационализма.

ВЬЕТНАМ: КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

Открытие международного аэропорта в Ханое

1 января 1978 года состоялось открытие Ханойского международного аэропорта.

Построенный в 30 километрах к северо-западу от столицы, аэропорт сможет принимать все типы самолетов гражданской авиации зарубежных стран.

Жаростойкий бетон

Усилиями сотрудников лаборатории стройматериалов Ханойского управления строительства и факультета строительных материалов Инженерно-строительного института недавно был разработан новый способ получения бетона, стойкого к высоким температурам. Достаточно сказать, что новый вид бетона выдерживает температуру от 700 до 1300 градусов. Стоимость полученного строительного материала вдвое меньше стоимости огнестойкого кирпича.

СУАН НГОК

СТАРИННЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Из разных источников мы знаем, что в эпоху Ли (1009—1225 гг.) во Вьетнаме существовало два вида оркестров: большой и малый.

В большом оркестре были духовые инструменты (разные виды флейт) и ударные (бубны, тарелки, гонги). Большой оркестр играл только при королевском дворе во время торжественных церемоний. В малый оркестр входили в основном струнные инструменты: двухструнная скрипка, семиструнная гитара, цитра, пипа и другие. К ним могли присоединяться и флейты. Малый оркестр имели возможность слушать все слои общества. Внешний облик инструментов можно увидеть на каменных опорах колонн, обнаруженных в пагоде Фаттить («След Будды»), построенной в 1034—1066 годах и находящейся на территории современной общины Фаттить уезда Тиеншон провинции Хабак. На каждой из четырех граней опор вырезаны на камне по два музыканта: барабанщики, флейтисты, музыканты с лютней, цитрой или гитарами. Музыкальная жизнь XI—XIII веков описана на каменной стеле в пагоде Вандой. Так из барельефов и настенных надписей мы узнаем немало интересного о культуре нашей страны в то время, когда Вьетнам, освободившийся от тысячелетнего угнетения китайской империи, переживал период национального возрождения.

ЧАН МАНЬ ФУ

Часть полуострова Камау занимают мангровые леса. По площади они стоят на втором месте в мире после мангровых лесов устья Амазонки в Бразилии.

Более 20 пород различных деревьев, перемежаясь друг с другом, придают этим лесам неповторимое своеобразие. Здесь произрастают влаголюбивые растения — кокосовые пальмы, различные виды ризофоров.

Среди деревьев, любящих обилье влаги, мангровые занимают наибольшую площадь. Стволы деревьев этого семейства прямые, листья круглый год зеленые, а корни настолько переплетены, что напоминают вогнутую внутрь паутину. На Камау есть огромные пространства (тысячи га), покрытые мангровыми деревьями только одной породы. Их высота достигает до 25—30 метров, а диаметр — более 30 сантиметров. В среднем на каждый гектар приходится по 500 деревьев.

Мангровые леса на Камау

Встречаются мангровые леса и вдоль морского побережья Северного Вьетнама (провинции Куангнинь, Хайфон и Нгетинь), но деревья здесь небольшие. Это объясняется тем, что в данной местности слой перегноя колеблется в пределах 2—5 метров, тогда как на Камау он достигает 20 метров.

Древесина мангровых деревьев широко распространена и очень ценится. Стены домов и полы, изготовленные из нее, отличаются оригинальным золотистым блеском, очень напоминающим блеск железного дерева. Почти все население Камау обитает в подобных жилищах. Они построены по берегам каналов с перекинутыми через них мостами, также изго-

ЛИСТОВКА В ЧЕСТЬ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В связи с 13-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции Компартия Индокитая нелегально распространила множество листовок, написанных на тыкве ком (старая вьетнамская письменность. — Ред.), в которых призывала народ к единству, усилиению борьбы против французских захватчиков. Подобным образом коммунисты хотели торжественно отметить исторический день всего человечества.

В тексте говорилось:

...Таков пример Октябрьской революции, поэтому она является общей революцией всех рабочих и крестьян земного шара.

Мы должны защищать Советский Союз.

1. В случае развертывания империалистической войны ни в коем случае не вступим в ряды солдат империалистической Франции, ни за что не будем воевать с Советским Союзом, а обратим оружие против французского империализма.

2. Нужно вести пропаганду среди населения, чтобы каждый человек знал правду о Советском Союзе и поддерживал его.

3. Нужно следовать примеру Октября.

Братья и сестры! Мы должны следовать примеру Октябрьской революции и вместе с рабочими и крестьянами всего мира осуществить коммунистическую революцию. Необходимо теснее сплотиться друг с другом, чтобы:

поддержать Советский Союз; выступить против империалистической войны.

В конце листовки стояла подпись: Коммунистическая партия Индокитая.

Здесь же помещалось изображение серпа и молота.

ДАО ФИЕУ

Пионерский поезд

Счет № 549 в Ханойском банке известен каждому пионеру и школьнику в Социалистической Республике Вьетнам. Вьетнамские дети собирают макулатуру и металлолом, работают на рисовых плантациях и животноводческих фермах, а заработанные деньги отправляют на уже знакомый пионерский счет. За год на нем скопилась значительная сумма — свыше четырех миллионов донгов. На своем слете активисты «маленького плана», как называли во Вьетнаме это пионерское движение, решили построить на собранные деньги целый поезд «Пионеры Хо Ши Мина». Настоящий поезд — с тепловозом, багажным, почтовым и пассажирским вагонами. Он будет курсировать по главной железной дороге страны — дороге «Единство», соединяющей Ханой и Хошимин.

КИЭУ ТХА

ВОДЯНОЙ УДАВ

Водяные удавы водятся в обширных болотах Хатиена (Восточное Намбо). Они достигают крупных размеров: 5 метров в длину и 20 сантиметров в ширину. Мясо пресмыкающихся вкусное — похоже на куриное. Из ребер варят желатин. Бойцы ударных отрядов, занятые в данном районе, приступили к разведению этого вида удавов.

АНЬ ДАО

тоги из древесины мангрового дерева. Удошки, сделанные из длинных стволов мангра, доходят до самой серединки канала. Для жителей этого района Юга мангровые деревья имеют такое же огромное значение, как бамбук для крестьян Севера. Уголь, изготовленный из мангра, обладает высокой теплотворной способностью и не дымится. В корнях и коре этих деревьев содержится большое количество танина, необходимого при дублении кожи и крашении тканей. Мангровые леса стали родным домом для многих видов птиц и гигантским ульем для пчел. Собранный в этих лесах мед имеет розовый цвет и очень ароматичен. Тихие заводи под кронами мангровых деревьев являются идеальным местом для размножения и роста рыб, креветок, крабов. Здесь же произрастает много водорослей.

ЛЕ МАНЬ ТУАН

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ИГРАЮТ НАШИ ДРУЗЬЯ

С каждым годом шахматы становятся все более популярными в странах Азии. Отнюдь не случайно недавний матч на мировое первенство Международная шахматная федерация организовала на Филиппинах. К древней и мудрой игре, зародившейся по свидетельству историков, более полутора тысяч лет назад в Индии, начинают приобщаться и наши вьетнамские друзья. Больших шахматных соревнований они пока не проводят, но их способные, перспективные шахматисты заявляют о себе все чаще на весьма представительных соревнованиях. Свидетельством этого могут служить запоминающиеся фрагменты двух партий, которые сыграли в классификационных турнирах два студента из СРВ.

Этот острый миттельштиль возник после 19-го хода белых в партии Нгуен Конг Тао (у него были черные фигуры) с К. Федоровым. Черные с вдохновением и четкостью провели атаку на лишенного рокировки короля соперника.

19. ...Фg5—c5+! 20. Kpf2—e1. Не давали удовлетворительной защиты и другие продолжения. Например, 20. Kpg3 Ce5! или 20. Ke3 Cd4 21. Fc1 d5!

20. ...d6—d5! 21. c4:d5 c6:d5 22. Fd1—d2 d5:e4!

Жертвуя коня, а вскоре и слона, черные в стремительном темпе развязывают комбинационный штурм. Не спасает белых вариант 23. fe Cf5! 24. F:f4 C:c3+ 25. bc L:e4+.

23. Fd2:f4 e4:f3+ 24. Kpe1—d1 Cc8—g4! 25. Ff4:g4.

Отказ от взятия второй фигуры тоже форсировано повел бы к проигрышу—25. gf Lad8+ 26. Kpc1 Ff2 27. Cc4 Cf5 28. Fh2 Le1+ 29. L:e1 F:h2 и т. д.

25. ...La8—d8+ 26. Kpd1—c1 Fc5—f2 27. Fg4—f4 f3:g2! 28. Ff4:f2 g2:h1F 29. Ff2—f4 Cg7—e5! Белые сдались, ибо их ферзь более не в силах обороны одновременно слона на поле «f1» и пешку на «h6».

К такому положению пришел поединок Чан Ван Туйен—С. Марченко после 19-го хода черных. Вьетнамец, игравший белыми, вслед за разменом ладей смело пожертвовал слона и лишил неприятельского короля пешечного прикрытия.

20. Lh1:h8 Kpg7:h8 21. Cd3:g6! f7:g6 22. Kf4:g6+ Kph8—g7.

Еще хуже для черных вариант 22. ...Kph7? 23. Ke5 Ch5 24. Fh3! Kpg7 25. Fc8 и т. д. Заметим, что белые проявляют будильность и обходят коварнуюловушку партнера—23. K:e7 F:g3 24. fg Kpf7, и конь белых в капкане.

23. Kg6—e5! Kpg7—f8 24. Fg3—h4 Cg4—e6 25. Fh4—h6+ Kpf8—e8 26. Fh6—h8+ Себ—g8.

Упорное сопротивление можно было оказать только путем 26. ...Kg8 27. Fg7 Kf6 и т. д. Теперь же белые, действуя с завидной энергией, форсированно добиваются успеха.

27. g2—g4! Kpe8—f8 28. Kc3—e2! Fd6—b4.

Не доставил бы удовольствия черным и другой вариант—28. ...Kd7 29. Kf4 K:e5 30. fe Fc5+ 31. Kpd1 Fb4 32. Ke6+ Kpf7 33. Fh5+! Kp:e6 34. Ff5x.

29. Fh8—h6+ Kpf8—e8 30. Fh6—g6+ Kpe8—f8 31. Kpc1—d1 Ce7—d8 32. Ke2—g3 Fb4—e7 33. Kg3—f5 Ff7—h7 34. g4—g5 Kf6—e8.

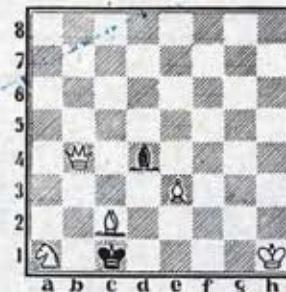
В случае 34. ...Ke4 35. F:h7 C:h7 36. g6 Cg8 37. f3 Kf6 38. g7+ Kpe8 39. Kd6+ Kpe7 40. K:b7 богатый пешечный урожай белых неминуемо решает исход борьбы в их пользу.

35. Fg6:h7 Cg8:h7 36. g5—g6 Ch7—g8 37. Ke5—d7x.

КОНКУРС МИНИАТЮР

(Продолжение. Начало см. в №№ 18, 19, 20 и 21.)

ПЯТЫЙ ТУР

Каким образом белые могут быстрее всего объявить мат?

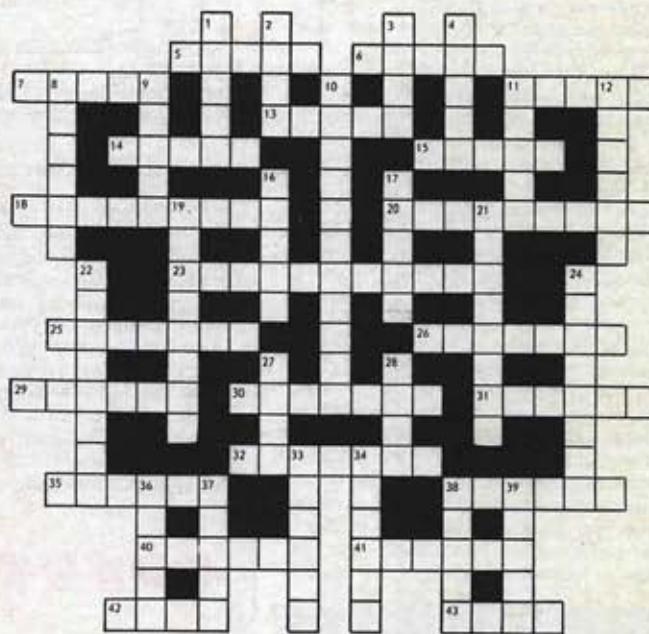

Кооперативный мат в три хода. Почтовые карточки с решениями композиций (ответ на каждую миниатюру—на отдельной открытке) пятого, предпоследнего тура просим посыпать в нашу редакцию с 11 по 20 января 1979 г. Не забудьте, что основной вариант следует давать в полной шахматной нотации, а остальные варианты—с красной строкой в сокращенной нотации.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ВЬЕТНАМ?

Составил Б. ФЕДОРОВ,
Москва

РОССОСВОРД

По горизонтали:

- Сладкий картофель, выращиваемый во Вьетнаме.
- Использованное горючее, добываемое в СРВ.
- Залив у берегов Вьетнама.
- Роман писателя, комиссара в войне Сопротивления Нгуен Динь Хти.
- Духовой инструмент, распространенный во Вьетнаме.
- Столица государства в Юго-Восточной Азии.
- Европейский струнный инструмент, получивший распространение во Вьетнаме.
- Способ увлажнения почвы, применяемый в СРВ.
- Небольшой ударный инструмент в оркестрах Вьетнама.
- Название сборника рассказов писателя Нам Као, участника Сопротивления.
- Частица, сопровождающая имена существительные во вьетнамском языке.
- Центр химической и пищевой промышленности в СРВ.
- Автономный район в СРВ.
- Род полуобезьян, обитающих в лесах Юго-Восточной Азии.
- Советский писатель, автор поэмы «Обугленная грань» об американской интервенции в Индокитай.
- Древовидный злак, из стебля которого во Вьетнаме изготавливаются флейты.
- Самая большая река на Индокитайском полуострове.
- Металл.
- Условный круг, параллельный экватору.
- Южное эфирномасличное растение, культивируемое в Азии.
- Денежная единица Вьетнама.

По вертикали:

- Жанр древней народной песни во Вьетнаме.
- Музыкальное произведение в четком ритме.
- Жанр вьетнамской лирической поэзии.
- Название сборника произведений Нам Као, посвященных людям нового Вьетнама.
- Тропический плод, экспортный СРВ.
- Металл, добываемый во Вьетнаме.
- Химическое удобрение, производимое в СРВ.
- Традиционный театральный жанр Вьетнама.
- Земляной орех, культивируемый в СРВ.
- Промышленное предприятие.
- Кинокартина.
- Помещение для публичных чтений на научные темы.
- Человек, занятый обнаружением месторождений полезных ископаемых.
- Член детской коммунистической организации.
- Советский писатель, автор публицистических произведений «Открытия из Вьетнама».
- Поэма Нгуен Зу о трагической судьбе талантливой девушки в прошлом.
- Волокнистое растение, выращиваемое во Вьетнаме.
- Переведенные буквально слова и выражения с другого языка.
- Сок, выделяемый медоносными растениями.
- Тропический плод, экспортный СРВ.
- Орех пальмы, растущий в Юго-Восточной Азии.
- Разновидность велосипеда с мотором, выпускаемого во Вьетнаме.
- Оболочка личинки шелкопряда, разводимого в СРВ.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 21

По горизонтали:

- «Тропики».
- Королев.
- Эпос.
- Проволока.
- Озон.
- Резус.
- Силос.
- Месторождение.
- Кедров.
- Снимок.
- Радиотелескоп.
- Гудал.
- Вебер.
- Рига.
- Усилитель.
- Уод.
- Джалиль.
- Косилка.

По вертикали:

- Опосум.
- Ско.
- Лобан.
- Подобие.
- Федоров.
- Козлобородник.
- Волхов.
- Гольденвейзер.
- Сенегал.
- Симонов.
- Сербия.
- Руфиджи.
- «Рафаэль».
- Петуния.
- «Девочка».
- Гусли.
- «Льгов».

ВЗГЛЯДОМ ДРУГА

Художник Александр Житомирский недавно вернулся из Вьетнама. Поездка по стране Хо Ши Мина, встречи с мужественными людьми, завоевавшими свободу и независимость, остались яркий след в творчестве художника. У Александра Житомирского свыше ста рисунков, привезенных из Вьетнама. С некоторыми из них мы знакомим читателей.

ЮНОША С МОЛОДЕЖНОЙ СТРОИКИ

НАГОДА МОТ В ХАНОЕ —
ЖЕМЧУЖИНА ВЬЕТНАМСКОЙ
АРХИТЕКТУРЫ

МОЛОДАЯ КИНОАКТРИСА

НИГАЛЬ —
ДРЕВНЯЯ
КРЕПОСТЬ
В ХАНОЕ

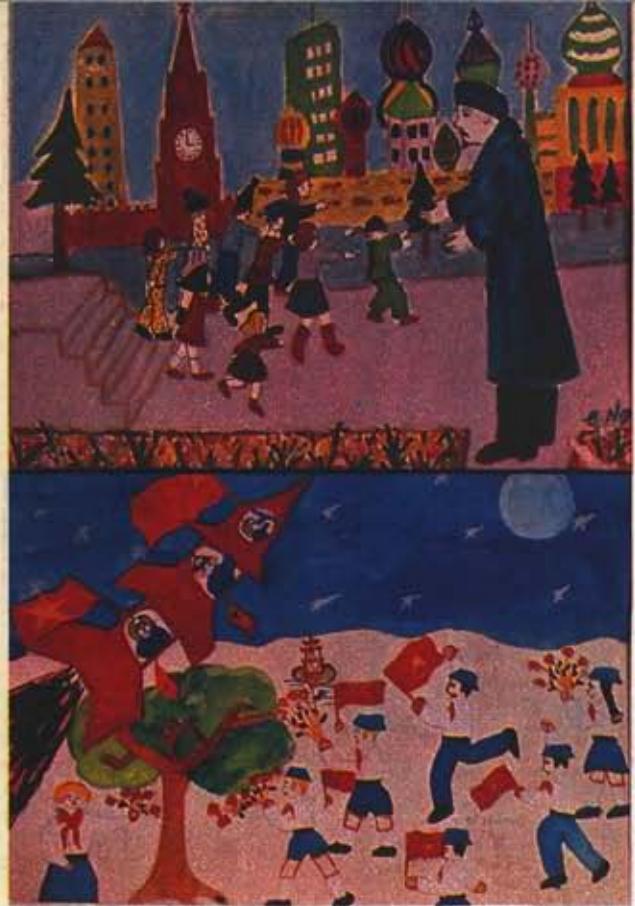
ТАНЦОВЩИЦА
ИЗ АНСАМБЛЯ
ВЬЕТНАМСКОЙ
АРМИИ

В ДЕРЕВНЕ БИХОА

ЮНОША
С МОЛОДЕЖНОЙ
СТРОИКИ

НГО БИК НГОК, 14 лет.

ВО АНЬ ТХАМ, 11 лет.

ЧОН ХҮОНГ ЗАНГ, 9 лет.

ДРУЖБА КАРАНДАШОМ И КИСТЬЮ

Уже более десяти лет пионерская газета «Тхиев Ниен Тыен Фонг» организует ежегодные литературные и художественные конкурсы среди своих юных читателей. Некоторые из победителей наших конкурсов стали уже профессиональными художниками и литераторами.

В последнем нашем конкурсе, посвященном юбилею Великого Октября, «Мы рисуем и пишем об Октябрьской революции и стране великого Ленина» участвовало около миллиона пионеров и школьников Вьетнама. Они прислали в редакцию свои сочинения, рисунки, скульптуры. В ходе подготовки к конкурсу ребята познакомились с историей Октябрьской революции, с подвигами советских людей, боровшихся за свободу любимой Родины. Они с благодарностью отмечали большую помощь Советского Союза СРВ, рассказывали о дружбе между народами наших братских стран.

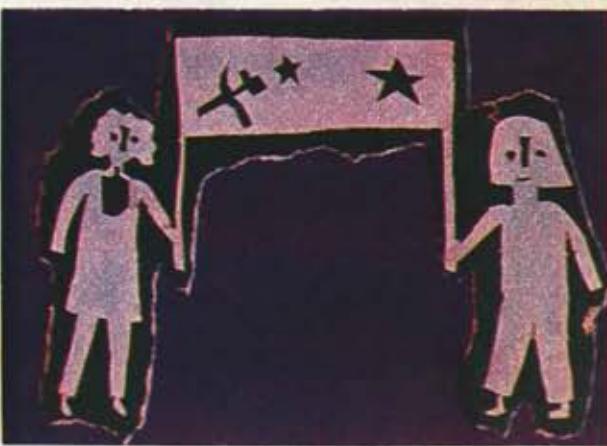
В редакцию приходило так много писем от участников конкурса, что мы вынуждены были продлить его почти на полгода. И подводили его итоги только летом 1978 года. Для участия в конкурсе было отобрано почти три тысячи рисунков и столько же стихотворений, около тысячи рассказов и сочинений, множество скульптур, игрушек, различных поделок. Все эти работы свидетельствовали о том, с какой любовью пионеры и дети Вьетнама относятся к Родине великого Ленина, к народу Страны Советов.

С некоторыми работами участников конкурса знакомы советские люди. Их рисунки можно было увидеть на выставке в Москве во время Декады советско-вьетнамской дружбы, и я рад, что теперь с ними познакомятся и читатели популярного советского журнала.

ЛЕ ЧАН,
главный редактор газеты
«Тхиев Ниен Тыен Фонг»

ДО МАЙ ХҮОНГ, 12 лет.

НГҮЕН ТХИ ТХАО, 13 лет.

